
Майкл Ондатже
Призрак Анил
впервые на русском
PREMIUM

Призрак Анил
Майкл Ондатже

Аннотация
Майкл Ондатже. Призрак Анил
ОТ АВТОРА
~~~
САРАТ
РОЩА АСКЕТОВ
БРАТ
АНАНДА
МЫШОНОК
МЕЖДУ УДАРАМИ СЕРДЦА
КОЛЕСО ЖИЗНИ
ДИСТАНЦИЯ
БЛАГОДАРНОСТИ
~~~

Аннотация

Майкл Ондатже прогремел на весь мир «Английским пациентом» — удивительным бестселлером, который покорил читателей всех континентов, был отмечен самой престижной в англоязычном мире Букеровской премией и послужил основой знаменитого кинофильма, получившего девять «Оскаров». Следующего романа Ондатже пришлось ждать долго, но ожидания окупились сторицей. Итак, познакомьтесь с Анил Тиссера — уроженкой Цейлона, получившей образование в Англии и США, успевшей разбить не одно сердце и вернувшейся на родину как антрополог и судмедэксперт. Международной организацией по защите прав человека ей поручено выявить вдохновителей кампании террора, терзающей Шри-Ланку — древнюю страну с многовековыми традициями, вытолкнутую в трагичную современность…

Впервые на русском.

Майкл Ондатже
Призрак Анил

ОТ АВТОРА

С середины 1980-х до начала 1990-х годов Шри-Ланка переживала кризис, в который были втянуты три основные группы: правительство, антиправительственные повстанческие силы на юге и партизаны-сепаратисты на севере. Как повстанцы, так и сепаратисты объявили войну правительству. В конце концов против сепаратистов и мятежников были посланы правительственные подразделения, законные и незаконные.

«Призрак Анил» — роман, действие которого разворачивается в ту политическую эпоху и в тот исторический момент. И хотя организации и события, подобные тем, что здесь описаны, существовали и происходили на самом деле, герои и эпизоды книги полностью вымышлены.

Сегодня война на Шри-Ланке продолжается в другой форме.

М.О.

~~~

В поисках работы я пришел в Богалу,
Я спускался в шахты глубиной в семьдесят сажень,
Незаметный, как муха, неразличимый сверху.
Лишь когда я выбираюсь на поверхность,
Моей жизни ничего не угрожает…
Благословенны подмости глубоко в шахте,
Благословенно колесо жизни у входа в шахту,
Благословенна цепь, привязанная к колесу…

Народная песня шахтеров, Шри-Ланка

Утром, в половине шестого, когда приезжали судебные эксперты, их уже ждали несколько родственников. Пока Анил с коллегами работали, они стояли и никуда не уходили. Они сменяли друг друга, и кто-нибудь всегда оставался поблизости, как бы для того, чтобы свидетельства не были вновь потеряны. Бдение над мертвыми, над их
~~~

полураскопанными телами.

На ночь захоронение прикрывали пластиковой пленкой, прижав ее к земле камнями или кусками железа. Родственники знали, когда примерно должны появиться ученые. Они снимали пленку, подходили к обнажившимся костям и стояли там, пока вдали не раздавался рев полноприводного внедорожника. Однажды Анил обнаружила на земле отпечаток босой ноги. На другой день — лепесток цветка.

Они готовили чай для бригады экспертов. В самые изнурительные часы гватемальской жары защищали их от солнца своими серапе или банановыми листьями. Потом переходили к другим раскопкам в горах на западе. Найти пропавшего сына можно было где угодно.

Однажды во время обеденного перерыва Анил и ее коллеги отправились к ближайшей речке, чтобы освежиться. Вернувшись, они увидели в могиле женщину. Она стояла на коленях, низко склонившись, словно на молитве, и смотрела вниз на останки двух тел. Годом раньше в этом регионе похитили ее мужа и брата. Теперь казалось, что мужчины прилегли вздремнуть рядом на циновке. Когда — то эта женщина была связующим звеном между ними, соединяла их.

Они возвращались с поля, входили в хижину, ели приготовленный ею обед и спали около часа. Она участвовала в этом каждый день.

Анил понимала, что нет слов, способных описать, даже для нее самой, лицо этой женщины. Но оплакивание любви на этом склоне она никогда не забудет, помнит до сих пор. Услышав их приближение, женщина встала и отошла, освободив им место для работы.

САРАТ

Она прилетела в начале марта, их самолет приземлился в аэропорту Канаяка до рассвета. Они летели с западного побережья Индии, и, когда пассажиры спустились по трапу на бетонную полосу, было еще темно.

Когда она вышла из терминала, солнце уже поднялось над горизонтом. На Западе она когда-то прочитала: «Где заря проходит в бухту, словно гром из-за морей»[1] — и поняла, что она единственная из всей группы может представить себе эту фразу физически. Хотя ей самой рассвет никогда не казался неожиданным, как гром. Сначала раздавалось квохтанье кур, шум повозок и слабого утреннего дождя или скрип газеты по стеклу, которой кто-то протирал окно в другой части дома.

Как только ее паспорт ООН в голубой обложке был проверен, к ней подошел молодой чиновник и зашагал рядом. Она сражалась со своими чемоданами, но он не вызвался помочь.

---

[1] Примечания: 1

Строка из стихотворения Р. Киплинга «Мандалей». Пер. М. Гутнера. (здесь и далее примечания переводчика.)

— Давно вы уехали? Вы же здесь родились, верно?

— Пятнадцать лет назад.

— Вы еще говорите по-сингальски?

— Немного. Послушайте, вы не против, если мы помолчим в машине по пути в Коломбо? Я еще не пришла в себя от перелета. Мне просто хочется немного оглядеться. Может, выпить немного тодди, пока не поздно. В салоне Габриэля по-прежнему делают массаж головы?

— В Коллапитии? Да. Я знал его отца.

— Мой отец тоже знал его отца.

Не притронувшись к чемоданам, он организовал погрузку багажа в машину.

— Тодди! — Он рассмеялся, продолжая разговор. — Первое, о чем вы вспомнили через пятнадцать лет. Возвращение блудной дочери.

— Я не блудная дочь.

Час спустя он энергично тряс ей руку у двери снятого для нее маленького дома.

— Завтра встреча с господином Диясеной.

— Благодарю.

— У вас здесь есть друзья?

— Сказать по правде, нет.

Анил была рада остаться в одиночестве. В Коломбо у нее имелись кое-какие родственники, но

она не стала сообщать им о своем возвращении. Она извлекла из сумки таблетку снотворного, включила вентилятор, выбрала себе саронг и улеглась в постель. Больше всего она соскучилась по вентиляторам. После того как в восемнадцать лет она уехала из Шри-Ланки, единственным, что по-настоящему связывало ее с домом, были новые саронги — их присылали каждое Рождество родители, а она покорно их носила — и новые вырезки из газет о соревнованиях по плаванью. Еще подростком Анил прекрасно плавала, и ее семья так и не смогла этого забыть — ярлык пловчихи пристал к ней навечно. На Шри-Ланке известный игрок в крикет мог с легкостью начать деловую карьеру благодаря техничному удару или знаменитому броску в матче между командами Королевского колледжа и колледжа Святого Фомы. В шестнадцать лет Анил выиграла заплыв на две мили, который устраивал отель «Маунт-Лавиния».

Каждый год десятки людей бросались в море, проплывали милю до буя и возвращались на берег. Потом еще день-два газеты поздравляли самого быстрого мужчину и самую быструю женщину. В «Обсервере» появилась фотография, где она выходит из прибоя в то январское утро, с

надписью: «Анил победила!» — отец повесил ее у себя в конторе. Эту фотографию разглядывали все дальние родственники из Австралии, Малайзии и Англии, а также на Шри-Ланке не из-за ее победы, а, вероятно, из-за ее привлекательной внешности тогда и в будущем. Не казалась ли она там слишком широкой в бедрах?

Фотограф поймал усталую улыбку Анил, согнутая правая рука стягивает резиновую шапочку, на заднем плане расплывчатые фигуры проигравших (когда-то она знала их по именам). Черно-белая фотография слишком долго оставалась семейной иконой.

Откинув простыню к ногам, Анил лежала в темной комнате, подставив лицо потокам воздуха. Прошлое больше не привязывало ее к острову. С тех пор как она пренебрегла своей ранней славой, прошло пятнадцать лет. Она читала документы и сообщения, полные трагизма. Достаточно долго прожив за границей, теперь она могла смотреть на Шри-Ланку отстраненным взглядом. Но в нравственном отношении она столкнулась с более сложным миром. Улицы по-прежнему были улицами. Горожане горожанами. Но по сравнению с тем, что здесь произошло, самые мрачные греческие трагедии казались детским

лепетом. Головы, насаженные на кол. Скелеты, извлеченные в Матале из ямы для ферментации бобов какао. Еще студенткой Анил перевела строку из Архилоха: *Соблюдая правила войны, мы оставляем им на память тела их мертвецов.* Здесь же семьям погибших не оставляли ничего, даже информации о том, кем был враг.

Пещера № 14, когда-то самая красивая из всех буддийских пещерных храмов в провинции Шаньси. При входе вам кажется, что отсюда вынесли огромные соляные глыбы. Панораму бодхисатв — двадцать четыре перерождения — вырубили из стены топорами; края, обведенные красным, напоминают зияющую рану.

— Ничто не вечно, — сказал им Палипана. — Это давнее заблуждение. Произведения искусства сгорают, разрушаются. А вся любовь при капризах истории немногого стоит.

Он сказал это своим студентам на первом занятии по археологии. Он говорил о книгах и искусстве, о «власти идей» как единственном, что остается в веках.

На этом месте совершилось страшное преступление. Головы отделены от тел. Руки отбиты. Не сохранилось ни одной скульптуры. После того как японские археологи открыли эти статуи в

1918 году, за несколько лет их вывезли отсюда. Бодхисатв быстро раскупили западные музеи. Три торса хранятся в музее в Калифорнии. Одна из голов утонула в реке к югу от пустыни Синд, где проходят маршруты паломников.

Королевская Жизнь После Смерти.

На следующее утро Анил попросили встретиться в больнице на Кинси-роуд со студентами, изучавшими судебную медицину. Она приехала на Шри-Ланку не для этого, но согласилась. Она еще не виделась с мистером Диясеной, археологом, которого правительство назначило расследовать вместе с ней нарушения прав человека. Ей сообщили, что его нет в городе и что он свяжется с ней, как только вернется в Коломбо.

Первое же доставленное в лабораторию тело принадлежало человеку, убитому уже после того, как она прилетела на остров. Когда она осознала, что это случилось, вероятно, ранним вечером, когда она прогуливалась по рынку Петтах, ей пришлось сделать над собой усилие, чтобы унять дрожь в руках. Два студента переглянулись. Обычно она никогда не связывала время смерти со своим личным временем, однако на этот раз прикинула, который час теперь в Лондоне и в Сан-Диего. Половина шестого. Половина второго.

— Это ваш первый труп? — спросил один из них.

Она покачала головой.

— Кости рук перебиты.

Вот он, прямо перед ней.

Она посмотрела на студентов. Они еще учились и были достаточно молоды, чтобы испытать потрясение. Труп был совсем свежим. Он еще оставался кем-то. Обычно жертв политических преступлений находят гораздо позже. Она погрузила пальцы в мензурку с голубым раствором, чтобы проверить, есть ли ссадины и порезы.

— Около двадцати лет. Смерть наступила двенадцать часов назад. Вы согласны?

— Да.

— Да.

Они казались взволнованными, даже испуганными.

— Повторите, как вас зовут?

Они сказали.

— Важно вслух сформулировать первые впечатления. Потом их обдумать. Допустить, что могли ошибиться. — (Нужно ли читать им лекцию?) — Если в первый раз вы ошиблись, составьте картину заново. Возможно, вы сможете заметить то, что просмотрели раньше… Почему

перебиты кости рук, а пальцы не повреждены? Это странно… Человек, защищаясь, вскидывает руки вверх. Обычно повреждаются пальцы.

— Быть может, он молился?

Она молча посмотрела на сказавшего это студента.

У следующего трупа имелись «болтающиеся» переломы грудной клетки. Это означало, что, прежде чем удариться о воду животом, он был сброшен с большой высоты — не меньше ста пятидесяти метров. Из тела вышел весь воздух. Значит, его сбросили с вертолета.

На следующее утро Анил проснулась рано и вышла из арендованного дома на Уорд-плейс в темный сад на крик кукушек, занятых собственными заявлениями и воззваниями. Она постояла там, отхлебывая чай из чашки. Потом, когда закрапал дождь, она вышла на главную дорогу. Рядом остановилось трехколесное такси. Она села, и такси помчалось вперед, ныряя в узкие просветы в густом потоке машин. Анил крепко держалась за кожаные петли, с открытых боков машины дождь капал на лодыжки. В «баджадже» было прохладнее, чем в такси с кондиционером, и ей нравился крякающий звук гудков.

В первые дни своего пребывания в Коломбо,

когда разражалась непогода, она, похоже, всегда оказывалась одна. Капли дождя на рубашке, запах пыли во влажном воздухе. Облака внезапно разверзались, и город превращался в деревушку, где знакомые перекрикиваются друг с другом, радуясь дождю. Или это было неуверенное одобрение дождя на случай, если тот окажется всего лишь кратковременными осадками.

Много лет назад ее родители пригласили на обед гостей. Они поставили длинный стол в своем поникшем сухом саду. Был конец мая, но засуха все не кончалась, сезон дождей никак не наступал. И вот уже ближе к концу обеда хлынул дождь. Ощутив перемену в воздухе, Анил проснулась у себя в спальне, быстро подошла к окну и выглянула во двор. Гости бежали под проливным дождем, занося старинные стулья в дом. Но отец и сидевшая рядом с ним женщина остались за столом, празднуя перемену погоды, а земля вокруг них превращалась в грязь. Пять минут, быть может десять, они сидели и беседовали, просто чтобы убедиться в том, что это не кратковременные осадки, что дождь будет лить и лить.

Гудки, похожие на кряканье уток.

Дождь лил на Коломбо, пока ее «баджадж» направлялся прямиком в министерство археологии.

Там и сям в маленьких лавчонках загорались огни. Анил наклонилась вперед:

— Мне нужно купить сигарет.

Они свернули к обочине, и водитель, не вылезая из машины, что-то крикнул. Под дождь из магазина вышел мужчина с тремя сортами сигарет, она выбрала пачку «Золотого листа» и расплатилась. Они поехали дальше.

Внезапно Анил ощутила радость оттого, что вернулась, в ней ожили детские воспоминания. Узнав, что на Шри-Ланку хотят направить судебного антрополога, она без особого желания подала заявку в Центр по правам человека в Женеве. Она не думала, что выберут ее из-за того, что она родилась на острове, хотя сейчас всюду ездила с британским паспортом. Тогда представлялось весьма сомнительным, что специалисту по правам человека вообще разрешат въезд в страну. Протесты «Амнести Интернешнл» и других организаций, следящих за соблюдением прав человека, годами отсылались в Женеву и без движения лежали там, подобно леднику. Президент Катугала утверждал, что не располагает сведениями об организованной кампании убийств на острове. Но под давлением западных деловых партнеров правительство, чтобы их

успокоить, в конце концов согласилось на сотрудничество местных властей с иностранными консультантами, и Анил Тиссера в качестве судебно-медицинского эксперта из Женевы была выбрана для работы с археологом из Коломбо. Это был семинедельный проект. Никто из Центра по правам человека по этому поводу особо не обольщался.

Войдя в министерство археологии, она услышала:

— *Так, значит, вы пловчиха!*

К ней с вытянутой вперед рукой непринужденно направлялся широкоплечий мужчина лет под пятьдесят. Она понадеялась, что это не мистер Сарат Диясена, но это был именно он.

— Это было давно.

— И все же… Возможно, я видел вас в Маунт-Лавинии.

— Каким образом?

— Я учился в колледже Святого Фомы. Прямо там. Конечно, я немного старше вас.

— Мистер Диясена… давайте не будем больше говорить о плавании, хорошо? С тех пор под мостом пролилось много крови.

— Хорошо-хорошо, — отозвался он, растягивая слова.

Вскоре она привыкнет к этой его манере, рассчитанной на то, чтобы протянуть время. Нечто вроде азиатского кивка, почти кругового движения головы, заключающего в себе возможность отрицания. Произнесенное дважды «хорошо» формально было согласием, но с оттенком сомнения, согласием, данным из вежливости, но содержащим в себе предположение, что вопрос еще не решен окончательно.

Анил улыбнулась, стараясь смягчить тот факт, что с первых же слов они умудрились повздорить.

— Очень приятно познакомиться. Я читала ваши статьи.

— Я, разумеется, занимаюсь совсем другим временем. Но хотя бы знаю, где что находится…

— Вы не против, если мы позавтракаем? — спросила она, пока они направлялись к машине.

— Вы замужем? У вас есть семья?

— Нет, не замужем. И не пловчиха.

— Хорошо.

— Трупы теперь привозят каждую неделю. Пик террора пришелся на восемьдесят восьмой и восемьдесят девятый, но, разумеется, убийства практиковались задолго до этого. Каждая из сторон убивала и прятала следы. *Каждая*. Это

неофициальная война, никто не хочет оттолкнуть иностранные державы. Поэтому банды убийц орудуют тайно. Не так, как в Центральной Америке. Убивает не только правительство. У нас до сих пор существуют три вражеских лагеря — один на севере и два на юге, — они используют оружие, пропаганду, страх, лживые плакаты, цензуру. Импортируют современное западное оружие или делают сами. Пару лет назад люди начали просто исчезать. Иногда находят сожженные тела, которые нельзя опознать. И обвинить в этом некого. Никто не может сказать, кто эти жертвы. Я просто археолог. Работать под вашим началом не моя идея. Если хотите знать мое мнение, судмедэксперт и археолог не слишком удачная пара. Мы в основном имеем дело с казнями без суда и следствия. Со стороны повстанцев, правительства или сепаратистов-партизан. Убийства совершали все.

— Трудно сказать, кто здесь хуже. Отчеты ужасающи.

Он заказал еще чашку чая и посмотрел на принесенную еду. Она просила принести творог и пальмовый сахар. Когда они закончили, он сказал:

— Пошли. Я отвезу вас на корабль. Покажу, где

мы будем работать…

«Оронсей», пассажирский лайнер, ходивший прежде по восточному маршруту, лишился всех своих внутренностей — ценных механизмов и роскошной мебели. Когда-то он курсировал между Азией и Англией — из Коломбо в Порт-Саид, скользя по узким водам Суэцкого канала и завершая путь в доках Тилбери. В 1970-х он совершал только местные рейсы. Потом перегородки между каютами туристического класса разобрали, превратив свободное пространство в грузовой трюм. Вместо капризных пассажиров лайнер стал перевозить чай, питьевую воду, каучуковые изделия и рис, а также немногочисленных искателей приключений и работы, вроде племянников акционеров судоходной компании. Он до сих пор оставался восточным кораблем, способным выносить азиатскую жару, а в его трюме еще пахло соленой водой, ржавчиной и машинным маслом, смешанным с ароматом чая.

Последние три года «Оронсей» стоял на вечной стоянке на заброшенном причале в северной части порта Коломбо. В сущности, огромный корабль стал частью суши и использовался больницей на Кинси-роуд в качестве склада и рабочего помещения. Из-за нехватки свободного

места в больнице часть переделанного лайнера стала базой Сарата и Анил.

Покинув Рекламейшн-стрит, они поднялись по трапу.

Анил зажгла спичку в темном трюме, и пламя высветило ее руку. На левом запястье мелькнула хлопковая нить «защиты», и спичка погасла. За месяц, прошедший с тех пор, как на церемонии *пирит*[2] ей была повязана *ракш*[3], нить потеряла свой розовый цвет. Когда она натянула на руку резиновую перчатку, нить сделалась еще бледнее, как будто подо льдом.

Пока горела спичка, Сарат нашел фонарь, и они оба двинулись вперед за прыгающим пятном света. Подойдя к металлической перегородке, он с силой ударил по ней ладонью — внутри послышались шорохи, заметались крысы.

— Словно любовники, вскакивающие с постели, когда домой возвращается жена, — пробормотала Анил, но осеклась. Она недостаточно хорошо его знала, чтобы подшучивать над институтом

---

[2] Примечания: 2

Религиозная церемония ночного чтения пирита-сутт.

[3] Примечания: 3

У индусов браслет-талисман, предохраняющий от дурного глаза, колдовства и т. п.; делается из ниток и обвязывается, с молитвой, вокруг запястья.

брака. И едва не прибавила: «А вот и я».

«А вот и я», — говорила она, склоняясь над телом, чтобы установить время смерти. Эти слова звучали то саркастически, то нежно, в зависимости от настроения; обычно она шептала их, протягивая руку и держа ладонь в миллиметре от тела, чтобы почувствовать, теплое ли оно. *Оно. Уже* не *он* и не *она.*

— Постучите еще, — попросила она.

— Я возьму молоток.

На этот раз грохот металла эхом отозвался в темноте, и, когда он замер, воцарилась тишина.

— Закройте глаза, — предупредил он. — Я зажгу серную лампу.

Но Анил уже приходилось работать при ярком плазменном свете в ночных каменоломнях и подвалах, где он безжалостно обнажал каждую деталь. Они стояли в просторном помещении с остатками бара в углу, где она потом найдет канделябр. Здесь будет их лаборатория и склад — рождающие клаустрофобию, с запахом лизола в воздухе.

Она заметила, что Сарат уже использовал трюм для хранения своих археологических находок. На полу во множестве лежали фрагменты костей, завернутые в прозрачную пластиковую плен-

ку, камни и крепко перевязанные деревянные ящики.

Что ж, она приехала сюда не для того, чтобы заниматься Средними веками.

Он что-то говорил, раскрывая ящики, демонстрируя результаты последних раскопок.

— …в основном шестого века. Мы думаем, там, неподалеку от Бандаравелы, было священное захоронение монахов.

— Нашли скелеты?

— Пока три. И несколько окаменелых деревянных сосудов. Все одного и того же времени.

Она надела перчатки и подняла старую кость, прикидывая вес. По-видимому, датировка была верной.

— Сначала скелеты завернули в листья, а после в ткань, — сообщил он ей. — А сверху положили камни, и те впоследствии провалились сквозь ребра в грудную полость.

Через несколько лет после захоронения поверхность земли слегка оседала. Потом в пространство, оставленное разложившейся плотью, падал камень, как бы сигнализируя о том, что дух покинул тело. Этот природный обряд всегда волновал ее. В детстве, в Куттапитии, Анил однажды наступила на неглубокую могилку

недавно похороненного цыпленка, вытеснив своим весом воздух из мертвого тельца сквозь клюв. Последовал приглушенный писк; она в страхе, с колотившимся сердцем, отшатнулась, потом пальцами разрыла землю, боясь увидеть моргающую птицу. Но та была мертва, глаза засыпаны песком. Анил до сих пор не могла забыть тот случай. Она вновь зарыла могилку и, пятясь, ушла прочь.

Она взяла из кучки другой фрагмент кости и поскребла его.

— Это оттуда же? На шестой век не похоже.

— Весь материал попал сюда из груды монашеских останков в государственном археологическом заповеднике. Туда не пускают посторонних.

— Но эта кость… она из другого времени.

Прервав свою работу, он посмотрел на Анил:

— Эта зона охраняется государством. Скелеты захоронены в естественных впадинах близ пещер Бандаравелы. Скелеты и отдельные кости. Вряд ли вы найдете там что-то из другой эпохи.

— Мы можем туда поехать?

— Наверное, да. Я постараюсь получить разрешение.

Они выбрались на палубу корабля, на солнеч-

ный свет и шум. С главного канала порта Коломбо доносился рев моторов и крики в мегафон над запруженными транспортом водными путями.

В первый же уик-энд Анил взяла машину и отправилась в деревню в миле от Раджагирии. Она остановилась у скрытого за деревьями крохотного дворика — трудно было поверить, что там помещается дом. Большие пятнистые листья кротонов устилали землю. Казалось, в доме никого нет.

На следующий день после прибытия в Коломбо Анил отправила письмо, на которое не получила ответа. Поэтому она не знала, увенчается ли ее поездка успехом, означает ли молчание готовность ее принять, или по этому адресу больше никто не живет. Она постучалась в дверь, затем заглянула внутрь сквозь прутья оконной решетки и быстро обернулась, услышав, что кто-то вышел на крыльцо. Анил с трудом узнала крошечную старушку. Они стояли, глядя друг на друга. Анил шагнула вперед, чтобы ее обнять. В этот момент из дома вышла молодая женщина и без улыбки посмотрела на них. Анил ощутила на себе суровый взгляд, не вязавшийся с волнующим моментом.

Немного отстранившись, Анил увидела, что старая женщина плачет. Вытянув вперед руки,

она гладила Анил по волосам. Анил обняла ее за плечи. Их забытый язык. Она поцеловала Лалиту в обе щеки, та была такая маленькая и хрупкая, что ей пришлось наклониться. Когда Анил отпустила ее, старушка казалась растерянной, и молодая женщина — *кто она?* — шагнув вперед, подвела ее к стулу и ушла. Анил уселась рядом с Лалитой и молча держала ее за руки, ощущая боль внутри. На столе рядом с ними стояла большая фотография в рамке, Лалита взяла ее и протянула Анил. Пятидесятилетняя Лалита, ее бездельник-муж и дочь с двумя малютками на руках. Старушка показала на одну из них пальцем, потом в темноту дома. Значит, молодая женщина была ее внучкой.

Молодая женщина принесла поднос со сладким печеньем и чаем и что-то сказала Лалите по-тамильски. Анил удалось разобрать всего несколько слов. Чтобы понять их разговор, приходилось больше полагаться на тональность. Как-то раз она сказала что-то незнакомцу по-тамильски, и тот озадаченно на нее посмотрел. Потом ей объяснили, что из-за отсутствия верной тональности он просто ее не понял. Не понял, что означали ее слова: вопрос, утверждение или приказ. Лалита, кажется стесняясь говорить по-

тамильски, перешла на шепот. Внучка, которая почти ни разу не взглянула на Анил с тех пор, как они пожали при встрече руки, говорила громко. Посмотрев на Анил, она сказала по-английски:

— Бабушка просит сфотографировать вас вдвоем. На память о вашей встрече.

Она опять вышла, потом вернулась с «Никоном» и попросила их сесть поближе друг к другу. Она сказала что-то по-тамильски и сделала снимок, когда Анил была не совсем готова. Оказалось, что хватит одного. Внучка явно грешила самоуверенностью.

— Вы здесь живете? — спросила Анил.

— Нет. Это дом моего брата. Я работаю в лагерях для беженцев на севере. Я стараюсь раз в две недели приезжать сюда на выходные, чтобы брат с женой могли уйти. Сколько вам было лет, когда вы в последний раз видели бабушку?

— Восемнадцать. С тех пор я здесь не была.

— Ваши родители здесь?

— Они умерли. А брат уехал. Остались только друзья отца.

— Выходит, здесь у вас нет близких?

— Одна Лалита. К тому же она меня вырастила. Анил хотелось сказать больше, рассказать, что Лалита была единственным человеком, который

в детстве научил ее чему-то стоящему.

— Она *всех* нас вырастила, — сказала внучка.

— А ваш брат? Чем он…

— Он довольно известный поп-певец! А вы работаете в лагерях…

— Уже четыре года.

Когда они повернулись к Лалите, та спала.

В вестибюле больницы на Кинси-роуд раздавались грохот и крики. Поверх цементного пола клали керамическую плитку. За спиной Анил пробегали студенты и преподаватели. Похоже, никому не приходило в голову, что этот шум способен напугать и утомить пациентов, которых принесли сюда на перевязку или чтобы дать лекарство. Но весь этот гвалт перекрывал голос старшего врача, доктора Переры, оравшего на врачей и ассистентов и обзывавшего их ублюдками за то, что они не соблюдают чистоту. Крик ни на миг не прекращался, но казалось, большинство из тех, кто здесь работал, его не слышат.

Этот маленький щуплый человечек, вероятно, имел здесь единственного союзника в лице молодой женщины-патологоанатома; невзирая на его дурную репутацию, та однажды обратилась к нему за помощью, и он был настолько изумлен, что стал оказывать ей поддержку. Остальные

коллеги дистанцировались от него с помощью лавины анонимных записок и объявлений. (В одном из объявлений сообщалось, что его разыскивают в Глазго за убийство.) В ответ Перера заявлял, что персонал больницы недисциплинирован, ленив, неряшлив, глуп и упрям.

Только в публичных выступлениях он обращался к умным и тонким рассуждениям о политике и ее связи с судебной медициной. Почему-то на кафедре проявлялась более мягкая сторона его натуры.

На второй день своего пребывания в Коломбо Анил присутствовала на одном из его выступлений, тогда ее удивило, что люди с подобными взглядами находятся у власти. Однако теперь, в больнице, куда она пришла, чтобы воспользоваться необходимым ей для работы оборудованием, она столкнулась со злобным бродячим псом, представлявшим другую сторону его натуры. Она стояла в изумлении, пока усталые врачи, обслуживающий персонал, рабочие и пациенты шарахались от доктора Переры, образуя между собой и этим цербером пустое пространство.

К ней подошел молодой мужчина:

— Вы Анил Тиссера, верно?

— Да, это я.

— Вы выиграли стипендию в Америку.

Она ничего не ответила. За заграничной знаменитостью началась охота.

Не могли бы вы прочесть нам маленькую, получасовую лекцию об отравлениях и укусах змей?

Вероятно, здесь знали об укусах змей не меньше ее. Она была уверена, что выбор темы неслучаен — необходимо было выровнять игровое поле, на котором выступит она, учившаяся за границей, и местные специалисты.

— Хорошо. Когда?

— Сегодня вечером? — предложил молодой человек.

Она кивнула:

— Свяжитесь со мной во время ланча и скажите где.

Она проговорила это, огибая доктора Переру.

— *Вы!*

Она повернулась лицом к ужасному главному врачу.

— Вы новенькая, да? Тиссера?

— Да, сэр. Я слышала ваше выступление два дня назад. Простите, я…

— Ваш отец был… *одним из этих…* верно?

— Что…

— Вашим отцом был Нельсон Тиссера?

— Да.

— Я работал с ним в больнице Спиттела.

— Да…

— Посмотрите-ка на этих мерзавцев. Посмотрите… Повсюду грязь. Проклятые ублюдки! Превратили больницу в хлев. Вы сегодня заняты?

Она была занята, хотя могла бы изменить свои планы. Ей очень хотелось поговорить с доктором Перерой и вспомнить об отце, но только когда он останется один, кофеин улетучится и приступ ярости пройдет.

— Простите, сэр, у меня встреча в правительстве. Но я еще некоторое время пробуду в Коломбо. Надеюсь, мы сможем встретиться.

— Вы в западном платье.

— Это привычка.

— Вы пловчиха, верно?

Она удалялась от него, излишне энергично кивая.

Сидя напротив за столом, Сарат читал ее почтовую открытку, хотя та и лежала вверх ногами. Бессознательное любопытство с его стороны. Он был привычен к письменам, стершимся текстам на камне. Даже в тусклом свете министерства археологии он не испытывал затруднений с толкованием.

Основным звуком в помещении был осторожный стрекот пишущих машинок. Анил отвели место за столом рядом с копировальной машиной, вокруг которой постоянно раздавались жалобные возгласы, так как она никогда не работала как положено.

— Гопал, — произнес Сарат немного громче обычного, и к столу приблизился один из его помощников.

— Два чая. С буйволиным молоком.

— Слушаюсь, сэр.

Анил рассмеялась.

— Сегодня среда. Примите таблетку от малярии.

— Уже приняла.? — Ее удивила забота Сарата.

Прибыл чай, уже с густым молоком. Взяв чашку, Анил решилась затронуть запретную тему:

— За процветание слуг народа. За тщеславное правительство. За то, что любое политическое мнение поддерживается с помощью армии.

— Вы говорите как заезжий журналист.

— Я только привожу факты.

Он поставил чашку на стол:

— Видите ли, я не поддерживаю ни одну из сторон. Если вы это имеете в виду. Как вы сказали, у каждой стороны своя армия.

Она взяла открытку и принялась крутить ее между большими пальцами:

— Простите. Я устала. Все утро читала отчеты движения «За права человека». Они не вселяют надежды. Хотите позже пообедать?

— Я не могу.

Она ждала какого-нибудь объяснения, но он молчал. Только пристально смотрел на карту на стене, на птицу на почтовой открытке. И продолжал постукивать карандашом о стол.

— Откуда эта птица?

— О… ниоткуда. — Она тоже умела обрывать разговор.

Часом позже они бежали под дождем и забрались в машину промокшими до нитки. Он отвез ее на Уорд — плейс и стоял под навесом, не глуша мотора, пока она забирала вещи с заднего сиденья.

До завтра, — сказала она и захлопнула дверцу.

В комнате Анил вытрясла сумку на стол, чтобы найти открытку. Перечитав письмо из Америки от своей подруги Лиф, она почувствовала себя лучше. Хоть какая — то весточка с Запада. Она пошла на кухню и снова стала думать о Сарате. Она проработала с ним уже несколько дней, но так и не поняла, что он собой представляет. Он за-

нимал высокий пост в министерстве археологии, которое финансировалось правительством, но как тесно он связан с властями? Предполагалось ли, что он будет их ушами и глазами, когда его назначили помогать ей в исследовании и составлении отчета в области прав человека? В таком случае на кого она работает?

Она знала, что время политических кризисов работа судебно-медицинского эксперта требует сложных шахматных ходов, закулисных переговоров и половинчатых выводов «на благо нации». В Конго одна из групп по защите прав человека зашла слишком далеко, и собранные ими доказательства исчезли в одну ночь, а документы были сожжены. Как будто древний город вновь был предан забвению. Группе исследователей, куда Анил входила в качестве скромного помощника по выполнению программы, не оставалось ничего другого, как сесть на самолет и отправиться назад. Международный авторитет Женевы не принимался в расчет. Когда в какой-нибудь стране разражался кризис, известные логотипы на фирменных бланках и дверях европейских офисов ничего не значили. Если правительство просило тебя покинуть страну, ты ее покидал. С пустыми руками. Никаких слайдов или кинопле-

нок. Пока ее обыскивали в аэропорту, она сидела полуголая на стуле.

Почтовая открытка от Лиф. С американской птичкой. Анил достала из холодильника отбивную и пиво. Она что-нибудь почитает и примет душ. Потом, быть может, сходит в Галле-Фейс-Грин и выпьет что-нибудь в одном из новых отелей, посмотрит, как пьяная английская команда по крикету горланит песни под караоке.

Был ли навязанный ей партнер нейтральным в этой войне? Был ли он просто археологом, любящим свою работу? Накануне, во время загородной поездки, он показал ей несколько храмов, а потом, заметив своих студентов, работавших на раскопках, радостно присоединился к ним и уже вскоре подбирал серебристые кусочки слюды, объясняя, где найти в земле фрагменты железа, словно от природы был наделен талантом что-то находить. В основном интересы Сарата были так или иначе связаны с землей. Анил подозревала, что он считает мир общественных отношений вокруг себя не таким уж важным. Он признался, что мечтает написать когда-нибудь книгу об исчезнувшем городе на юге острова. От него не осталось даже стен, но Сарат хотел поведать его историю.

Она возникла бы из раскопок, из летописей этого региона, поведавших о многом — о его торговых путях в Средние века, о том, что он был любимым городом некоего короля, «градом, где дуют муссоны», как говорилось в стихах, воспевавших повседневную городскую жизнь. Сарат процитировал несколько строк из стихотворения, которое он слышал от своего учителя Палипаны.

Таким был Сарат, воодушевленным, почти восторженным, однажды вечером после того, как они ели крабов в Маунт-Лавинии. Он стоял на морском берегу, рисуя в темном воздухе руками очертания города, обозначая их. Сквозь воображаемые линии она видела, как накатывает, волнуясь, на берег прибой — подобно его внезапному возбуждению, передавшемуся ей.

Поезд был полон полицейских. В него сел человек с клеткой в руках, в которой сидела майна. Он шел по вагонам, поглядывая на пассажиров. Свободных мест не было, и он уселся на полу.

Он был в саронге, сандалиях и футболке с Галле-роуд. Поезд еле тащился, то ныряя в ущелья, то неожиданно появляясь на открытом пространстве. Человек знал, что примерно в миле отсюда, прежде чем они подъедут к Курунегале,

начнется туннель и поезд изогнется в его темном, клаустрофобном пространстве. Несколько окон останутся открытыми — пассажирам нужен свежий воздух, хотя это означает ужасный шум. Миновав туннель, вернувшись на солнечный свет, они станут готовиться сойти.

Он встал, как только поезд вошел в темноту. Слабый мутный свет на потолке через несколько минут погас. Он слышал, как заговорила птица. Три минуты темноты.

Человек быстро направился туда, где, как он помнил, рядом с проходом стоял правительственный чиновник. Схватив его в темноте за волосы, он набросил ему на шею цепь и начал душить. Он отсчитывал секунды в темноте. Когда чиновник навалился на него всем телом, он, не поверив ему, не ослабил цепи.

У него оставалась минута. Он встал и приподнял чиновника. Держа его вертикально, потащил к открытому окну. Мелькали желтые огни. Это напоминало эпизод из сна.

Оторвав чиновника от пола, он стал проталкивать его в окно. Удар ветра снаружи отшвырнул голову и плечи назад. Он толкнул их сильнее, затем отпустил, и тело исчезло в шуме туннеля.

Работая с бригадой судебно-медицинских экс-

пертов в Гватемале, Анил время от времени летала в Майами, чтобы встретиться с Каллисом. Она появлялась там усталая, осунувшаяся. Дизентерия, гепатит, лихорадка Денге — все это было рядом. Она и ее бригада ели в деревнях, где эксгумировали тела. Им приходилось есть эту пищу, потому что жители деревень могли участвовать в их работе только так — готовя им еду.

— Ты просишь бобов, — бормотала она Каллису в гостинице, стягивая рабочую одежду (она боялась опоздать на последний самолет) и залезая в первую за несколько месяцев ванну. Стараешься избегать севиче[4]. Если тебе все-таки приходится его съесть, то надо побыстрее выблевать его в укромном уголке.

Она вытянулась, наслаждаясь чудом пенистой ванны, и устало улыбнулась ему, довольная, что они вместе. Он знал этот утомленный, направленный в одну точку взгляд, протяжный монотонный голос, рассказывающий разные истории.

— На самом деле раньше я никогда не копала. Работала в лабораториях. А мы проводим полевые раскопки. Мануэль дал мне кисточку и что-то

---

[4] Примечания: 4
Латиноамериканское блюдо из сырой рыбы.

вроде палочки для еды и велел расковыривать землю и сметать ее кисточкой. В первый день мы раскопали пять скелетов.

Сидя на краю ванны, он смотрел на нее: закрытые глаза, полная отрешенность. Она коротко остригла волосы. Сильно похудела. Он видел, что она еще сильнее полюбила свою профессию. Работа изматывала ее, но вместе с тем придавала сил.

Наклонившись вперед, Анил вытащила пробку и опять легла, чтобы чувствовать, как вытекает вода. Потом встала на кафельный пол, ее тело осталось безучастным к полотенцу, которое он прижал к ее смуглым плечам.

— Я знаю название нескольких костей по-испански, — похвасталась она. — Я немного говорю по-испански. Это *omoplato.* Лопатка. *Maxilar* — верхняя челюсть. *Occipital* — затылочная кость. У нее слегка заплетался язык, как будто она вела обратный счет под действием анестезии. — Там работают самые разные люди. Известные патологоанатомы из Штатов, которые не могут протянуть руку за солью, не ухватив при этом женщину за грудь. И Мануэль. Он местный, поэтому он не так защищен, как мы. Однажды он мне сказал: «Когда я устаю копать и мне хочется бро-

сить, я думаю, что в этой могиле мог бы лежать я сам. Мне не хотелось бы, чтобы кто — то перестал меня откапывать…» Я всегда вспоминаю об этом, когда мне хочется отдохнуть. Я засыпаю, Каллис. Мне трудно говорить. Почитай мне что-нибудь.

— Я написал статью о норвежских змеях.

— Нет, не надо.

— Тогда стихи.

— Да. Всегда.

Но Анил уже спала, на ее лице была улыбка.

Cubito. Omoplato. Occipital. Сидя за столом на другом конце комнаты, Каллис записал эти слова в записную книжку. Анил утопала в белой льняной постели. Ее рука постоянно двигалась, как будто счищая землю кисточкой.

Проснувшись около семи утра — в номере было жарко и темно, — она соскользнула с широкой кровати, где все еще спал Каллис. Она уже скучала по лаборатории. Скучала по волнению, охватывавшему ее, когда над алюминиевыми столами вспыхивал свет.

Спальня в Майами напоминала бутик — вышитые подушки, ковры. Она вошла в ванную, умылась, плеснула холодной воды себе на волосы и окончательно проснулась. Встала под душ, пустила воду, но спустя минуту вышла, так как

ей кое-что пришло в голову. Не потрудившись вытереться, она расстегнула рюкзак и вытащила из него большую старую видеокамеру, которую привезла с собой в Майами, чтобы заменить микрофон. Подержанная телекамера начала восьмидесятых годов принадлежала бригаде судебных медиков. Анил пользовалась ею на раскопках и привыкла к ее тяжести и несовершенству. Она вставила в нее кассету, подняла ее на мокрое плечо и включила.

Начав с комнаты, она вернулась в ванную и сняла себя в зеркале, быстро помахав рукой. Крупным планом ткань полотенец, крупным планом по-прежнему льющаяся из душа вода. Встав на кровать, она сняла голову спящего Каллиса, его левую руку, лежавшую там, где она всю ночь была рядом с ним. Свою подушку. Опять Каллиса, его рот, стройные ребра, вниз с кровати на пол, крепко держа камеру, потом к его лодыжкам. Она отступила назад, чтобы взять в кадр валявшуюся на полу одежду, потом стол с его записной книжкой. Его почерк крупным планом.

Вынув кассету, она спрятала ее под одеждой в его чемодане. Положила камеру к себе в рюкзак и, вернувшись в постель, улеглась рядом с ним.

Они лежали на кровати в ярком солнечном

свете.

— Не могу представить себе твое детство, — сказал он. — Я совершенно тебя не знаю. Коломбо. Там скучно?

— Скучно дома. Снаружи бушуют страсти.

— Не возвращайся туда.

— Не буду.

— Один мой друг поехал в Сингапур. Везде кондиционеры! Как будто он провел неделю в «Селфриджес».

— Наверно, люди из Коломбо были бы рады оказаться в «Селфриджес».

Эти спокойные краткие мгновения, когда они лениво переговаривались после близости, были лучшими в их совместной жизни. Для него она была свободной, забавной и красивой, для нее он был женатым, всегда интересным и постоянно готовым к самозащите. Два из этих трех моментов не сулили ничего хорошего.

Они встретились при других обстоятельствах, в Монреале. Анил участвовала в конференции, и Каллис случайно столкнулся с ней в вестибюле гостиницы.

— Я смываюсь, — сказала она. — С меня довольно!

— Пообедай со мной.

— У меня есть планы. Сегодня вечером я обещала встретиться с друзьями. Можешь пойти вместе с нами. Мы целыми днями слушали доклады. Если ты пойдешь, обещаю худшую в Монреале еду.

Они ехали через пригороды.

— Ты говоришь по-французски? — спросил он.

— Нет, только по-английски. Но я умею писать по — сингальски.

— Это твой родной язык?

Сбоку от дороги появилась безымянная площадь, и Анил остановилась около мигающих огней Боулерамы.

— Я здесь живу, — сказала она, — На Западе. Каллис был представлен семи антропологам, которые, внимательно его оглядев и выслушав, кто он такой, стали прикидывать, может ли он оказаться полезным для их команды. Казалось, они собрались сюда со всех концов планеты. Прилетев в Монреаль из Европы и Центральной Америки, они сбежали с очередного слайд-шоу и теперь, как и Анил, были готовы сразиться в боулинг. Они в одно мгновение прикончили плохое красное вино из автомата, стекавшее тонкой струйкой в маленькие бумажные стаканчики вроде тех, что дают у дантистов, а также чипсы, уксус и консервированный хумус. Палеонтолог

включил электронное табло, и десять минут спустя светила судебной медицины, вероятно единственные в Боулераме, кто не говорил по-французски, носились, словно гоблины, в своих кроссовках для боулинга и так же хрипло орали. Они мошенничали. Роняли шары на паркетные дорожки. Каллису не хотелось бы, чтобы до его мертвого тела дотрагивались эти неумехи, столько раз заступавшие за линию. В ходе игры Анил и Каллис все чаще бросались друг к другу с объятиями и поздравлениями. Он легко передвигался в своих пятнистых кроссовках, кидал, не целясь, шар, который, если судить по звуку, опрокидывал ведро гвоздей. Она подошла и поцеловала его сзади, нерешительно, как раз в середину шеи. Они покинули боулинг, взявшись за руки.

— Должно быть, дело в хумусе. Это правда был хумус?

— Да, — рассмеялась она.

Известный афродизиак…

— Я ни за что не стану спать с тобой, если ты скажешь, что не хочешь. Художник, Некогда Известный Как… Поцелуй меня сюда. У тебя есть какое-нибудь трудное второе имя, которое я должна выучить?

— Биггле.

— Биггльс? Как в книжках «Биггльс летит на восток» и «Биггльс мочится в постель»?

— Да, тот самый Биггльс.[5] Мой отец вырос на этих книжках.

— Мне никогда не хотелось замуж за Биггльса. Мне всегда хотелось выйти замуж за жестянщика. Мне нравится это слово…

— У жестянщиков не бывает жен. Если только они настоящие жестянщики.

— У тебя ведь есть жена, правда?

*

Однажды ночью, когда Анил работала в лаборатории на корабле одна, она сильно поранилась скальпелем, срезав мясо с большого пальца. Она залила рану деттолом, забинтовала, но потом решила по дороге домой заехать в больницу. Она боялась воспаления — в трюме кишели крысы, возможно, они бегают по инструментам, когда их с Саратом здесь нет. Она устала и вызвала ночной «баджадж», который высадил ее рядом с приемным отделением скорой помощи.

На длинных скамьях сидели и лежали человек пятнадцать. Время от времени появлялся док-

---

[5] Примечания: 5

Джеймс Биггльсворт по прозвищу Биггльс — британский летчик Первой мировой войны, герой 96 книг бывшего летчика Уильяма Эрла Джонса, выходивших в 1932–1968 гг.

тор, делал знак следующему пациенту и уходил вместе с ним. Она просидела здесь больше часа и наконец сдалась: с улицы приходило все больше пострадавших, и по сравнению с ними ее рана показалась ей не столь серьезной. Но ушла она не поэтому. В помещение вошел человек в черном пальто и уселся между ними, его одежда была запачкана кровью. Он сидел и молчал, дожидаясь, чтобы кто — то оказал ему помощь, не беря номерок, как остальные. В конце концов на скамейке, где он сидел, освободилось три места, и он растянулся на ней, сняв черное пальто и положив под голову взамен подушки, но он не мог уснуть, и его открытые глаза смотрели на нее через комнату.

Его лицо было красным и мокрым от крови на воротнике. Он сел, вытащил из кармана книгу и начал ее читать, очень быстро перелистывая страницы. Проглотил таблетку, снова лег и на этот раз уснул, окружавшая его действительность перестала для него существовать. Пришла сестра и дотронулась до его плеча. Он не пошевелился, и она не убрала руки. Анил прекрасно это помнила. Потом он встал, сунул книгу в карман, дотронулся до одного из пациентов и исчез вместе с ним. Он был доктором. Сестра взяла его пальто и унесла. Тогда Анил ушла. Если она не смогла определить,

кто в этой больнице доктор, а кто пациент, зачем ей было здесь оставаться?

Национальный атлас Шри-Ланки включает в себя семьдесят три версии острова — на каждой представлен всего один аспект, одна навязчивая идея: количество осадков, направление ветров, поверхностные воды озер или же более редкие скопления воды, скрытые в земных глубинах.

На старинных картах отмечены древние царства и размещение сельскохозяйственных культур, на современных — уровень благосостояния, бедности и грамотности.

На геологической карте можно видеть залежи торфа в болотах Мутураджавелы к югу от Негомбо, прибрежные коралловые рифы, тянущиеся от Амбалангоды до мыса Дондра, жемчужные отмели в Манарском заливе. Под поверхностью земли залегают более древние месторождения слюды, цирконов, торианитов, пегматитов, аркозов, топазов, красного известняка, доломитового мрамора. Близ Парагоды есть графит, в Катупите и Джинигалпелессе — зеленый мрамор. В Андигаме — черный глинистый сланец. В Боралесгамуве — каолин, или фарфоровая глина. Графит — в виде жил и пластов, — чистейший графит (девяносто семь процентов углерода) до-

бывают на Шри-Ланке уже сто шестьдесят лет, особенно во время мировых войн; по всей стране шесть тысяч графитовых шахт, главные из них в Богале, Кахатагахе и Колонгахе.

На следующей странице представлена жизнь птиц. Из четырехсот видов птиц, обитающих на Шри-Ланке, двадцать встречаются только здесь: голубая сорока, индийский голубой чекан, шесть видов семейства бюль — бюль, пестрый дрозд, с его постепенно затихающим смехом, чирок, утка-широконоска, «ложные вампиры», азиатский бекас, индийский ходулочник, степной лунь в облаках. На карте рептилий обозначены места обитания белогубой куфии, которая при свете дня, когда она плохо видит, нападает вслепую, прыгая туда, где, по ее мнению, есть люди, оскалив зубы, как собака, снова и снова прыгая туда, где больше нет ни звуков, ни движения.

Страна, окруженная со всех сторон океаном, испытывает влияние двух основных муссонов: один формируется Сибирским антициклоном, когда в Северном полушарии стоит зима, другой — Маскаренским, когда зима стоит в Южном полушарии. Поэтому с декабря по март дуют северо-восточные ветры, а с мая по сентябрь — юго-восточные. В оставшиеся месяцы слабые

морские ветры днем дуют с океана на сушу, а ночью в обратном направлении.

В атласе есть страницы с изобарами и высотой над уровнем моря. Нет названий городов. Лишь изредка там появляется название неизвестного и почти непосещаемого города Маха-Иллупалама, где прежде, в 1930-х годах, что ныне кажется почти средневековьем, располагалась метеорологическая служба, измерявшая скорость и направление ветра, количество осадков и атмосферное давление. В этом атласе нет названий рек. Нет следов человеческой жизни.

Кумара Виджетунга, 17.6 ноября 1989. Около 23:30 из своего дома.

Прабат Кумара, 16. 17 ноября 1989. В 3:20 из дома друга.

Кумара Араччи, 16. 17 ноября 1989. Около полуночи из своего дома.

Манелка да Силва, 17. 1 декабря 1989. Когда играл в крикет на площадке Центрального колледжа Эмбили — питии.

Джатунга Гунесена, 23.11 декабря 1989. В 10:30 около своего дома, когда разговаривал с другом.

Прасанта Хандувела, 17.17 декабря 1989. Около 10:15 рядом с мастерской по ремонту шин, Эмбилипития.

Прасанна Джаяварна, 17. 18 декабря 1989. В 15:30 около озера Чандрика.

Поди Викрамадже, 49. 19 декабря 1989. В 7:30 на дороге к центру г. Эмбилипития.

Нарлин Гоонератне, 17.26 декабря 1989. Около 17:00 в чайной, в пятнадцати шагах от военного лагеря Серена.

Веератунга Самаравеера, января 1990. В 17:00 по дороге в баню в Хуландава-Панамуре.

Цвет рубашки. Узор саронга. Час исчезновения.

В центре движения «За права человека» в Надесане у сотрудников хранилась информация о том, где видели в последний раз сына, младшего брата, отца. В полных боли письмах родственников сообщались подробности: время, место, внешность, род деятельности… *Шел в баню. Разговаривал с другом…*

В сумерках войны и политики случались нереальные повороты причины и следствия. В массовом захоронении, обнаруженном в 1985 году в Наипаттимунаи, отец опознал окровавленную одежду сына, в которой тот был арестован и исчез. Когда в нагрудном кармане рубашки было найдено его удостоверение личности, полиция немедленно потребовала прекратить раскопки, а на следующий день председатель

Гражданского комитета, который и привел сюда полицию, был арестован. Опознание других трупов, захороненных в этой могиле в Восточной провинции, — отчего они погибли, кто они такие — так и не проводилось. Директор детского дома, сообщивший об убийствах, был арестован. Адвокат по правам человека был застрелен, а его тело увезли военные.

Еще в Соединенных Штатах Анил получала отчеты различных групп по защите прав человека. В результате этих первых расследований никто не был наказан, а протесты общественных организаций не рассматривались в полиции или правительстве даже на среднем уровне. Обращения родителей исчезнувших подростков не возымели действия. Тем не менее все, что возможно было вычленить в потоке новостей, все, что было собрано в качестве улик, было запротоколировано и отослано за границу, незнакомым людям в Женеве.

Анил изучала отчеты и дела со списками пропавших и убитых. Меньше всего ей хотелось возвращаться к этим спискам. И каждый день она к ним возвращалась.

Начиная с 1983 года положение оставалось критическим, столкновения на расовой почве

и политические убийства происходили непрерывно. Сепаратисты из партизанских отрядов на севере боролись за независимость. Повстанцы на юге — против правительства. Войска специального назначения — против тех и других.

Тела убитых сжигали. Топили в реках и океане. Прятали и перезахоранивали.

То была Столетняя война с применением современного оружия, вдохновители которой отсиживались в безопасных странах. Война, которую финансировали торговцы оружием и наркотиками. Как оказалось, политические противники тайно принимали участие в финансовых сделках, связанных с торговлей оружием. *«Причиной войны была война».*

Машина, за рулем которой сидел Сарат, карабкалась вверх, направляясь на восток, к Бандаравеле, где нашли три скелета. Несколько часов назад они с Анил покинули Коломбо и теперь находились в горах.

— Знаете, мне легче было бы согласиться с вами, если бы вы жили здесь, — сказал он. — Нельзя просто приехать, сделать открытие и уехать восвояси.

— Вы хотите, чтобы я занялась самоцензурой?

— Я хочу, чтобы вы представили себе архео-

логический контекст. В противном случае вы уподобитесь журналистам, пишущим статьи о мерзавцах-полицейских, не выходя из отеля «Галле-Фейс». С их притворным сочувствием и осуждением.

— Вас раздражают журналисты, верно?

— Так кажется на Западе. Но здесь все по-другому, здесь опасно. Закон иногда встает не на сторону истины, а на сторону силы.

— С тех пор как я приехала сюда, я чувствую, что зря теряю время. Двери, которые должны быть открыты, заперты. Мы здесь находимся вроде для того, чтобы выяснить, куда пропадают люди. Но я хожу по разным ведомствам и ничего не могу добиться. Создается впечатление, что нас позвали сюда для проформы. — Потом она добавила: — Тот маленький кусочек кости, который я нашла в первый день в трюме, он не старый. Вы знали об этом?

Сарат промолчал. И она продолжала:

— Когда я работала в Центральной Америке, один из местных жителей нам сказал: «Когда солдаты сожгли нашу деревню, они заявили, что действуют по закону, и я решил, что закон дает военным право нас убивать».

— Будьте поосторожнее с вашими открове-

ниями.

— И с теми, кому я о них сообщаю.

— И это тоже.

— Но меня сюда позвали.

— Международное расследование на многое не претендует.

— Вам было сложно получить разрешение на работу в пещерах?

— Да, сложно.

Она записывала на магнитофон замечания Сарата об археологии в этой части острова. Когда разговор перешел на другие предметы, она в конце концов спросила его о Серебряном Президенте — так называли в народе президента Катугалу из-за пышной седой шевелюры. Что представляет собой Катугала на самом деле? Сарат молчал. Потом протянул руку и снял магнитофон с ее колен.

— У вас выключен магнитофон?

Он ответил на ее вопрос, только убедившись, что магнитофон не работает. В последний раз она включала его около часа назад и совсем о нем забыла. Но Сарат не забыл.

Свернув с дороги, они припарковались у маленькой гостиницы, заказали ланч и сели во дворе над простиравшейся внизу долиной.

— Посмотрите на эту птичку, Сарат.

— Это бюль-бюль.

Когда птица влетела, Анил представила себя на ее месте, и у нее внезапно закружилась голова — так высоко они были над долиной, которая раскинулась под ними, подобно зеленому фьорду. Открытое пространство белело далеко внизу, напоминая море.

— Вы разбираетесь в птицах, верно?

— Да, в них хорошо разбиралась моя жена.

Анил молчала, ожидая, что Сарат прибавит что-нибудь или закроет тему. Но он не проронил ни слова.

— Где ваша жена? — спросила наконец она.

— Я потерял ее два года назад, она… Она покончила жизнь самоубийством.

— Боже мой!.. Простите, Сарат. Мне так…

Его лицо приняло отсутствующее выражение.

— За два месяца до того, как это случилось, она от меня ушла.

Простите, что я спросила. Я вечно пристаю с вопросами, я слишком любопытна. От меня с ума можно сойти.

Потом в фургоне, чтобы нарушить тягостную тишину:

— Вы знали моего отца? Сколько вам лет?

— Сорок девять, — ответил Сарат. — Мне тридцать три. Вы были с ним знакомы?

— Я слышал о нем. Он был значительно старше.

— Я часто слышала, что моего отца любили женщины.

— Я тоже об этом слышал. Про обаятельных людей нередко так говорят.

— Наверное, это правда. Жаль, я была слишком маленькой… и не успела ничему от него научиться. Ужасно жаль.

— Я знал одного монаха, — сказал Сарат. — Он и его брат были лучшими учителями в моей жизни, потому что они учили меня, когда я уже был взрослым. Взрослым тоже нужны родители. Когда он приехал в Коломбо, мы встречались с ним один-два раза в год, но он каким — то образом помог мне стать проще, понять себя лучше. Нарада любил посмеяться. Он смеялся над нашими фобиями. Был аскетом. Приехав в город, он останавливался в маленькой комнатушке при храме. Я приходил к нему пить кофе, он сидел на кровати, а я садился на единственный стул, который он приносил из коридора. Мы говорили об археологии. Он написал несколько брошюр на сингальском, а его брат Палипана был круп-

ным специалистом в этой области, хотя, похоже, между ними не было никакой зависти. Нарада и Палипана. Два блестящих брата. Оба были моими учителями.

Большую часть времени Нарада жил неподалеку от Хамбантоты. Мы с женой его навещали. Идешь по раскаленным дюнам и приходишь в коммуну для молодых безработных, которую он основал у океана.

Нас всех потрясло его убийство. Его застрелили в его комнате, во сне. У меня умирали ровесники, но больше всего я скучаю по этому старику. Наверное, я надеялся, что он научит меня стариться. Так или иначе, раз в год, в годовщину его смерти, мы с женой готовили его любимые блюда и отправлялись на юг, в деревушку, где он жил. В этот день мы бывали особенно близки. И это делало его бессмертным — вернее сказать, пребывающим с нами, — мы чувствовали, что он здесь, в коммуне, со своими воспитанниками, любившими маллунг и десерты со сгущенкой, к которым он был неравнодушен.

— Мои родители погибли в автокатастрофе после моего отъезда из Шри-Ланки. Мне так и не удалось увидеться с ними еще раз.

— Я знаю. Я слышал, ваш отец был хорошим

врачом.

— Я тоже собиралась стать врачом, но занялась судебной медициной. Мне кажется, тогда я не хотела походить на отца. А после смерти родителей не захотела сюда возвращаться.

Она спала, когда он тронул ее за руку:

— Я видел реку внизу. Поплаваем?

— Здесь?

— Прямо под холмом.

— Конечно. С удовольствием. Да.

Они вытащили из сумок полотенца и стали осторожно спускаться вниз.

— Я давно не купалась в реке.

— Будет холодно. Мы в горах, семьсот метров над уровнем моря.

Он шел впереди, бодрее, чем она ожидала. Что ж, он археолог, подумала она. Подойдя к реке, он исчез за камнем, чтобы переодеться. «Я только разденусь! — крикнула она, чтобы убедиться, что он не вернется. — И останусь в белье». Анил подумала, что на этом лесистом склоне совсем темно, но вскоре увидела, что дальше по течению есть пруд, залитый солнечным светом.

Когда она приблизилась к воде, Сарат уже плыл, глядя вверх на деревья. Сделав два шага вперед по острым камням, она нырнула, шлепнувшись

животом о воду.

— А еще спортсменка, — протяжно произнес он.

Ощущение свежести на коже оставалось до самого конца пути — на предплечье крохотные пупырышки, волоски на руках встали дыбом. Они поднялись вверх по склону, туда, где было жарко и светло, и она, встав у машины, высушила волосы, тихонько встряхивая их руками. Она завернула мокрое белье в полотенце и, пока они ехали по горам, была только в платье, надетом на голое тело.

— На этой высоте может разболеться голова, — сказал Сарат. — В Бандаравеле есть одна хорошая гостиница, но мы остановимся в гостинице попроще, согласны? Тогда мы сможем оставить наше снаряжение и находки при себе…

— Кто убил того монаха, о котором вы мне рассказали?

— …к тому же нам лучше быть поближе к месту раскопок… — продолжал Сарат, как будто не слыша ее.

Говорили, что убийцу Нарады подговорил его же ученик, что это было не политическое убийство, как многие сначала подумали. В те дни нельзя было понять, кто кого убил.

— Но теперь-то вы знаете?

— Теперь кровь на всех нас.

Они осмотрели все комнаты с хозяином маленькой гостиницы, и Сарат выбрал три.

В третьей комнате много плесени. Но мы вынесем оттуда кровать и сегодня же вечером покрасим стены. Там будет наш офис и лаборатория. Согласны?

Она кивнула, и он, повернувшись к хозяину, стал давать ему указания.

В 1911 году в районе Бандаравелы были найдены доисторические останки, и вскоре началось исследование сотен больших и малых пещер. Там были обнаружены фрагменты зубов и черепных костей, таких же древних, как повсюду в Индии.

Здесь, в охраняемом государством археологическом заповеднике, рядом с одной из пещер, вновь были обнаружены скелеты.

Первые несколько дней Сарат и Анил регистрировали и собирали в раскопе пресноводных и древесных брюхоногих, фрагменты костей птиц и млекопитающих, даже рыбьи кости, относящиеся к различным геологическим эпохам. Казалось, этот регион существовал всегда. Они нашли обугливщийся эпикарпий плода дикого хлебного дерева, которое растет здесь и сейчас,

двадцать тысяч лет спустя.

Нашли три почти сохранных скелета. Но несколько дней спустя, копая в дальнем конце пещеры, Анил нашла четвертый, кости которого еще скрепляли высохшие, частично обгоревшие связки. Нечто не имеющее отношения к истории.

— Послушайте, — сказала Анил, глядя на скелет (они с Саратом находились в гостинице), — в извлеченных из земли костях можно обнаружить следы химических элементов — ртути, свинца, мышьяка и даже золота, — первоначально не входивших в их состав, но проникших туда из почвы, с которой те соприкасались. Микроэлементы также могут переходить из костей в почву. Они постоянно проникают в кости и выходят из них, независимо от того, лежит тело в гробу или нет. Так вот, в этом скелете повсюду присутствуют следы свинца, но в образцах почвы из пещеры, где мы его нашли, свинца нет. Понимаете? Должно быть, сначала труп похоронили в другом месте. Кто-то принял все меры предосторожности, чтобы его не обнаружили. Это не обычное убийство или захоронение. Сначала труп закопали, а потом перевезли на место древнего захоронения.

— Предать тело земле, а потом перевезти — не

преступление.

— Но может быть, и преступление, разве нет?

— Нет, если мы сможем это объяснить.

— Хорошо. Смотрите. Возьмите эту ручку и проведите ею по кости. Вы ясно ощутите кривизну. А кость должна быть прямой. И еще поперечные трещины, но пока мы оставим их в покое. Просто очередное доказательство.

— Доказательство чего?

— Кости искривляются, если их сжигают, когда они еще «свежие», то есть покрыты плотью. Если сжечь старый труп с иссохшей от времени плотью, состояние костей будет таким же, как у большинства скелетов, найденных в Бандаравеле. Но этот человек, которого пытались сжечь, умер только что. Или, хуже, его пытались сжечь живым.

Ей пришлось долго ждать, пока Сарат заговорит. В свежевыкрашенной комнате стояло четыре стола из кафетерия, на каждом лежало по скелету. Они прикрепили к телам ярлыки: ЖЕСТЯНЩИК, ПОРТНОЙ, СОЛДАТ, МОРЯК. Речь шла о Моряке. Они смотрели друг на друга через стол.

— Вы можете себе представить, сколько тел захоронено по всему острову? — наконец спросил

он. Он ничего не отрицал.

— Это жертва убийства, Сарат.

— Убийства… Вы имеете в виду вообще убийство… или убийство политическое?

— Скелет был найден в священном историческом месте. Которое постоянно охраняется государством и полицией.

— Верно.

— И это свежий скелет, — твердо произнесла она. — Его похоронили от четырех до шести лет назад. Что он здесь делает?

— На острове тысячи тел, похороненных в двадцатом веке, Анил. Вы можете себе представить, сколько убийств…

— Но мы можем это доказать, разве вам не ясно? Мы можем проследить, как оно здесь оказалось. Мы нашли его там, куда имеют доступ только государственные служащие.

Пока она говорила, он постукивал ручкой по деревянному подлокотнику кресла.

— Мы можем сделать пыльцевой анализ и определить тип пыльцы, которая проникла в кости там, где они не затронуты огнем. Обуглились только руки и некоторые ребра. У вас есть экземпляр «Пыльцевых зерен» Вудхауза?

— Есть, у меня в кабинете, — тихо произнес

он. — Нужно взять образцы почвы.

— Вы можете найти геолога-криминалиста?

— Нет, — ответил он. — Больше никого не будем привлекать.

После того как она отошла от скелета на четвертом столе, они перешептывались в темноте почти полчаса, и, тронув Сарата за плечо, она сказала: «Мне нужно вам что-то показать». — «Что?» — *«Одну вещь. Послушайте…»*

Накрыв Моряка пленкой, они закрепили ее скотчем.

— Запрем комнату, — сказал он. — Я обещал отвезти вас в тот храм. Лучше всего смотреть на него через час. Мы успеем услышать вечернего барабанщика.

Анил не понравился резкий переход к эстетике:

— Вы полагаете, здесь он будет в безопасности?

— Что вы собираетесь делать? Таскать его всюду с собой? Ни о чем не беспокойтесь. Он прекрасно здесь полежит.

— Этот…

— Оставьте его.

Она решила сказать об этом прямо сейчас. Немедленно.

— Видите ли, я, в сущности, не знаю, на чьей вы

стороне. Можно ли вам доверять.

Он начал говорить, запнулся, потом медленно сказал:

— Что я, по-вашему, могу сделать?

— Вы можете сделать так, чтобы он исчез.

Очнувшись от своей неподвижности, он встал, направился к стене и включил три лампочки.

— Зачем мне это делать, Анил?

— У вас есть родственник в правительстве, разве нет?

— Да, у меня есть такой родственник, я вижусь с ним очень редко. Возможно, он сможет нам помочь.

— Возможно. Почему вы включили свет?

— Мне надо найти свою ручку. Вы что… подумали, что я кому-то подаю сигнал?

— Я не знаю ваших убеждений. Я знаю… я знаю, что у вас более сложный взгляд на истину, что говорить здесь правду небезопасно.

— Здесь все боятся, Анил. Это национальный недуг.

— Сейчас в земле повсюду лежат тела, это ваши слова… безымянные тела убитых. Я хочу сказать, люди даже не знают, сколько эти тела пролежали в земле — две недели или две сотни лет, все они прошли через огонь. Одни люди предают свои

призраки забвению, другие нет. Сарат, мы можем что-то сделать…

— Вы в шести часах езды от Коломбо, а говорите шепотом… подумайте об этом.

— Сейчас я не хочу ехать в этот храм.

— Хорошо. И не нужно. Поеду я. Увидимся утром.

— Хорошо.

— Я выключу свет, — сказал он. «мы часто бываем преступниками в глазах земли не только потому, что совершили преступления, но потому, что знали, что они совершились». Эти слова были сказаны о человеке, навеки заточенном в тюрьму. «Человек в железной маске». Анил хотелось, чтобы старые друзья — отрывки из книг, голоса, которым она могла верить, утешили ее. «Здесь будет мертвецкая», — сказал Анжольрас. Кто такой Анжольрас? Кто-то из «Отверженных». Эта книга была так любима ею, так полна человеческими характерами, что ее хотелось взять с собой после смерти. Сейчас Анил работала вместе с человеком, который тщательно оберегал свою личную жизнь, никогда не раскрывался перед другими. Параноик — это человек, имеющий в своем распоряжении все факты, говорится в шутке. Возможно, здесь это единственная истина.

В этой гостинице, близ Бандаравелы, с четырьмя скелетами. *Вы в шести часах езды от Коломбо, а говорите шепотом… подумайте об этом.*

Живя и учась за границей, в Европе и Северной Америке, Анил чувствовала свою полноценность. (Даже теперь у нее в голове хранились телефонные коды Денвера и Портленда.) Она привыкла к тому, что к источнику тайны почти всегда ведут ясно обозначенные пути. Что информацию всегда можно уточнить и действовать на ее основе. Но здесь, на этом острове, она поняла, что движется среди непонятных законов и царящего повсюду страха, пользуясь всего одним орудием — языком. С его помощью почти не за что было ухватиться. Истина балансировала где-то между молвой и местью. Слухи просачивались в каждую машину и каждую парикмахерскую. В этом мире ежедневный путь Сарата как профессионального археолога подразумевал министерские заказы и покровительство, многочасовое вежливое ожидание в приемных. Информация предавалась гласности с отступлениями и подтекстом — словно истина сама по себе, поданная без глупых выкрутасов, не представляла никакого интереса.

Она откинула пластиковую пленку, в которую был завернут Моряк. В процессе своей работы

Анил превращала безымянные тела в представителей определенной расы, возраста и места, хотя ближе всего ее сердцу оставались найденные не так давно в Лаэтоли следы свиньи, гиены, носорога и птицы, странной группы, опознанной учеными в двадцатом веке. Почти четыре миллиона лет назад четыре не связанных друг с другом существа торопливо прошли по влажному слою вулканического пепла. Спасаясь от чего? Исторически более важными были другие обнаруженные по соседству следы — следы гоминида ростом около полутора метров (об этом свидетельствуют отпечатки пятки с сильной дугой). Но ей нравилось думать именно об этой четверке животных, покидавших Лаэтоли четыре миллиона лет назад.

Лучше всего описаны моменты истории, смыкавшиеся с экстремальными явлениями природы или цивилизации. Она это знала. Помпеи. Лаэтоли. Хиросима. Везувий, в дыме которого задохнулся бедняга Плиний, наблюдавший «беспокойное и буйное поведение» вулкана. В результате тектонических сдвигов и жестокого насилия случайно появлялись капсулы времени незначимых для истории жизней. Скелет собаки в Помпеях. Тень садовника в Хиросиме. Когда ты

находишься в гуще событий, поняла она, человеческое насилие никак нельзя объяснить, пока не истечет необходимый период времени.

Теперь оно будет описано, помещено в женевский архив, но его смысл останется неясным. Анил привыкла верить, что смысл открывает человеку путь к избавлению от горя и страха. Но она видела, что люди, сокрушенные насилием, несущие на себе его след, утрачивают силу языка и способность к рассуждению. Это способ притупить свои чувства, последнее средство самозащиты. Они цепляются за узорчатый саронг, в котором спал в последний раз их исчезнувший родственник, — саронг, который в обычное время был бы превращен в половую тряпку, а ныне хранится как реликвия.

В задавленном страхом обществе скорбь притуплялась атмосферой неопределенности. Если отец протестовал против смерти сына, боялись, что убьют кого-нибудь другого из семьи. Если исчезали твои знакомые, то оставался шанс, что, если ты не станешь поднимать шум, они останутся в живых. Страна была поражена психозом. Смерть, утрата близких не получили «завершения», и их нельзя было оставить позади. Ночные облавы, похищения и убийства при свете дня

продолжались годами. Приходилось надеяться лишь на то, что воюющие стороны уничтожат друг друга. От закона осталась только вера, что в конце концов людей, стоящих у власти, настигнет возмездие.

Чей это скелет? В этой комнате, один из четырех, спрятанный среди неизвестных покойников. «*Какое любопытное занятие — добыть мертвое тело! Снять с веревки неизвестного висельника и взвалить добычу на спину. Что-то мертвое… Что-то похороненное… Что — то разлагающееся*». Кто он? Этот представитель всех утраченных голосов. Дать ему имя — значит назвать остальных.

Закрыв дверь на засов, Анил отправилась на поиски хозяина гостиницы. Она заказала легкий обед и шанди и вышла на переднюю веранду. Других постояльцев здесь не было, и хозяин последовал за ней.

— Мистер Сарат… он часто здесь бывает? — спросила она.

— Время от времени, мадам, когда приезжает в Бандаравелу. Вы живете в Коломбо?

Большей частью в Северной Америке. Но когда — то я жила здесь.

— У меня в Европе сын. Он хочет быть акте-

ром.

— Это хорошо.

Анил спустилась с блестевшего пола веранды в сад, покинув хозяина гостиницы со всей вежливостью, на которую была способна. Этим вечером светская беседа давалась ей с трудом. Но, оказавшись в красноватой тени пышно цветущего дерева, она обернулась:

— Мистер Сарат когда-нибудь приезжал сюда с женой?

— Да, мадам.

— Какая она?

— Очень милая, мадам.

Кивок, потом легкий наклон в сторону, свидетельствующий о некоторой неуверенности в собственном суждении.

— Очень милая?

— Да, мадам.

— Но ведь она умерла.

— Нет, мадам. Я спрашивал мистера Сарата сегодня утром, и он сказал, с ней все в порядке. Она не умерла. Он передал от нее привет.

— Должно быть, я ошиблась.

— Да, мадам.

— Она сопровождает его в поездках?

— Иногда, мадам. Она работает на радио. А

иногда сюда приезжает его двоюродный брат. Он министр.

— А как его зовут?

Не знаю, мадам. По-моему, он приезжал всего раз. Вам понравилось карри из креветок? — Да. Спасибо.

За ужином, чтобы избежать продолжения беседы, она притворилась, что просматривает свои заметки. Она думала о браке Сарата. Было трудно представить его себе женатым. Она уже привыкла к нему в роли вдовца, окруженного молчаливым присутствием покойницы. Что ж, подумала она, скоро ночь и тебе нужна компания. Человек пройдет сквозь сотню дверей, чтобы выполнить причуды покойника, не понимая, что хоронит себя заживо.

После ужина она вернулась в комнату со скелетами. Ей не хотелось спать. Не хотелось думать о министре, который приезжал в Бандаравелу с Саратом. Из-за низкого напряжения электрические лампочки горели слишком тускло, она нашла керосиновую лампу и зажгла ее. Днем она наткнулась на гостиничную библиотеку, умещавшуюся на одной полке. Агата Кристи. П. Г. Вудхаус. Энид Блайтон. Джон Мастерс. Книги, которые можно найти в любой азиатской биб-

лиотеке. Она прочла их все еще в детстве. Вместо них она начала листать «Почвы мира» Бриджеса. Анил знала эту книгу наизусть, но теперь проглядывала текст применительно к нынешней ситуации и во время чтения чувствовала, что оставляет других, четыре скелета, в темноте.

Когда ее разбудил Сарат, она сидела на стуле, почти уткнувшись головой в колени, и крепко спала.

Дотронувшись до ее плеча, он стянул наушники с ее волос, надел их на себя, нажал кнопку и услышал сюиту для виолончели, собравшую все воедино, пока он шагал по комнате.

Она ловила ртом воздух, словно задыхалась.

— Вы не заперли дверь.

Да. Все в порядке?

— Здесь в порядке. Я попросил приготовить завтрак. Уже поздно.

— Я встаю.

— Во дворе есть душ.

— Мне что-то нездоровится. Наверно, я заболела.

— Если надо, мы можем вернуться в Коломбо.

Она вышла с куском мыла «Доктор Броннер», с которым путешествовала по свету. Мыло антропологов. Даже под душем она не могла

проснуться. Пальцы ног на плите шероховатого гранита, по волосам течет холодная вода.

Она мыла лицо, втирая мятное мыло в сомкнутые веки, затем ополоснула водой. Сквозь банановые листья на уровне плеча вдали голубели горы, расфокусированный прекрасный мир.

Но к полудню ее сразила страшная головная боль.

Ее лихорадило на заднем сиденье фургона, и Сарат решил остановиться на полпути в Коломбо. Ее терзала неизвестная болезнь, бросая то в озноб, то в жар.

Потом, где-то после полуночи, она оказалась в комнате на берегу моря. Она никогда не любила южный берег около Ялы — ни в детстве, ни сейчас. Казалось, деревья растут здесь только для того, чтобы давать тень. Даже луна производила впечатление искусственной.

За обедом она была в бреду, почти в слезах. Казалось, Сарат сидит напротив за столом за много миль от нее. Один из них почему-то кричал. Хотелось есть, но она не могла жевать, даже свое любимое карри из креветок. Она просто отправляла в рот, ложку за ложкой, мягкий теплый *дал*, потом выпила лимонного сока.

Днем ее разбудил глухой шум. С трудом подняв-

шись с кровати и выглянув во двор, она увидела обезьян, исчезавших за дальним углом вестибюля. Она не подвергла увиденное сомнению. Каждые четыре часа она пила лекарство от головной боли. У нее солнечный удар, или лихорадка денге, или малярия. Когда они вернутся в Коломбо, она сделает анализы. «Это солнце, — бормотал Сарат. — Я куплю вам широкополую шляпу. Куплю вам шляпу. Куплю шляпу». Он все время говорил шепотом. «Что-что?» — с досадой переспрашивала она. Где обезьяны? Днем, когда все спали, обезьяны воровали с веревок полотенца и купальники. Она молила бога, чтобы в гостинице не выключили генератор. Мысль о том, что вентилятор или душ не принесут ей прохлады, была невыносима. Работал только телефон. Этой ночью она ждала звонка.

После обеда она взяла графин с лимонным соком и со льдом к себе в номер и немедленно заснула. Проснувшись в одиннадцать, приняла еще таблетку, чтобы заглушить головную боль, которая вот-вот должна была вернуться.

Ее одежда была влажной от пота. Потеть. Терпеть. Обсуждать. Вентилятор еле двигался, воздух не достигал ее рук. Где Моряк? Она забыла о нем. Она повернулась в темноте и набрала номер

Сарата:

— Где он?

— Кто?

— Моряк.

— Он в безопасности. В фургоне. Помните?

— Нет, я… Там не опасно?

— Это была ваша идея.

Повесив трубку, она проверила, правильно ли та лежит, и вытянулась в темноте. Ей не хватало воздуха. Распахнув занавески, она увидела висевший на столбе фонарь. Люди на темном песке готовили лодки, чтобы выйти в море. Если она включит свет, то покажется им рыбой в аквариуме.

Она вышла из номера. Ей нужна книга, чтобы не уснуть до звонка. Некоторое время она смотрела на полку, потом взяла две книги и быстро вернулась в номер. «В поисках Ганди» Ричарда Аттенборо и биографию Фрэнка Синатры.

Задернув занавески, она включила свет и стянула влажную одежду. В душе, подставив голову под струи холодной воды, она прислонилась к стенке кабины и просто позволила прохладным струям убаюкивать себя. Ей нужен был кто-то — возможно, Лиф, — чтобы петь вместе с ней. Одну из тех песен в форме диалога, которые они

всегда пели в Аризоне…

Она с трудом вышла из-под душа и села, мокрая, в изножье кровати. Было жарко, но она не раздвигала занавесок. Тогда пришлось бы одеться. Она начала читать. Когда ей надоело, она взяла другую книгу, и вскоре у нее в голове составился все удлиняющийся список действующих лиц. Свет был тусклым. Она вспомнила, как Сарат говорил ей, что всегда берет с собой в поездки из Коломбо лампочку в шестьдесят ватт.

Она медленно переползла на другой край кровати и позвонила ему:

— Можно мне взять вашу лампочку? Тут свет ужасный.

— Я принесу.

Они разложили на полу листы "Сандей обсервер". У вас есть фломастер? Да. Встав спиной к Сарату, она начала снимать одежду, затем легла рядом со скелетом Моряка. Она осталась в одних красных шелковых трусиках, которые обычно надевала с долей иронии. Они не предназначались для всеобщего обозрения. Она смотрела в потолок, руки на груди. Приятно было лежать на жестком полу, ощущая сквозь газеты прохладу гладкого бетона; то же чувство она испытывала в детстве, когда спала на циновках.

Он обвел фломастером очертания ее тела. Вам придется на секунду опустить руки. Она чувствовала, как фломастер движется вокруг ее рук, по талии, к ногам, с обеих сторон, так что синие линии сошлись у нее под пятками.

Она поднялась из своего очертания, повернулась спиной и увидела, что он уже наметил контуры четырех скелетов.

Анил разбудил стук в дверь. Она не пошевелилась. Весь вечер она ощущала себя вялой, неспособной думать. Даже во время чтения она сонно пребывала в объятиях не отпускавших ее абзацев. Ее удерживало что-то в формулировке упреков Авы Гарднер в адрес Синатры. Завернувшись в простыню, она открыла дверь. Сарат протянул ей лампочку и исчез. Он был в рубашке и саронге. Она хотела попросить его… Она выдвинула стол на середину комнаты и выключила свет. Вывернула, захватив простыней, горячую лампочку. Она боялась, что ее ударит током. За окном шумели волны. С усилием откинув голову, она ввинтила в патрон принесенную Саратом лампочку. Любое действие давалось ей с трудом, требовало времени.

Анил без сил лежала на кровати, ее вновь бил озноб, в горле застрял стон. Порывшись в сумке,

она нашла две маленькие бутылочки виски, которые захватила с самолета. Сарат снял с нее одежду и обвел контур ее тела. Он сделал это или нет?

Зазвонил телефон. Это была Америка. Женский голос.

— Алло! Алло! Лиф? Боже, это ты! Ты получила мое письмо.

— У тебя уже появился акцент.

Нет, я… Это легальный звонок?

— У тебя голос скачет то вверх, то вниз.

— Да?

С тобой все в порядке, Анил?

Я заболела. Сейчас очень поздно. Нет-нет. Все хорошо. Я ждала твоего звонка. Просто я заболела и поэтому чувствую себя еще дальше от всех. Лиф, у тебя все в порядке?

Да.

— Расскажи мне о себе.

Настала тишина.

— Я не могу вспомнить… Я забываю твое лицо.

У Анил перехватило дыхание. Она отвернулась в сторону, чтобы вытереть щеку о подушку.

Где ты, Лиф? — На линии был слышен шум, шум большого расстояния. — Твоя сестра с тобой?

— Моя сестра? — спросила Лиф.

— Лиф, послушай, ты помнишь, кто убил Черри Баланса?[6]

Щелчок и тишина. Она прижимала трубку к уху.

В соседней комнате Сарат лежал с открытыми глазами, не в силах не слышать плач Анил.

*

Протянув руку над тарелками с завтраком, Сарат взял Анил за запястье. Большой палец на пульсе.

— Сегодня днем мы поедем в Коломбо. Мы можем работать со скелетом в лаборатории на судне.

И держать скелет при себе, что бы ни случилось, — добавила она.

— Мы будем держать при себе все четыре скелета. Весь комплект. Для маскировки. Скажем, что все они древние. У вас больше нет температуры.

Она отняла руку:

— Я отщипну кусочек с пяточной кости Моряка. Чтобы у меня было его удостоверение личности.

— Если нам удастся собрать больше образцов пыльцы и земли, мы сможем узнать, где он был похоронен в первый раз. И продолжить исследо-

---

[6] Примечания: 6

Один из героев фильма Говарда Хоукса «Красная река».

вания на корабле.

— Здесь есть женщина, работавшая с куколками насекомых, — сказала Анил. — Я читала ее статью. Я уверена, что она из Коломбо. Она написала прекрасную дипломную работу.

Сарат посмотрел на нее с иронией:

— Я ничего о ней не слышал. Расспросите молодых врачей в больнице.

Они молча смотрели друг на друга.

— Я сказала своей подруге Лиф перед отъездом: «Быть может, я встречу человека, который меня погубит». Вам можно доверять?

— Вы должны мне доверять.

Они прибыли в доки Мутвала ранним вечером. Анил помогла Сарату отнести четыре скелета в лабораторию на борту «Оронсея».

Завтра можете отдыхать, — сказал он. Я должен раздобыть дополнительное оборудование, на это уйдет весь день.

После его ухода Анил осталась на корабле, ей хотелось немного поработать. Спустившись по лестнице, она вошла в лабораторию, взяла металлический ломик, который они держали у двери, и принялась стучать по стенам. Послышалась возня. Наконец в темноте все утихло. Анил зажгла спичку и двинулась вперед, держа ее перед собой.

Когда она потянула вниз рукоятку генератора, раздалось слабое жужжание и электрический свет медленно заполнил помещение.

Анил сидела и смотрела на него. Жар понемногу отступал, ей становилось лучше. Она повторно начала осматривать скелет при свете серной лампы, суммируя факты его смерти — вечные истины как для Коломбо, так и для Трои. Одно предплечье сломано. Кости частично обгорели. Шейный отдел позвоночника поврежден. Возможно, небольшое пулевое ранение на черепе. Вход и выход.

По повреждениям костей она могла сказать, что случилось с Моряком перед смертью. Он поднимает руки к лицу, защищаясь от удара. В него стреляют из винтовки, одна пуля проходит сквозь руку, другая попадает в шею. Когда он падает на землю, к нему подходят, чтобы прикончить.

Coup de grace.[7] Самая маленькая, самая дешевая пуля двадцать второго калибра, в отверстие от которой легко проходит шариковая ручка. Потом его попытались сжечь, и в свете этого костра начали рыть могилу.

В больнице на Кинси-роуд рядом с дверью глав-

---

[7] Примечания: 7
Удар из сострадания (фр.). Удар, которым добивают раненого.

ного врача висело изречение:

Пусть смолкнут разговоры,
Стихнет смех.
Здесь смерть любезно согласилась
Помогать живым.

Строки на латыни, сингальском и английском. В стенах лаборатории, где она время от времени работала, когда нуждалась в лучшем оборудовании, она могла расслабиться, одна в большой комнате. Она обожала лаборатории. Сиденья у стульев спереди всегда были немного скошены, поэтому приходилось сидеть, слегка нагнувшись вперед. Постоянный наклон вперед, выражавший непритворный интерес к происходящему. По периметру вдоль стен стояли бутылки с жидкостью свекольного цвета. Она ходила вокруг стола, искоса поглядывая на тело, потом садилась на табурет, и время исчезало. Ни голода, ни жажды, ни желания оказаться в компании друзей или любовника. Лишь где-то вдалеке кто-то стучал по полу, бил деревянным молотком по старому бетону, словно пытаясь пробиться к истине.

Она встала у стола, прижавшись к нему бедренными костями. Скользнула пальцами по темной деревянной поверхности, чтобы ощутить песчин-

ку, или осколок, или крошку, или что-то липкое. В своем одиночестве. Ее руки были темны, как стол, никаких украшений, кроме браслета, который звякнет, если мягко опустить на стол руку. Никаких посторонних звуков, пока Анил размышляет в тишине.

Эти помещения были ее домом. В пяти или шести домах ее взрослой жизни она поставила себе за правило жить ниже своих средств. Дом она так и не купила, а ее съемные квартиры оставались полупустыми. Хотя в ее жилище в Коломбо был маленький бассейн, в котором плавали цветы. Он казался ей роскошью, способной в темноте привести в замешательство вора. Ночью, вернувшись с работы, Анил сбрасывала сандалии и стояла в мелкой воде среди белых лепестков со скрещенными на груди руками. Она как бы раздевала день, снимая один за другим пласты событий, пока внутри не оставалось ничего. Постояв так немного, она с мокрыми ногами отправлялась в постель.

И сама Анил, и все другие знали, что она человек решительный. Ее звали Анил не всегда. В детстве у нее имелось два совершенно неподходящих имени, и она очень рано захотела стать *Анил.* Так звучало второе, неупотреблявшееся

имя ее брата. В двенадцать лет она попыталась выкупить у него это имя, пообещав поддерживать его во всех семейных спорах. Он отказался от сделки, хотя знал, что больше всего на свете ей хочется заполучить это имя.

Ее кампания вызвала гнев и огорчение семьи. Она перестала отзываться на любое из двух своих имен, даже в школе. В конце концов ее родители смягчились, оставалось уговорить ее раздражительного четырнадцатилетнего брата отказаться от своего второго имени. Он заявлял, что когда-нибудь оно, возможно, ему понадобится. Два имени придавали ему больший вес, и, вероятно, второе из них отвечало другой стороне его натуры. К тому же оставался еще дедушка. На самом деле никто из детей не знал дедушку, которому когда-то и принадлежало это имя. Родители воздевали руки к небу, и наконец брат с сестрой заключили соглашение. Она отдала брату сто скопленных рупий, набор ручек, на который он давно зарился, найденную ею жестянку с пятьюдесятью сигаретами «Золотой лист», а также оказала сексуальную услугу, которую он потребовал после долгих препирательств.

С этого дня она не позволяла вносить свои прежние имена в паспорт, аттестат и прочие

официальные документы. Позже, воскрешая в памяти детство, она острее всего вспоминала тоску по этому имени и радость, когда оно наконец-то ей досталось. В этом имени ей нравилось все: утонченная обнаженность и женственность, хотя оно и считалось мужским. Спустя двадцать лет оно вызывало у нее те же чувства. Она охотилась за желанным именем, как за любовником, которого она, увидев, возжелала, не соблазняясь более ничем.

Анил вспоминала покинутый в юности город, сохранивший атмосферу девятнадцатого века. Продавцы креветок на Дьюпликейшн-роуд, протягивающие свой улов проезжавшим мимо машинам, дома в Коломбо, выкрашенные в безупречно белый цвет. В этом районе-жили богачи и политики. «Heaven… Colombo seven…» — переодеваясь к обеду, напевал ее отец на мелодию «Cheek to Cheek», пока Анил вдевала запонки в манжеты его рубашки. Между ними давно был заключен молчаливый пакт. И она знала: когда бы отец ни вернулся с танцев, каких-то других занятий или экстренных операций, утром на рассвете он повезет ее по пустынным улицам в Оттерс-клаб — плавать. На обратном пути они остановятся выпить чашку молока с сахарными

пончиками, завернутыми в глянцевую страницу из английского журнала.

Даже в сезон муссонов она в шесть утра выбегала из машины под проливным дождем, ныряла в покрытую рябью воду и целый час плавала до изнеможения. Десять девочек и тренер, дождь, колотивший по жестяным крышам машин, по плотной воде и тесным резиновым купальным шапочкам, пока пловчихи с плеском погружались в воду, переворачивались и выныривали снова, а горстка родителей читала «Дейли ньюс». В детстве все серьезные усилия и энергия были истрачены к половине восьмого утра. Эту привычку она сохранила на Западе, занимаясь по два-три часа перед тем, как отправиться на медицинский факультет. Ее последующая одержимость научными исследованиями была некоторым образом сродни подводному миру, где она плыла на пределе сил, словно всматриваясь в будущее.

Поэтому, несмотря на вчерашнее предложение Сарата отоспаться, Анил уже позавтракала и собиралась успеть к шести утра в больницу на Кинси-роуд. Вдоль обочины стояли всегдашние продавцы креветок, протягивая ночной улов. От веревок, дымящихся возле киосков с сигаретами, витал запах конопли. Ее еще в детстве влекло,

притягивало к этому запаху. Вдруг непонятно почему ей вспомнились девочки из женского колледжа, глядевшие с балкона на мальчиков из колледжа Святого Фомы, грубиянов и невеж, которые старались пропеть как можно больше куплетов из «Доброго судна „Венера"», пока их не прогнала надзирательница.

На славном на судне «Венере»
В прозрачной, как кружево, пене
Носовая фигура —
Грудастая дура
Верхом на вздыбленном члене.

Обычно воспитанницы колледжа, невинность которых подвергалась не большей опасности, чем невинность дам в эпоху рыцарской любви, лет в двенадцать-тринадцать с изумлением знакомились с этими странными стишками, однако при этом с удовольствием их слушали. Анил вновь довелось услышать эту песню только в двадцать лет, в Англии. И там, на вечеринке после матча в регби, в устах орущих мужчин, она показалась ей более уместной. Однако фокус заключался в том, что мальчикам из колледжа Святого Фомы хотелось допеть эту песню до конца, и поначалу они исполняли ее как хорал — с

трелями, вариациями и распевами без слов, — и это усыпляло бдительность надзирательницы, которая на самом деле улавливала всего лишь общую интонацию. Только девочки из четвертого и пятого классов слышали каждое слово:

Капитан «Венеры» затейник,
Развратник первостепенный!
На нем клеймо,
Он лопатит дерьмо
По палубам в мыле и пене.[8]

Эти куплеты нравились Анил, по временам у нее в голове всплывал их четко выверенный ритм. Она любила злые разоблачительные песни. И вот в шесть утра по дороге в больницу она попыталась вспомнить другие куплеты из «Доброго судна» и громко пропела первые строки. В остальных она была не так уверена и сыграла их на губах, подражая трубе.

— Великолепно, — пробормотала она себе под нос. — Просто потрясающе.

Оказалось, что практикантка из Коломбо, опубликовавшая исследование про куколок, работает в одной из лабораторий патологоанатомическо-

[8] Примечания: 8
Перевод Г. Шульги.

го отделения. Анил не сразу вспомнила ее имя, но сейчас перед ней сидела Читра Абейсекера, печатавшая бланк заявки на мягкой от сырости бумаге. Читра была в сари, рядом с ней стояло что-то вроде портативной канцелярии — металлический ящик и две большие картонные коробки с заметками, лабораторными образцами, чашечками Петри и пробирками. В металлическом ящике сидели подрастающие жуки.

Женщина подняла на нее глаза.

— Я вам не помешала? — Анил посмотрела вниз, на четыре строчки заявки, которые только что напечатала женщина. — Почему бы вам не отдохнуть, а я заполню бланк вместо вас.

— Это вы из Женевы, верно? — На ее лице проступило недоверие.

Да.

Читра посмотрела себе на руки, и обе женщины рассмеялись. Кожа была в порезах и укусах, как будто она сунула их в улей и вытащила уже с добычей.

— Просто подскажите мне, что написать.

Анил подошла к ней сбоку и, пока Читра говорила, быстро внесла поправки в текст, добавив прилагательных и кое-где переделав ее заявку на финансирование исследования. Скупое описание

проекта, составленное Читрой, не имело шансов на успех. Анил придала ему необходимый драматизм, превратив перечисление имевшихся возможностей в более внушительное резюме. Покончив с заявкой, она спросила Читру, не хочет ли та перекусить.

— Только не в больничном кафетерии, — ответила Читра. — Наш повар работает по совместительству в патанатомической лаборатории. Знаете, что я бы предпочла? Китайский ресторан с кондиционером. Пойдемте в «Барабан цветов».

В ресторане, кроме трех обедающих бизнесменов, никого не было.

— Спасибо за помощь с заявкой, — сказала Читра.

— Это хороший проект. Очень важный. Вы сможете работать здесь? У вас есть оборудование?

— Это нужно делать здесь… с куколками… и личинками. Опыты необходимо проводить при этой температуре. К тому же мне не нравится Англия. Когда-нибудь я поеду в Индию.

— Если вам понадобится помощь, свяжитесь со мной. Господи, я совсем забыла, что значит прохладный воздух. Я готова сюда переселиться. Давайте поговорим о вашем исследовании.

— Потом, потом. Сначала расскажите мне, что

вам нравится на Западе.

— О… что мне нравится? Наверное, больше всего мне нравится, что я ни от кого не завишу. Здесь про тебя все известно. Мне не хватает неприкосновенности частной жизни.

Похоже, эти преимущества западной жизни совершенно не интересовали Читру.

— К половине второго мне надо быть на месте, — произнесла она и заказала чау-мейн и коку.

Картонная коробка с пробирками была открыта, и Читра рассматривала под микроскопом личинку.

— Ей две недели.

Она взяла личинку пинцетом и положила на поднос с кусочком человеческой печени, добытой, как догадалась Анил, незаконным путем.

— Без этого не обойтись. — Перехватив взгляд Анил, Читра постаралась говорить как можно непринужденнее. — Небольшое одолжение. Мы берем себе немного перед тем, как кого-то похоронят. Когда насекомые питаются этим, а не органами животных, они развиваются значительно быстрее. — Бросив остатки печени в сумку-холодильник, она вытащила свои таблицы и разложила на столе. — Итак, скажите, чем я

могу вам помочь?

— У меня есть скелет, частично обгоревший. Можно ли получить информацию о куколках, которые там были?

Читра прикрыла рот и икнула, не в первый раз после приема пищи.

— Да, если он находится на месте.

— В этом-то вся проблема. Мы взяли землю оттуда, где его нашли, но мы думаем, его переместили. Мы не знаем, где он находился изначально. У меня есть земля только с последнего места захоронения.

— Я могу посмотреть кости. Некоторых насекомых привлекают кости, а не плоть. — Читра улыбнулась. — Там могли остаться куколки из места первого захоронения. Зная тип насекомых, мы можем сократить число возможных мест. Странно, но кости привлекают насекомых только в первые два месяца.

— Поразительно.

— Угу, — произнесла Читра, как бы смакуя шоколад. — Некоторых бабочек тоже привлекают кости, из — за влаги…

— Можно показать вам кости?

— Завтра я уеду на несколько дней в глубинку.

— Тогда сегодня вечером? Договорились?

— Угу, — равнодушно отозвалась Читра, стараясь разобраться с одной из своих таблиц.

Отвернувшись от Анил к кучке насекомых, она выбрала из них одно, подходящего возраста и упитанности, и подцепила пинцетом.

Ночью в трюме Сарат вылил в мелкую тарелку растворенный в ацетоне пластик и взял кисть из верблюжьего волоса, которой пользовался при работе с костями. Рассеянный свет, гул генератора.

Он подошел к лабораторному столу, на котором лежал скелет, взял лампу с зажимом — единственный источник сфокусированного яркого света, — включил и направился вместе с ней и длинным проводом к шкафу, стоявшему в дальнем конце комнаты. Открыв его, он налил себе из бутылки три четверти стакана арака и вернулся к скелету.

Под действием воздуха четыре скелета из Бандаравелы вскоре начнут разрушаться.

Он вытащил из пластикового контейнера новую карбидированную иглу, прикрепил к ручному скребку и принялся очищать кости первого скелета от фрагментов грязи. Затем взял тонкий шланг и осторожно, словно стараясь охладить ожог у ребенка, подул в него, водя им над каждой

костью. Затем, окунув кисть из верблюжьего волоса в тарелку, стал наносить слой защитного пластика на кости, двигаясь вниз по позвоночнику и ребрам. Затем перенес лампу с зажимом ко второму столу и начал обрабатывать второй скелет. За ним третий. Когда он подошел к столу, на котором лежал Моряк, то, повернув боком пяточную кость, обнаружил сделанную Анил бороздку глубиной в сантиметр.

Сарат потянулся, вышел из света в темноту, нашарил в шкафу бутылку с араком и принес с собой к столу Моряка в конус света. Было около двух ночи. Покрыв пластиком все скелеты, он сделал на каждом пометки и сфотографировал три скелета спереди и сбоку.

Работая, он пил. Комната наполнилась резким запахом пластика. В трюме не было отверстий, через которые мог бы поступать свежий воздух. Сарат с шумом отпер дверь и поднялся на палубу с бутылкой арака в руке. Перед ним лежал темный Коломбо — комендантский час. Было бы хорошо пройтись по городу пешком или проехать на велосипеде. Напряженная тишина блокпостов, роскошные старые деревья вдоль Соломон-Диас — Мавата. Однако в порту кипела жизнь, на воде колыхался свет буксиров, сверкали белые лучи

тракторов, перевозящих грузы на причале. Было три или четыре часа ночи. Он запрет лабораторию и будет спать на корабле остаток ночи.

В трюме по-прежнему стоял сильный запах пластика. Сарат вынул из шкафа запечатанную пачку *биди*, закурил сигарету и вдохнул в себя ее густой, смертоносный аромат. Взял лампу и подошел к Моряку. Оставалось его сфотографировать. Что ж, сделай это сейчас, сказал он себе, и сделал два снимка — анфас и в профиль. Он подождал, пока снимки, сделанные «поляроидом», не проявятся, помахивая ими в воздухе. Когда фотографии Моряка были готовы, он положил их в конверт из оберточной бумаги, заклеил, надписал адрес и сунул в карман пиджака.

У трех других скелетов череп отсутствовал. У Моряка он был. Сарат положил недокуренную сигарету в металлическую раковину и наклонился вперед. Разрезав скальпелем связки, соединяющие череп с шейным отделом позвоночника, он отделил его. Потом перенес к себе на стол. Огонь не добрался до головы, поэтому лобная, слезная и скуловая кости были гладкими, а соединявшие их швы плотными. Сарат завернул череп в пленку и уложил в большой хозяйственный пакет с надписью «Кунданманс». Затем вернулся и сфо-

тографировал Моряка дважды, уже без черепа, спереди и сбоку.

РОЩА АСКЕТОВ

Теперь, более чем когда-либо, он был уверен, что ему и Анил требуется помощь.

Эпиграфист Палипана несколько лет находился в центре националистически настроенной группы историков, в конце концов отвоевавшей археологическую власть на Шри-Ланке у европейцев. Он сделал себе имя переводами манускриптов на пали,[9] а также публикацией и переводом наскальных надписей Сигирии.[10]

Палипана, стоявший во главе общественного движения сингалов, был автором блестящих научных трудов, опиравшихся на обширные исследования и глубокое знание контекста древних культур. В то время как Запад видел в истории Азии далекий горизонт, где Европа соединялась с Востоком, Палипана видел свою страну во всем ее многообразии и цвете, а Европу просто как часть земли на конце азиатского полуострова.

---

[9] Примечания: 9

Один из индоарийских языков, на котором написаны буддийские тексты.

[10] Примечания: 10

Каменная глыба, на вершине которой находился дворец царя Кассапы.

В 1970-х годах прошел ряд международных конференций. Академики на шесть дней прилетали в Дели, Коломбо и Гонконг, рассказывали свои лучшие истории, знакомились с жизнью бывших колоний, а потом возвращались в Лондон и Бостон. В результате было признано: хотя у европейской культуры древние корни, азиатская культура еще древнее. Палипана, к тому моменту самый уважаемый ученый на Шри-Ланке, посетил одно из подобных собраний и больше никогда на них не являлся. Он был скромным человеком, не терпевшим формальностей и церемониальных тостов.

Три года учебы у Палипаны были самыми трудными в академической жизни Сарата. Студентам вменялось в обязанность подтверждать все свои предположения. Каждый клинописный знак наскальных надписей, каждую извилину следовало многократно воспроизвести на страницах журналов, на песке, на классной доске, пока они не войдут в твои сны. Первые два года Сарат считал Палипану скупым на похвалу и скорее скупым, чем скромным, в жизни. Он был, казалось, не способен делать комплименты и никого не угощал едой или напитками. Его брат Нарада, у которого не было машины и который всегда просил его

подвезти, поначалу произвел на Сарата такое же впечатление, но он оказался щедрым на время, щедрым на дружбу и смех. Палипана всегда берег себя для языка истории. Когда дело касалось публикации его работ, он был тщеславен и неуступчив, требуя двухцветных диаграмм на хорошей бумаге, которая могла бы выдержать воздействие климата и фауны. Его бульдожья хватка ослабевала только после выхода книги, и он отправлялся с пустыми руками в другую эпоху или другой регион страны.

История всегда была с ним рядом. Каменные развалины королевских бассейнов и водяных садов, погребенные города. Националистический пыл, который он исповедовал и использовал, предоставлял ему и тем, кто с ним работал, включая Сарата, безграничные возможности для наблюдения и интерпретации фактов. Казалось, он способен написать трактат о любом священном заповеднике.

Палипана начал заниматься археологией уже в зрелом возрасте. И сделал карьеру не с помощью семейных связей, а потому, что знал языки и технику исследования лучше своих коллег, стоявших выше по служебной лестнице. Он был не из тех, кто быстро нравится, так как утратил

обаяние еще где-то в юности. У него оказалось всего четыре преданных ученика. Одним из них был Сарат. К шестидесяти годам он рассорился со всеми. Ни один из четверых не простил ему пережитых унижений. Однако его ученики по-прежнему верили в две вещи — вернее, в *три:* в то, что он лучший археолог-теоретик в стране, что он почти всегда прав и что, несмотря на свой успех и славу, он продолжает жить гораздо скуднее любого из них. Возможно, потому, что был братом монаха. Гардероб Палипаны свелся к двум одинаковым костюмам. Старея, он все меньше связывал себя с земным миром, если не считать его непреходящего тщеславия, касавшегося публикаций. Сарат не видел его несколько лет.

За эти годы Палипана был безжалостно изгнан из научного сообщества. Все началось с публикации ряда исследований, посвященных наскальным надписям, которые произвели фурор среди историков и археологов. Палипана открыл и перевел тексты, объяснявшие политические течения и дворцовые перевороты на острове в шестом веке. Его труд приветствовали в иностранных и отечественных журналах, пока один из учеников Палипаны не высказал мнение, что никаких доказательств того, что эти тексты

существуют, нет. Что они являются фикцией. Группе историков не удалось обнаружить надписей, о которых писал Палипана. Никто не мог отыскать ни слов умирающих воинов, которые тот цитировал и переводил, ни строк королевских манифестов, ни даже эротических стихов на пали, якобы написанных влюбленными вельможами и их наперсницами, имена которых никогда не упоминались в «Кулавамсе».[11]

Поначалу казалось, что стихи, опубликованные Палипаной, положили конец дебатам и спорам, которые велись историками; его безупречная репутация ученого, который всегда опирался на тщательно проведенное исследование, не позволяла усомниться в их существовании. Теперь же у многих возникло подозрение, что он построил свою карьеру только для того, чтобы проделать с миром этот фокус. Хотя, возможно, для самого Палипаны это был не просто фокус и вовсе не обман; возможно, для него это был не ложный шаг, а шаг в иную реальность, заключительная сцена длинного, безошибочного танца.

Однако никого этот странный акт не восхитил. В том числе его академических последователей.

---

[11] Примечания: 11

Хроники Шри-Ланки, охватывающие период с III в. до 1815 г.

И даже его учеников, включая Сарата, которых он всегда осуждал за небрежность и неточность. Этот жест, «жест Палипаны», был расценен как предательство принципов, на которых он построил свою репутацию. Подлог мастера — это не просто злая выходка, это насмешка. Только самый невинный взгляд был способен увидеть в этом поступке автобиографический или, возможно, химический распад.

Надписи на крепости Сигирия расположены на выступе скалы, на четырехсотметровой высоте. Они старше более известных изображений небесных дев на «зеркальной стене» и высечены, вероятнее всего, в шестом веке. Выцветшие тускло-желтые письмена — загадочные утверждения, лишенные какого-либо контекста, — всегда притягивали историков своей таинственностью, сам Палипана посвятил пятнадцать беспокойных лет их изучению. Как историк и ученый, он подходил к любой проблеме с разных сторон. Слушать женщину из касты дхаби, стиравшую белье в недавно обнаруженном пруду на скале, или работать рядом с каменщиком ему нравилось больше, чем говорить с профессором из университета Перадении. Его подход к письменам опирался не столько на знание исторических текстов, сколько

на практическое знание местных ремесел. Его глаза распознавали в неправильной линии на поверхности скалы гармонию изображенного плеча.

Палипана, изучавший языки и тексты до сорока лет, следующие тридцать посвятил полевым исследованиям — историческую версию он уже сформулировал. Приближаясь к раскопкам, Палипана уже знал, что там найдет: четкий узор отдельно стоящих колонн или знакомый символ высоко на стене пещеры. Странная самоуверенность для того, кто всегда был скромен в своих предположениях.

Он ощупывал каждую обнаруженную надпись. Прослеживал каждую букву в Каменной книге Полоннару — вы, в первой книге страны, на высеченном из камня прямоугольнике высотой более метра и длиной около десяти; он прижимался голыми руками и лицом к этому постаменту, вобравшему в себя дневной зной. Почти весь год тот был темным и теплым, и лишь в сезон муссонов буквы наполнялись водой, образуя маленькие гавани безупречной формы, как в Карфагене. Гигантская книга на жесткой траве Священного прямоугольника Полоннарувы, на котором высечены буквы, окаймленные фризом из уток. Утки

для вечности, шептал он про себя, улыбаясь в полуденном зное, сводя воедино то, что обнаружил в древних текстах. Тайну. Подобные открытия были его величайшей радостью. Так, он нашел танцующего Ганешу, возможно первого вырезанного из камня Ганешу на острове, среди людей на фризе в Михинтале.

Он проводил параллели и связи между техникой каменщиков, которую он увидел в Матаре, и своим многолетним трудом по переводу текстов и на раскопках.

И начал принимать за правду вещи, о которых оставалось лишь гадать. И никоим образом не воспринимал это как подлог или фальсификацию.

Археология живет по тем же правилам, что и Кодекс Наполеона. Дело не в том, что его теории были признаны ложными, а в том, что он не мог доказать их истинность. К тому же закономерности, обнаруженные Палипаной, начали сливаться. Они позволяли ходить по водам, прыгать по верхушкам деревьев. Вода, наполнявшая вырезанный в камне алфавит, соединяла берега. Так возникала недоказуемая истина.

Сколько бы он ни лишал себя земных благ и социальных привычек, еще больше было отня-

то у него в ответ на его недоказуемые теории. Он потерял уважение, подобающее его статусу. Однако не стал отказываться от того, что считал своим открытием, и не делал попыток защититься. Вместо этого он уединился. Несколько лет назад, путешествуя с братом, он нашел в лесу, в двадцати милях от Анурадхапуры, развалины монастыря. И теперь перебрался туда со всеми своими пожитками. Говорили, что он живет в полуразрушенной «хижине с крышей из пальмовых листьев», довольствуясь лишь самым необходимым. В соответствии со строгими принципами монашеской секты шестого века, отвергавшей любые украшения в религии. Они украсили резьбой всего одну каменную плиту, на которую затем мочились. Вот что они думали об изображениях, высеченных на камне.

Ему было больше семидесяти, и его беспокоило зрение. Он все еще писал от руки свои тексты, извлекая из себя истину. Он был худ словно жердь, носил одни и те же хлопковые брюки, купленные когда-то на Галле-роуд, две одинаковые темно-фиолетовые рубашки и очки. У него сохранился сухой умный смех, который для того, кто знал обоих братьев, был единственной соединявшей их биологической чертой.

Он жил в лесу вместе с книгами и планшетом. Теперь для него вся история наполнилась солнечным светом, любое углубление наполнилось дождем. Хотя в часы своих трудов он понимал, что бумага вместе с тем, что на ней написано, быстро ветшает. Она страдала от нашествий насекомых, выцветала на солнце, билась на ветру. И было еще его старое, исхудавшее тело. Теперь Палипана также оказался лишь во власти стихий.

*

Оставив позади Канди, Сарат с Анил в поисках Палипаны отправились на север, в засушливую зону. Так как у них не было возможности сообщить учителю о своем приезде, Сарат не знал, как тот их встретит: презрительно отвергнет или неохотно примет. Они подъехали к Анурадхапуре днем, в самую жару, и через час оказались на опушке леса. Оставив машину, они минут двадцать шли пешком по тропинке, петлявшей между большими валунами, и неожиданно оказались на поляне. По ней были разбросаны покинутые постройки из дерева и камня — остатки высохшего водного сада, каменные плиты. Какая-то девушка просеивала рис, Сарат подошел и что-то сказал.

Девушка вскипятила на костре воду, и они трое

уселись на скамью и стали пить чай. Девушка по-прежнему молчала. Анил предположила, что Палипана спит во мраке хижины, но вскоре из одной постройки вышел человек в саронге и рубашке. Подойдя к колодцу, он вытащил оттуда ведро с водой и вымыл лицо и руки. Потом, повернувшись, сказал:

— Я слышал твой голос, Сарат.

Анил с Саратом поднялись, но Палипана не двигался с места. Он просто стоял. Сарат, склонившись, коснулся ног старика, потом подвел его к скамье:

— Это Анил Тиссера… Мы вместе работаем, изучаем скелеты, которые нашли близ Бандаравелы.

— Да.

— Как поживаете, сэр?

— Какой приятный голос. Внезапно Анил поняла, что он слепой.

Он вытянул руку и взял ее за запястье, осязая кожу и мышцы. Анил почувствовала, что на основе этой части тела он старается составить представление о ее фигуре и размерах.

— Расскажи мне о них… насколько они древние? Он отпустил ее руку.

Анил быстро посмотрела на Сарата, и тот же-

стом указал на лес. Кому старик может поведать их тайну?

Палипана все время поворачивал голову, словно пытаясь понять, что вокруг происходит.

— А-а… секрет, неугодный правительству. Или, быть может, правительственный секрет. Мы в Роще аскетов. Здесь надежное место. А я самый надежный хранитель секретов. К тому же мне не важно, чей это секрет. Ты это знаешь — верно, Сарат? Иначе бы не приехал сюда за помощью. Я не прав?

— Нам нужно кое-что обдумать, возможно, кого-то найти. Специалиста.

— Как вам известно, я уже не вижу, но принесите сюда то, что вы привезли. Что это?

Сарат подошел к своему мешку, лежавшему у костра, снял пластиковую пленку, вернулся и положил череп на колени Палипане.

Анил смотрела на сидевшего перед ними старика, спокойного и неподвижного. Было около пяти вечера, и без резкого солнечного света скалы вокруг казались бледными и мягкими. Слышались негромкие звуки.

— Белл, пришедший сюда в девятнадцатом веке, а за ним и другие археологи решили, что здесь стоял летний дворец. Но в «Кулавамсе» говорит-

ся, что монахи, выступавшие против ритуалов и роскоши, основали здесь лесное братство.

Палипана, не поворачивая головы, показал налево. Он жил в самой скромной из пяти построек на поляне, прилепившейся к скале, с новой крышей из пальмовых листьев.

— Они были не так уж бедны, но жили скудно — ты понимаешь различие между грубым материальным миром и тонким материальным миром, верно? Что ж, они выбрали последний. Сарат наверняка рассказал тебе об искусно украшенном камне, на который они мочились. Он всегда восхищался этой деталью.

Палипана сжал губы. В выражении его лица был намек на сдержанный юмор, и Анил подумала, что так выглядит его улыбка.

— Здесь нам ничего не угрожает, но, разумеется, история нас учит. В эпоху правления короля Удаи Третьего некоторые монахи, спасаясь от его гнева, покинули двор. И пришли в Рощу аскетов. Король и Упараджа последовали за ними и отрубили им головы. В «Кулавамсе» также описана реакция населения на этот акт. Оно взбунтовалось, «подобно океану в бурю». Понимаете, король осквернил святилище. По всему королевству вспыхнули яростные протесты, и все из-за

нескольких монахов. Из-за нескольких голов…

Палипана умолк. Анил смотрела, как его длинные красивые пальцы движутся по принесенному Саратом черепу, задерживаются на надбровных дугах, в глазницах, обхватывают череп, словно грея ладони о камень из потухшего очага. Он ощупал угол нижней челюсти, тупой ряд зубов. Анил подумала, что он способен услышать в лесу голос одной птицы. Шум шагов Сарата, чирканье спички, звук пламени, обжигающего табачный лист, пока Сарат в нескольких шагах отсюда курил *биди.*

Она была уверена, что Палипана все это слышит: легкий ветерок, другие обрывки шума, отражавшиеся на его худом лице, блестящей коричневой окостенелости его черепа. А в это время незрячие глаза смотрели прямо перед собой, пронизывая взглядом все, что оказалось перед ними. Он был безупречно выбрит. Интересно, он делал это сам или его брила девушка?

— Скажи мне, что ты думаешь… *ты.* — Он повернул голову к Анил.

— Ну… мы с Саратом кое в чем расходимся. Но оба согласны, что скелет, которому принадлежит этот череп, современный. Он был найден в тайнике рядом с костями девятнадцатого века.

— Но позвоночник в шейном отделе сломан недавно, — заметил старик.

— Он…

— Это сделал я, — вмешался Сарат. — Два дня назад.

— Без моего разрешения, — добавила она.

— Поступки Сарата всегда имеют вескую причину, он ничего не делает просто так. Он избегает крайностей, всегда.

— Назовем это провидческим решением, принятым в пьяном виде, — произнесла она, стараясь говорить спокойно.

Сарат смотрел в пространство между ними, не возражая против этой формулировки.

— Скажи мне что-нибудь еще. Ты. — Он снова обернулся к Анил.

— Меня зовут Анил.

— Да.

Сарат покачал головой и усмехнулся. Не ответив на вопрос Палипаны, она смотрела в темную глубину хижины, где он жил.

Вокруг не было зелени. Аскеты всегда выбирали голые скалы и снимали верхний слой почвы. Только крыша была из тростника и листьев. Его хижина с крышей из пальмовых листьев. Старые отчаявшиеся аскеты.

И все же здесь было спокойно. Громко стрекотали невидимые цикады. Сарат сказал, что, когда впервые посетил лесной монастырь, ему не хотелось уезжать. Он догадался, что, удалившись от мира, его учитель выберет себе одну из хижин, крытых листьями, которыми изобилуют окрестности Анурадхапуры, традиционное жилище монахов. К тому же Палипана как-то сказал, что хочет, чтобы его похоронили в этом месте.

Анил прошла мимо старика, остановилась у колодца и заглянула вглубь.

— Куда она пошла? — донесся голос Палипаны, в котором не было ни капли раздражения.

Из хижины вышла девушка с соком маракуйи и нарезанной гуайявой. Анил быстро осушила стакан. Потом повернулась к старику:

— Вероятно, его перезахоронили. Важно, что второй раз его закопали в закрытой зоне, куда имеют доступ только полиция, военные или правительственные чиновники высокого уровня. Вроде Сарата. И никто другой. Так что, похоже, преступление совершено не простыми смертными. Я знаю, во время войны убийства совершаются и по личным мотивам, но вряд ли убийца мог позволить себе перезахоронить жертву. Мы обнаружили скелет, от которого этот

череп, в пещере близ Бандаравелы. Нам нужно выяснить, не идет ли речь о преступлении, совершенном правительством.

— Ясно.

— Микроэлементы в костях Моряка…

— Кто такой Моряк?

— Так мы назвали скелет. Микроэлементы в его костях не соответствуют составу почвы, в которой он был обнаружен. Мы не сошлись в определении точного возраста костей, но уверены, что в первый раз его похоронили где-то еще. То есть он был убит и похоронен. А затем его выкопали, перевезли на новое место и там захоронили снова. Не совпадают не только микроэлементы почвы, мы подозреваем, что и пыльца, приставшая к нему перед первым захоронением, происходит из совершенно другого региона.

— «Пыльцевые зерна» Вудхауза…

— Да, мы пользовались этой книгой. Сарат обнаружил такую пыльцу в двух возможных местах: одно близ Кегалле, а другое в районе Ратнапуры.

— Там находятся повстанцы.

— Да. Там во время кризиса исчезло множество людей.

Палипана поднялся и протянул череп, чтобы кто-нибудь его забрал:

— Похолодало, теперь можно поужинать. Вы останетесь на ночь?

— Да, — ответила Анил.

— Я помогу Лакме приготовить еду, мы готовим вместе. А вы пока можете отдохнуть.

— Я бы хотела как следует помыться, — сказала она. — Мы с пяти утра в дороге. Можно?

Палипана кивнул.

Сарат зашел в темноту хижины и лег на циновку на пол. Он выглядел усталым, долгая дорога утомила его. Анил отправилась к машине, достала из сумки два саронга и вернулась на поляну. У колодца она разделась, сняла часы, обмоталась куском тонкой ткани и опустила ведро в колодец. Далеко внизу раздался глухой всплеск. Ведро, утонув, зачерпнуло воду. Анил несколько раз потянула за веревку, вытащила ведро и ухватилась за нее около ручки. Потом опрокинула ведро на себя. Холодная вода мгновенно обожгла ее, принеся ощущение свежести. Она снова опустила ведро в колодец, подняла наверх и опрокинула на голову и плечи; потоки воды пропитали тонкую ткань, омыв живот и ноги. Она поняла, почему колодцы бывают священными. Они соединяют простую необходимость с роскошью. Анил отдала бы все свои серьги за час у колодца. Вновь и

вновь она повторяла эту мантру жестов. Потом сняла с себя мокрую ткань, постояла обнаженной на ветру в последних лучах заходящего солнца и надела сухой саронг. Потом, наклонившись, стряхнула воду с волос.

Через некоторое время она проснулась и села на скамье. Услышав плеск воды у колодца, обернулась и увидела Палипану. Девушка лила воду на его обнаженное тело. Он стоял лицом к Анил, опустив руки. Худой, как потерявшееся животное, уподобившийся *идее.* Лакма продолжали лить на него воду, и они жестикулировали и смеялись.

Утром, в половине шестого, те, кто проснулся в темноте, уже прошагали милю, оставив позади улицы, и вышли в поле. Они задули единственный на всех фонарь и теперь уверенно двигались в темноте, ступая босыми ногами по земле и траве. Ананда Удугама привык ходить во тьме. Он знал, что вскоре они подойдут к разбросанным по полю навесам, грудам свежей земли, водяному насосу и отверстию в земле шириной около метра — входу в шахту.

В темно-зеленом утреннем свете казалось, что люди плывут в открытом пространстве. Они слышали и мельком видели птиц, которые вспархивали с земли с какой — нибудь живностью

в клюве. Люди начали снимать с себя майки. Все они работали на шахте по добыче драгоценных камней. Вскоре они спустятся под землю, будут, стоя на коленях, вкапываться в породу в поисках чего-то твердого — булыжника, корня или драгоценного камня. Они будут перемещаться под землей — в тесноте, шлепая босыми ногами по воде и грязи, погружая пальцы в мокрую глину и сырые стены. Смена длится шесть часов. Одни спускались под землю в темноте и выходили на поверхность при свете дня, другие вновь погружались во мрак.

Теперь мужчины и женщины стояли у насоса. Мужчины подоткнули саронги и повесили майки на перекладины навесов. Ананда набрал полный рот бензина и впрыснул в карбюратор. Когда он потянул за шнур, мотор, подпрыгнув, пробудился к жизни, с глухим стуком ударяясь о землю. Из шланга полилась вода. В полумиле отсюда затарахтел еще один мотор. Через десять минут из предрассветного мрака выступил пейзаж, но Ананда и еще трое мужчин уже спустились по веревочной лестнице под землю.

Прежде чем они полезли в шахту, через метровое отверстие в земле на стометровую глубину спустили на веревке корзину с семью зажженны-

ми свечами. Свечи не только освещали темноту, но и давали знать, что воздух в шахте безопасен. Со дна колодца, где горели свечи, расходились три туннеля, исчезавшие в глубоком мраке, в который отправятся мужчины.

Оставшиеся на поверхности женщины начали готовить плетеные корзины для промывки породы, через пятнадцать минут, услышав свист, они принялись поднимать корзины с землей из шахты. Когда в полях совсем рассвело, вся равнина района Ратнапура пробудилась к жизни под тарахтение моторов — насосы качали воду из колодцев, женщины промывали породу, а твердый осадок отправляли дальше, чтобы проверить, нет ли там чего-то ценного.

Мужчины под землей работали согнувшись, мокрые от пота и грунтовых вод. Если кто-нибудь ранил руку или ногу мотыгой, в свете туннеля кровь казалась черной. Если свечи из-за вездесущей жидкости гасли, люди лежали в воде, пока тот, кто был ближе к выходу, не доберется до него в темноте и не отправит свечи наверх, на вольный воздух, где их зажгут и снова спустят вниз.

Смена Ананды кончалась в полдень. Он и другие шахтеры карабкались вверх по лестнице, задер-

живались в трех метрах от поверхности, чтобы привыкнуть к яркому солнцу, а потом продолжали подъем и выбирались наверх, на открытое пространство. Поддерживаемые женщинами, они подходили к грудам земли, и там их с головы до ног окатывали водой из шланга, которая стекала по их полуобнаженным телам.

Они одевались и шли домой. К трем часам дня в деревне, где он жил с сестрой и ее мужем, Ананда напивался до бесчувствия. Скатившись с соломенного тюфяка, на который его уложили, он выползал, привычно скорчившись, во двор и мочился, не в силах подняться или даже посмотреть, не видит ли его кто-нибудь.

В тусклом полумраке хижины, крытой пальмовыми листьями, Анил сумела различить единственный блестящий предмет — наручные часы Сарата. На полу лежали две свернутые циновки и стоял маленький стол, на котором по-прежнему, несмотря на слепоту, писал Палипана. Эта большая, волнующаяся, словно море, рукопись была наполовину повествованием, наполовину торжественной церемонией — границы между ними стерлись. Там он сидел почти каждое утро, пока мысли его витали где-то далеко, а потом находили себе приют в темной комнате.

Девушка расстелила на полу кусок ткани, они уселись вокруг и склонились над едой, беря ее руками. Сарату вспомнилось, как Палипана разъезжал по острову со своими учениками, как он ел, молча слушая их, и вдруг излагал свое мнение в двадцатиминутном монологе. Поэтому и Сарат поначалу ел молча, никогда не излагая свою теорию. Он учился правилам и приемам спора так же, как мальчишки, глядя на игру со стороны, учатся навыкам и координации, не делая при этом никаких движений. Если ученики вели себя самоуверенно, Палипана обрушивался на них. Они доверяли ему, потому что он был суров, потому что он был честен.

Ты, говорил Палипана, указывая на кого-то. Он никогда никого не называл по имени. Словно для дискуссии или исследования это было несущественно. Только: *Когда был обтесан этот камень? Какая буква пропуще на? Какой художник нарисовал эту руку?*

Они колесили по проселочным дорогам, останавливались в третьесортных гостиницах, перетаскивали каменные плиты с письменами из зарослей на солнечный свет, а ночью, воссоздавая в памяти обломки колонн и арок, увиденные днем, чертили планы внутренних

дворов и дворцов.

— Я отрезал голову не просто так.

Палипана протянул руку к тарелке:

— Отведайте баклажанов, это моя гордость…

Сарат знал, что в подобные моменты, когда Палипане не терпится услышать продолжение, он перебивает собеседника. Как бы слегка поддразнивая его. Реальность жизни против идеи.

— *Я* сфотографировал скелет с головой и без. А пока мы займемся исследованием скелета — микроэлементов, пыльцы. Баклажаны удались… Сэр, мы с вами работаем над древними камнями, ископаемыми, восстановленными водными садами, задаемся вопросом о том, почему какое-то войско направилось в пустыню. Мы можем назвать архитектора по манере строить зимние и летние дворцы. Но Анил живет в современности. И использует современные методы исследования. Она может по тонкому поперечному срезу кости определить точный возраст умершего человека.

— Как это?

Сарат промолчал, предоставив слово Анил. Жестикулируя свободной от еды рукой, она стала объяснять: — Вы смотрите поперечный срез кости под микроскопом. Он должен быть не толще одной десятой миллиметра, чтобы были видны

кровеносные сосуды. С возрастом эти сосуды, точнее, каналы, по которым они проходят, разрушаются, ломаются, их становится больше. При наличии нужной аппаратуры мы можем угадать возраст.

— Угадать, — пробормотал Палипана.

— Погрешность составляет пять процентов. Я бы сказала, что возраст человека, чей череп вы держите в руках, двадцать восемь лет.

— Какая точность…

— Большая, чем вы получите, ощупывая череп, надбровные дуги и измеряя челюсть.

— Чудесно. — Он повернулся к ней. — Вы просто чудо.

Она покраснела от смущения.

— Наверно, по кусочку кости вы можете определить, сколько лет такому старикану, как я?

— Вам семьдесят шесть.

— Как вы узнали? — Палипана был обезоружен. — По коже? По ногтям?

— Перед отъездом из Коломбо я заглянула в Сингальскую энциклопедию.

— А-а… Да-да. Вам повезло, что вам попалось старое издание. Из нового меня выкинули.

— Тогда нам придется поставить вам памятник, — заметил Сарат, слегка перестаравшись.

Настало неловкое молчание.

— Я провел всю жизнь среди изваяний. Я в них не верю.

— В храмах есть и земные герои.

— Так, значит, ты отрезал голову…

— Мы пока не знаем, когда его убили. Десять лет назад? Пять лет? Или меньше? У нас нет необходимого оборудования. А учитывая обстоятельства, при которых он был похоронен, мы не можем обратиться за помощью.

Палипана молчал. Он сидел с опущенной головой, скрестив руки на груди.

— Вы определяли эпоху, — продолжал Сарат, — просто взглянув на письмена. Просили художников воссоздать всю картину на основе сохранившихся фрагментов. Так вот. У нас есть череп. Нам нужен кто-то, кто сумел бы воссоздать внешность этого человека. Если кто-то его опознает, мы узнаем, *когда* ему было двадцать восемь.

Все замерли. Даже Сарат опустил глаза.

— Но у нас нет ни специалиста, ни необходимых знаний, — продолжал он. — Вот почему я привез череп сюда. Чтобы вы сказали нам, куда идти и что делать. Но все это надо делать без шума.

— Да. Конечно.

Палипана встал, они тоже поднялись и вышли из хижины в ночь. Они восприняли его внезапный жест как приказ. Все четверо подошли к *покуне*, старинному бассейну, и встали у темной воды. Анил думала о слепоте Палипаны в этом темно-зеленом и темно-сером пейзаже. Каменные ступени и обрамлявшие *покуну* плиты примостились к земляному склону так же, как фрагменты кирпича и дерева примостились к скале. Остатки древнего поселения. Анил показалось, что ее сердце забилось медленнее, что она движется по траве, как самое неторопливое в мире животное. Она подмечала мельчайшие детали окружения. Мозг Палипаны в своей могучей слепоте, вероятно, полон всем этим. Мне не захочется отсюда уезжать, подумала она, вспомнив, что Сарат говорил то же самое.

— Вы знакомы с традицией Нетра Мангала? — пробормотал Палипана, как бы размышляя вслух. Он поднял правую руку и указал на свое лицо. Казалось, он больше обращается к ней, чем к Сарату или девушке. — «Нетра» означает глаз. Это ритуал глаз. Чтобы нарисовать глаза божеству, нужен особый художник. Глаза всегда рисуют в последнюю очередь. Они придают изображению жизнь. Подобно запалу. Глаза — это запал. Только

после этого статуя или изображение в монастыре становится священным. Об этом упоминает Нокс, а позже Кумарасвами. Вы его читали?

— Да, но я этого не помню.

— Кумарасвами обращает внимание на то, что, пока глаза не нарисованы, перед нами просто кусок камня или металла. Но после этого акта «он становится Божеством». Разумеется, существуют различные способы рисовать глаза. Иногда это делает король, но лучше, если этим занимается искусный мастер. В наше время королей не осталось. И без королей Нетра Мангала лучше.

Анил, Сарат, Палипана и девушка сидели внутри прямоугольной *амбаламы,* когда-то служившей местом отдыха, в центре которой горела керосиновая лампа. Пока они шли сюда, старик, указав на постройку без стен и с высоким потолком, сказал, что здесь они могут поговорить и даже переночевать. В былые годы паломники и странники отдыхали днем в ее тени и прохладе. Ночью она представляла собой просто деревянный остов, открытый мраку. Деревянные балки упорядочивали пространство. Дом, выстроенный на скале из дерева и каменных глыб.

Смеркалось, ветерок со стороны *покуны* доносил ее запахи и шелест, производимый неви-

димыми существами. Каждую ночь Палипана с девушкой уходили с лесной поляны спать в *амбаламу*. Он мог облегчаться с края площадки, не будя при этом девушку, чтобы она отвела его куда-нибудь. Он лежал там, прислушиваясь к шуму океана деревьев. Где-то там были войны, террор, люди, обожавшие лязг оружия, и главной целью войны была война.

Девушка сидела слева от него, Сарат справа, женщина напротив. Он знал, что женщина теперь стоит, глядя то ли на него, то ли на воду. Он тоже слышал всплеск. Всплеск какого-то водяного существа тихой ночью. Из чащи прилетел канюк. Между ним и женщиной, стоявшей на камне, возле красновато-желтой лампы, лежал привезенный череп.

— Был один человек, который рисовал глаза. Лучший из тех, кого я знал. Но он больше этим не занимается.

— Рисовал глаза?

В ее голосе прозвучало неподдельное любопытство.

— В ночь перед тем, как мастер приступит к работе, проводится особая церемония. Понимаете, его приглашают только для того, чтобы нарисовать глаза Будде. Глаза нужно рисовать утром, в

пять часов. В этот час Будда достиг просветления. Поэтому церемония проводится накануне ночью в украшенных храмах и сопровождается чтением священных текстов… Отсутствие глаз — это не только слепота, без глаз нет ничего. Нет существования. Мастер способен пробудить к жизни зрение, истину и присутствие. Затем он удостоится почестей и наград. Получит в дар землю или скот. Он входит в двери храма. Он одет, как князь, усыпан драгоценностями, на поясе меч, на голове кружева. Его сопровождает человек, несущий кисти, черную краску и металлическое зеркало… Он поднимается по приставной лестнице к лицу статуи. Второй человек поднимается тоже. Поймите, этот обряд проводился веками, упоминания о нем сохранились с девятого века. Художник окунает кисть в краску и поворачивается спиной к статуе; кажется, что гигантские руки вот-вот обнимут его. Другой человек, стоящий к нему лицом, поднимает зеркало, мастер кладет конец кисти ему на плечо и рисует глаза, не глядя в лицо божеству. Его движения направляет только отражение в зеркале — только зеркало непосредственно воспринимает образ взгляда, который создает художник. В процессе творения человеческий взгляд не должен встретиться со взглядом

Будды. Вокруг непрерывно читают мантры. *Да станешь ты обладателем плодов деяний... Да будет прирост на земле и да продлятся дни... Приветствуем вас, глаза!..* Он может работать целый час или меньше минуты — это зависит от внутреннего состояния художника. Он никогда не смотрит в глаза божеству. Он видит лишь отражение взгляда в зеркале.

Стоя на деревянном выступе, где она позже будет спать, Анил думала о Каллисе. Где он сейчас? Наверняка в тисках своего беспокойного брака. Она старалась не думать о нем. Он отводил ей не так уж много места в своем мире, и ее мнение о нем всегда было неполным.

— Почему бы нам не разойтись, Каллис? Давай прекратим все это. К чему тянуть? Мы вместе уже два года, а я по-прежнему чувствую себя твоей случайной знакомой.

Она лежала рядом с ним в постели. Не прикасаясь к нему. Ей просто хотелось смотреть ему в глаза, говорить. Он приподнялся и схватил ее левой рукой за волосы.

— Что бы ни случилось, не уходи от меня, — сказал он.

— Почему? — Она попыталась освободиться, но он не ослаблял хватки.

— Отпусти!

Он продолжал ее держать.

Она знала, где он лежит. Она протянула руку назад, и ее пальцы нащупали маленький нож, которым Каллис недавно ровными дугами резал авокадо. Взмахнув ножом, она вонзила его в державшую ее руку. У него вырвался вздох. *Аххх!* С упором на «х». Она почти видела буквы, выходившие из него в темноте, и рукоять оружия в мышцах его руки.

Она посмотрела ему в лицо, в его серые глаза (при свете дня они всегда казались голубее), и увидела, что мягкость, появившаяся в его взгляде после сорока, исчезла, куда-то улетучилась. Напряженное лицо, откровенные чувства. Он оценивал все, и это телесное предательство. Ее правая рука еще держала нож, ослабив хватку, слегка касаясь его.

Они смотрели друг на друга, ни один не уступал. Ей хотелось дать волю гневу. Когда она вновь попыталась освободиться, он разжал пальцы и выпустил ее мокрые темные волосы. Скатившись с кровати, она схватила телефон. Унесла с собой в ванную, где было светло, и вызвала такси. Потом обернулась к Каллису:

— Запомни, что я сделала тебе в Боррего-

Спрингс. Потом напишешь об этом рассказ.

В ванной Анил оделась, накрасилась и вернулась в спальню. Она включила все лампы, чтобы, собирая вещи, не забыть ничего, ни один предмет одежды. Потом выключила свет, уселась и стала ждать. Он лежал на двуспальной кровати и не двигался. Она услышала, как подъехало и посигналило такси.

В такси она почувствовала, что волосы у нее еще не высохли. Машина проехала под вывеской мотеля «Пальма». Их роман был долгим и, как правило, тайным, а прощание быстрым и фатальным, хотя в такси, по дороге к автобусной станции, она, приложив к груди руку, ощутила, что сердце гулко бьется, как будто решило высказать всю правду.

Анил стояла, подняв одну руку, держась за балку над головой. Она ощущала себя хлыстом, который может развернуться во всю длину и обхватить намеченный предмет своим дальним концом. Палипана сидел напротив женщины, приехавшей с Саратом. *Приветствуем вас, глаза!* — повторил он. Сарат, слушая Палипану, видел в свете керосиновой лампы ее бледную руку.

— Когда художник завершает работу, ему завязывают глаза и выводят из храма. Королю

надлежит наградить всех участников действа подарками и землями. Все это заносится в книги. Он определяет границы новых поселений — в горах и на равнине, в джунглях и близ водоемов. Он приказывает выдать мастеру тридцать *амуну* рисовых семян, тридцать кусков железа, десять буйволов из стада и десять буйволиц с телятами.

Всегда создавалось впечатление, что Палипана цитирует отрывки из исторических текстов.

— Буйволиц с телятами, — тихо повторила про себя Анил. — Рисовых семян… Вы заслужили свою награду.

Но Палипана услышал ее.

— В те дни от королей бывали и беды, — сказал он. — Даже тогда ни во что нельзя было твердо верить. Тогда они еще не знали, что такое истина. Истина непостижима. Даже с твоей работой над костями.

— Мы ищем ее с помощью костей. «Истина сделает вас свободными».[12] Я верю в это.

— Обычно в нашем мире истина — всего лишь одно из мнений.

Вдали прозвучали раскаты грома, как будто кто-то вырывал с корнем и валил деревья. Бревен-

---

[12] Примечания: 12

«И познаете истину, и истина сделает вас свободными» (Евангелие от Иоанна 8: 32).

чатая *амбалама* казалась плотом или кроватью с балдахином, плывущей по черной поляне. Быть может, они уже оторвались от скалы и, снявшись с якоря, сплавлялись по реке. Анил лежала на краю *амбалами*, на одном из спальных помостов. Проснувшись, она услышала, как Палипана непрерывно ворочается, как будто ему было трудно найти подходящее место и позу для сна.

Анил вернулась к своим сокровенным мыслям, к Каллису. Она чувствовала, что, где бы он ни находился, за океаном или грозой, между ними остается связь, некий хрупкий телефонный провод, за который можно потянуть, несмотря на ветви деревьев или скалы на дне океана. Вспоминает ли он о ее бегстве из того номера в Боррего? Они оба рассчитывали на потрясающую ночь. Покидая Каллиса, она хотела позвонить ему позже, убедиться, что он не спит, но, так как гнев в ней по — прежнему кипел, отказалась от этой мысли.

Сарат чиркнул спичкой по камню рядом с *амбаламой*. Значит, там не было реки. Вспыхнул огонек, и до нее донеся запах *биди.* Стрекот насекомого, одного из обитателей Рощи аскетов, напоминал звук часов, когда их заводят.

— Страсть всегда вела к кровопролитию, — до-

несся до нее голос Палипаны. — Даже если ты монах, как мой брат, — продолжал он, — когда-нибудь тебя настигнет страсть или резня. Потому что ты не мог бы жить, как монах, если бы общества не было. Ты отвергаешь общество, но, чтобы это сделать, ты сначала должен быть его частью и, исходя из этого, принять свое решение. В этом парадокс уединения. Мой брат предпочел жизнь в храме. Он удалился от мира, и мир пришел за ним. Ему было семьдесят, когда его кто-то убил, возможно, кто-то из того времени, когда он обретал свободу, — ибо это сложный период жизни, когда ты оставляешь мир. Из моих братьев и сестер остался я один. Моя сестра тоже погибла. Эта девушка ее дочь.

Несколько лет назад у Лакмы на глазах убили ее родителей. Через неделю двенадцатилетнюю девочку поместили в государственный детский дом на севере Коломбо, где за детьми, чьи родители были убиты во время гражданской войны, присматривали монахини. Однако шок пережитого глубоко затронул ее психику, сведя вербальные и двигательные способности к уровню маленького ребенка. При этом у нее осталось взрослое упрямство. Она не хотела никаких новых впечатлений.

Она лежала там больше месяца, не произнося ни слова, ни на что не реагируя, ее насильно выводили во двор, чтобы она погуляла там при солнечном свете. Для Лакмы, которая была не в силах справиться с потенциальной опасностью, эти прогулки были продолжением ночных кошмаров. Девочка ощущала фальшь этой религиозной защищенности, с ее чистыми спальнями и аккуратно заправленными кроватями. Когда Палипана, единственный из ее родственников оставшийся в живых, пришел ее навестить, он понял, что она невосприимчива к той помощи, которую ей могут здесь оказать. В любом неожиданном звуке ей чудилась опасность. Она ковыряла пальцем в любой еде, выискивая насекомых или осколки стекла, не спала в своей кровати, а пряталась под ней. В то время Палипана переживал профессиональный кризис, к тому же у него была глаукома в последней стадии. Он одел потеплее свою племянницу и отвез на поезде в Анурадхапуру; во время поездки девочка пребывала в ужасе. Затем они отправились на повозке в лесной монастырь, в хижину с крышей из пальмовых листьев, в *амбаламу*, в Рощу аскетов. Так они, никем не замеченные, ускользнули от мира — старик и двенадцатилетняя девочка,

которая боялась всего, что было связано с людьми, и даже этого человека, привезшего ее сюда, в засушливую зону.

Более всего он хотел освободить ее от навязанной ей изоляции. Все, чему она научилась от родителей, хранилось у нее где-то глубоко внутри. Палипана, выдающийся эпиграфист, начал обучать ее на двух уровнях — прививал ей мнемонические навыки запоминания алфавита и построения простейших фраз и одновременно беседовал с ней на самом высоком уровне собственных знаний и верований. Все это время у него ухудшалось зрение, он стал медленнее двигаться и слишком активно жестикулировать. (Позже, когда он начал больше доверять темноте и девочке, его движения сделались крайне сдержанными.)

Наверное, он всегда ей доверял, несмотря на ее ярость и отрицание мира. Он рассказывал ей о войнах, о средневековых *слоках* и текстах на пали, о языке и о том, что история тоже постепенно угасает, подобно пылу битвы, и живет лишь в воспоминаниях — ибо даже *слоки* на папирусе и пальмовых листьях могут размокнуть под дождем, быть съеденными молью и мокрицами, и только камень способен навсегда запечатлеть

утрату одного человека и красоту другого.

Она путешествовала вместе с ним: во время двухдневного пешего похода в монастырь в Михинтале они поднялись вдвоем по тысяче восьмистам сорока ступеням; она жалась от страха к слепому Палипане, когда однажды он настоял на том, чтобы отправиться на автобусе в Палоннаруву, к Каменной книге, где он в последний раз приложил бы ладони к уткам — созданным для вечности. Они передвигались на повозках, запряженных буйволами, и Палипана, втянув ноздрями воздух или прислушавшись к шелесту эвкалиптов, понимал, где находится, понимал, что где-то рядом полуразрушенный храм, и спрыгивал с повозки, а она следовала за ним.

— Мы все, и я в том числе, сформированы историей, — говорил он. — Но три моих любимых места ускользнули от нее. Аранкале. Калудия-Покуна. Ритигала.

И они ехали на юг, в Ритигалу, на неспешных, влекомых волами повозках, в которых она чувствовала себя в большей безопасности, и часами шли через жаркий лес на святую гору под пение цикад. Они взбирались к вершине холма по тропинке в форме гигантской буквы «S». Сломав веточку в лесу, они поднесли ее в качестве дара и

больше не взяли оттуда ничего.

Палипана подходил к каждой древней колонне и стоял, обняв ее, как старого друга. Почти всю жизнь он обнаруживал историю в камнях и надписях. На склоне лет он обнаружил скрытые, намеренно утраченные истории, нарушившие перспективу и поставившие под сомнение прежние знания. Так люди скрывали или искажали истину, когда им приходилось лгать.

Он расшифровывал еле заметные штрихи на камне при вспышке молнии, записывал их под дождем, под раскаты грома. Переносная серная лампа или костер из хвороста у выступа в пещере. Диалог между прежними и тайными штрихами, метания между официальной и неофициальной точкой зрения во время одиноких прогулок по полям, когда неделями он обходился без собеседников — эпиграфист, изучавший особый способ наносить письмена на камень, принятый в четвертом веке, а затем столкнувшийся с нелегальной историей, запрещенной королями, государством и священниками, в текстах, размещенных между строк. В этих стихах содержалось тайное подтверждение истины.

Лакма смотрела на него и слушала, не произнося ни слова, безмолвный свидетель его рассказан-

ных шепотом историй. Он смешивал фрагменты своих повествований, чтобы составить единую картину. Могла ли девушка отличить его версии от правды, не имело значения. Наконец-то она оказалась в безопасности, с человеком, который приходился ее матери старшим братом. Днем они спали на циновках в хижине, крытой пальмовыми листьями, ночью — внутри остова *амбалами.* По мере того как он терял зрение, он отдавал ей все большую часть своей жизни. В последние дни перед тем, как ослепнуть, он просто смотрел на нее не отрываясь.

С его слепотой она получила власть, которой он не мог ей дать раньше. Она перестроила маршруты дня. Все ее действия теперь стали частью невидимого мира. Ее теперешняя полуобнаженность отчасти отражала состояние ее ума. Она носила саронг по-мужски. Палипана не видел ни этого, ни ее левой руки на лобке, тянувшей за недавно выросшие волоски или игравшей с ними в то время, как он с ней говорил. В своих поступках она руководствовалась лишь его безопасностью и удобством. Она бросалась к нему, когда на его пути попадался корень. Каждое утро смачивала ему лицо водой, которую кипятила на костре, и брила его. Они рано ложились и рано

вставали, равняясь на солнце и луну. Их жизнь вошла в эту колею еще за два года до появления Сарата и Анил. С их приездом девушка отошла в сторону, хотя они вторглись скорее в ее дом, чем в дом Палипаны. Это *ее* распорядок дня они нарушили. Анил заметила, что вежливость и доброту старик проявлял только в жестах и словах, обращенных к Лакме; их можно было расслышать не более чем в шаге от него, так что по большей части Анил с Саратом не были допущены к участию в их разговорах. На исходе дня девушка садилась между его ногами, а его тонкие пальцы перебирали ее длинные волосы, расчесывая их и выискивая вшей, пока девушка растирала ему ступни. Когда он шел, она предупреждала его о каждом препятствии на пути, тихонько дергая за рукав.

*

Когда Палипана умер, девушка исчезла в ночном, застывшем, как древесная кора, лесу. Она прикрыла его наготу листьями коромандельского черного дерева, которым убирают мертвые тела, зашила его последние блокноты ему в одежду. Она уже приготовила погребальный костер на краю *покуны,* плеск которой он любил, и теперь языки пламени дрожали в водах водоема. Она

уже высекла на камне одну из его фраз, одну из первых которые он произнес в ее присутствии; в годы своей тревоги она носила ее с собой как спасательный плот. Она вырезала буквы прямо над водой, так чтобы слова на скале, следуя приливам и притяжению Луны, уходили под воду или стояли над своим отражением, проявляясь в обеих стихиях. Теперь она, стоя по пояс в воде, вырезала сингальские буквы на темном камне тем способом, о котором он ей рассказывал. Как-то раз он показал ей такие письмена, найдя, несмотря на слепоту, буквы и окаймлявший их узор в виде уток — для вечности. Поэтому по краям его фразы она вырезала контуры уток. В водоеме Калудия-Покуна до сих пор появляется и исчезает надпись длиной около метра. Она успела превратиться в старую легенду. Но девушка, которая стояла по пояс в воде и высекала ее на камне в последнюю неделю угасавшей жизни Палипаны, а потом перенесла его в *покуну* и приложила к ней его руку в мутной воде, не была старой. Он кивнул, припоминая слова. А потом он остался у воды, и каждое утро девушка раздевалась, спускалась в *покуну* возле ушедшей под воду скалы и с грохотом долбила камень, так что в последние дни его жизни его сопровождал оглушительный шум ее

работы, словно она наконец-то решила громко высказаться. Всего одна фраза. Ни имени, ни дат жизни, только несколько ласковых слов, за которые она однажды ухватилась, — их отражение теперь несет вода у берега пруда.

Он протянул Лакме старые, видавшие виды очки, и под конец, когда она зашила его блокноты в его одежду и ушла в лес, она взяла с собой лишь этот талисман.

*

Той ночью, когда в амбаламе появились два чужака, девушка ощутила беспокойство Анил с той же ясностью, с которой видела, как вспыхивает в темноте сигарета Сарата. Палипана сел, и Лакма поняла, что он будет говорить, словно прежде не было получасовой паузы.

— Человек, о котором я говорил, художник, в его жизни произошла трагедия. Теперь он работает на шахте, где добывают драгоценные камни. Спускается туда четыре или пять дней в неделю. Говорят, он пристрастился к араку. Находиться под землей рядом с ним небезопасно. Возможно, он все еще там. Он был художником, который рисовал глаза, подобно своему отцу и деду. Он унаследовал их талант, хотя, на мой взгляд, он был лучшим из трех. Я думаю, вам нужно его

найти. Ему надо будет заплатить.

— Заплатить за что? — спросила Анил.

— За реконструкцию головы, — пробормотал Сарат в темноте.

На следующий день они отправились в Коломбо, хотя обоим не хотелось покидать очаровавшего их старика и его лесное убежище. Дождавшись вечерней прохлады, они тронулись в путь, а Палипана с девушкой пошли спать в *амбаламу*. Часом позже, к югу от Матале, Сарат увидел огни приближавшегося грузовика. Он резко нажал на тормоз, машина дернулась, и ее вынесло на щебень. Потом Сарат увидел, что грузовик не движется. Тот стоял на дороге с включенными фарами.

Сарат отпустил тормоз, и они медленно двинулись вперед. Прежде спавшая Анил высунула из окна голову. На дороге перед грузовиком лежал человек. На спине, широко раскинув руки. Грузовик возвышался над ним, фары освещали пространство впереди, а человек лежал в темноте под ними. Без рубашки, руки распростерты, голые ступни дерзко торчали вверх. Их страх сменился осознанием комичности происходящего. Пока их машина медленно объезжала грузовик, вокруг стояла тишина. Не было слышно даже собачьего

лая. Или стрекота цикад. Мотор грузовика не работал.

— Это водитель? — спросила она шепотом, не желая нарушить тишину.

— Иногда они так спят, когда хотят немного отдохнуть. Просто останавливаются на встречной полосе, оставив фары включенными, и растягиваются на дороге на полчаса или около того. А может, он просто пьян.

Они поехали дальше. Анил, окончательно проснувшись, оперлась спиной о дверцу, чтобы сидеть лицом к Сарату, которого было почти не слышно из-за врывавшегося в окна ветра. Будучи археологом, он постоянно ездил по ночным дорогам, особенно после смерти жены, сказал он. Обычно он совершал две поездки в неделю: на север, в Путталам, или на южное побережье. Сопровождал группы студентов, бродивших по насыпям креветочных ферм в поисках древних деревень, или же отправлялся наблюдать за реставрацией каменного моста в Анурадхапуре.

Они уже проехали Амбепуссу и час спустя должны были добраться до пригородов Коломбо.

— Когда я был маленьким, мой отец всегда заключал с нами пари: сколько спящих пьяных мы увидим у грузовиков, сколько собак увидим

на дороге. Мы получали бонус, если видели собаку рядом со спящим человеком. А иногда даже трех-четырех собак в тени стоявшего ночного грузовика. Отец делал это, чтобы не уснуть за рулем. Он обожал заключать пари… Всю жизнь он играл в азартные игры, — продолжил Сарат после длинной паузы. — Мы не знали об этом, когда были детьми. У него была налаженная деловая жизнь, он был уважаемым юристом. У нас была прочная семья, но он был заядлым игроком, и наше состояние то таяло, то восстанавливалось… А в детстве хочется только одного — уверенности.

— Да.

— Когда вы встретились со своей женой, вы были уверены… уверены, что вы оба…

— Я знал, что люблю ее. Но никогда не был уверен в нас обоих как в паре.

— Сарат, остановите, пожалуйста, машину.

Он убрал ногу с газа, раздался глухой стук, машина потеряла скорость, но продолжала двигаться вперед. Анил молча глядела в темноту перед собой. Он свернул на обочину. В темной машине слышалось урчание мотора.

— Вы обратили внимание на то, что там, около грузовика, не было собак?

— Да. Я сразу же об этом подумал. Это странно.

— Может, в этой деревне нет собак. Надо туда вернуться.

Оторвав взгляд от дороги, она посмотрела на него. Резко развернув машину, Сарат вновь направился на север.

Через двадцать минут они подъехали к грузовику. Человек, лежавший на дороге, был жив, но не мог пошевелиться. Он был почти без сознания. Кто-то вколотил в его левую ладонь огромный гвоздь, а в правую другой, распяв его на гудроне. Он был водителем грузовика. Когда Анил с Саратом приблизились к нему, его лицо исказилось от ужаса. Как будто они вернулись, чтобы его прикончить или продолжать пытать.

Она обхватила лицо мужчины руками, пока Сарат выдергивал гвозди из асфальта, освобождая его руки.

— Пока оставьте гвозди в ладонях, — сказала она. — Не надо их вынимать.

Сарат объяснил мужчине, что она врач. Вынув из багажника одеяло, они завернули в него раненого и усадили на заднее сиденье. Из спиртного у них осталась только крепкая настойка на дне бутылки, которую он быстро проглотил.

Они снова двигались на юг. Каждый раз, оборачиваясь, чтобы посмотреть, как чувствует себя

мужчина, Анил видела устремленные на них, широко открытые глаза. Она сказала Сарату, что им нужен физиологический раствор. Заметив впереди слабый свет, она положила ладонь на руку Сарата, чтобы тот остановился. Машина тихо съехала на обочину, и он заглушил мотор.

— Что это за деревня?

— Галапитигама. Деревня красивых женщин, — проговорил он как рефрен.

Она посмотрела на него.

— Допустим. Это сказал Макалпин.

Она вышла и направилась к дому, позади которого был виден свет. От нее шел запах табака. Сарат шел рядом.

— Нам нужна соль. И горячая вода. Если нет горячей, сойдет холодная. И еще небольшая миска, чтобы забрать с собой.

Когда дверь отворилась, они увидели комнату, в которой кипела работа. По ее периметру располагалось семь человек, скатывая сигареты, взвешивая пачки на весах, связывая их тонкой веревкой. Нелегальная ночная работа. В комнате без окон было жарко, и мужчины остались только в хлопковых саронгах. На полу лежали блоки сигарет и горели три керосиновые лампы. В их неровном свете все вокруг казалось оранжевым

или коричневым. Мужчины были в одинаковых саронгах в голубую с зеленым клетку.

Мужчина с голой грудью, открывший дверь, покосился на машину у них за спиной, опасаясь, что перед ним представители власти. Сарат объяснил, что им нужна горячая вода и соль, а потом как бы между прочим спросил, не продадут ли они ему немного сигарет. В ответ мужчина рассмеялся.

Какой-то другой мужчина вышел через дальнюю дверь, пока Анил с Саратом стояли на пороге, потом вернулся с солью в одной руке и маленькой миской в другой. Взяв его за запястье, Анил наклонила его руку так, что соль заклубилась в воде.

На этот раз она уселась сзади, рядом с водителем грузовика. Сарат что-то сказал ему через плечо, и водитель неуверенно протянул ей левую руку. В слабом свете с потолка кабины Анил обмакнула платок в раствор соли и выжала на ладонь, из которой по-прежнему торчал большой гвоздь. Обработав вторую руку, она вернулась к первой.

Сарат завел мотор.

По обеим сторонам пустой дороги тянулись леса. Глухой шум двигателя, нить в этом безмолвном мире, навевал покой — только она, Сарат и

раненый. Время от времени попадались деревни, время от времени безлюдные контрольно-пропускные пункты, где приходилось сбрасывать скорость, протискиваясь сквозь игольное ушко. Когда они проезжали мимо уличного фонаря, Анил заметила, что вода, которую она выжимала на ладони водителя, стала красной от крови. Но она не останавливалась, потому что ее движения успокаивали раненого, не давали ему уснуть и погрузиться в шок. Совместные действия — она выжимала платок, он протягивал руки — постепенно загипнотизировали обоих.

— Как вас зовут?

— Гунесена.

— Вы живете где-то здесь?

Мужчина слегка покрутил головой — тактичное «да» и «нет», — и Анил улыбнулась. Час спустя они были на окраине Коломбо и сразу же направились в отделение скорой помощи.

БРАТ

В операционных базовой больницы Северо-Центральной провинции всегда лежали четыре книги: «Анализ 2187 проникающих ранений черепа во Вьетнаме» Хаммона, «Огнестрельные ранения» Свана и Свана, «Восстановление артерий во время войны в Корее» Хьюза и «Анналы хирургии». Поначалу во время операции доктора просили санитаров переворачивать страницы, чтобы, не отходя от стола, заглядывать в текст. Проработав две недели по пятнадцать часов в день, они больше не нуждались в помощи книг и легко справлялись с ранами и швами. Но медицинские книги остались, для новых врачей.

В ординаторской базового госпиталя Северо-Центральной провинции кто-то оставил экземпляр «Избирательного сродства» Гете в мягкой обложке из плохой бумаги. Книга пролежала здесь всю войну, никем не читанная — время от времени кто-то брал ее в руки, чтобы скоротать время, проглядывал описание на задней обложке и уважительно возвращал на стол, где лежали другие книги. Последние — более популярный

набор, куда входили Эрл Стэнли Гарднер, Розмари Роджерс, Джеймс Хилтон и Уолтер Тивис, — проглатывались за два-три часа, как сандвичи на бегу. Лишь бы не думать о войне.

Корпуса больницы были выстроены на рубеже веков. До войны с ее жестокостями она управлялась в более сентиментальном стиле. Во внутреннем дворе, поросшем травой, сквозь волны насилия еще проглядывала более невинная эпоха. Полуживые солдаты, желавшие погреться на солнышке и подышать свежим воздухом, отдыхали здесь, глотая таблетки морфина рядом с объявлением: «Жевать бетель запрещается».

Жертвы «преднамеренного насилия» начали появляться в марте 1984 года. Почти все они были мужчинами лет двадцати, пострадавшими от мин, гранат и минометных снарядов. Врачи откладывали в сторону «Королевский гамбит» или «Невесту плантатора» и бросались останавливать кровотечение. Они удаляли металл и камни из грудной клетки, сшивали разорванные легкие. В одной из книг по госпитальной хирургии молодой доктор Гамини прочел чрезвычайно понравившееся ему суждение: «При диагностике повреждения сосудов необходим высокий коэффициент подозрения».

В первые два года войны в больницу было доставлено более трехсот пострадавших от взрыва. Потом появилось более совершенное оружие, и число жертв войны в Северо-Центральной провинции увеличилось. Повстанцы получили современную технику, которую тайно доставляли в страну торговцы оружием, к тому же партизаны научились делать бомбы.

Сначала врачи спасали жизнь, а уж потом конечности. Больше всего было осколочных ранений. Противопехотная мина размером с чернильницу могла целиком оторвать человеку ногу. Где бы ни появлялся базовый госпиталь, рядом вырастали новые деревни. Нужны были реабилитационные программы, а также то, что впоследствии стали называть «джайпурской ногой». В Европе новый протез стоил две с половиной тысячи фунтов. А здесь джайпурскую ногу делали за тридцать — так как азиатские инвалиды могли ходить без башмаков.

Обычно в первую неделю наступления в госпитале кончались обезболивающие. Среди непрерывных криков люди теряли голову. Необходимо было опираться хоть на какой-то порядок: запах антисептика «Савлон», которым мыли полы и стены, «кабинет детских инъекций» с картин-

ками на стенах. Несмотря на войну, больница продолжала работать в прежнем режиме. Среди ночи, кончив оперировать, Гамини шел через двор в восточные корпуса, где лежали больные дети. Их матери всегда были здесь. Они сидели на табуретках, положив голову и верхнюю часть тела на детскую кровать, и спали, держа детей за руку. Отцов было не слишком много. Гамини смотрел на детей, не подозревавших о родительских объятиях. В пятидесяти шагах отсюда, в отделении скорой помощи, взрослые мужчины, умирая, звали матерей. *«Подожди меня!» «Я знаю, что ты здесь!»* Именно тогда он потерял веру в мужское господство на земле. И отвернулся от людей, защищавших войну, или законы своей земли, или гордость собственника, или даже личные права. Все эти мотивы кончались где-то в объятиях безответственной власти. Любой человек был не лучше и не хуже своего врага. Гамини верил только в матерей, склонившихся во сне над детьми, в великую женственность их души, женственность заботы — этой ночью дети могут не бояться, им ничего не угрожает.

По периметру комнаты стояло десять кроваток, а в центре был сестринский пост. Гамини нравился порядок, царивший в этих закрытых палатах.

Когда у него выдавалось несколько свободных часов, он отправлялся не в спальню для врачей, а сюда, чтобы улечься на одну из пустых кроватей и, даже если ему не удастся уснуть, найти здесь то, чего теперь не найти нигде. Ему хотелось, чтобы материнская рука удерживала его в постели, лежала поперек груди, подносила холодный компресс к лицу. Он поворачивался, чтобы взглянуть на ребенка, больного желтухой, залитого бледно-синим светом, словно в диораме. Синим светом с особой частотой, который был скорее теплым, чем ярким. «*Подари мне синий цветок. Протяни мне светильник».* Гамини хотелось окунуться в этот свет. Сестра смотрела на часы и поднималась из-за стола, чтобы его разбудить. Но он не спал. Он выпивал вместе с ней чашку чая и покидал детскую палату, в которой были свои беды. Он направлялся к дверям и на ходу касался маленького Будды в стенной нише.

Гамини пересекал двор, поросший травой, и возвращался на территорию войны, где пациенты, которых прооперировали, почти ничем не отличались от тех, кто ждал операции. Единственной константой здесь было то, что завтра сюда поступят новые жертвы войны: с тяжелыми ранениями, оторванными руками и ногами.

Ортопедическая травма, ранение легких, повреждение спинного мозга…

Несколько лет назад у всех на слуху была история нейрохирурга из Коломбо, Линуса Кореи, работавшего в частном секторе. Он происходил из семьи потомственных врачей, его имя пользовалось в стране таким же авторитетом, как названия устойчивых банков. Когда разразилась война, Линусу Корее было под пятьдесят. Подобно большинству врачей, он считал ее безумием, но, в отличие от большинства, продолжал заниматься частной практикой. Среди его пациентов были премьер-министр и лидер оппозиции. В восемь утра он делал массаж головы у Габриэля, с девяти до двух осматривал больных, а потом в сопровождении телохранителя играл в гольф. Он ужинал в ресторане, возвращался домой до комендантского часа и спал в комнате с кондиционером. Он женился десять лет назад и имел двоих сыновей. К нему хорошо относились, и он был со всеми вежлив, потому что так легче избежать неприятностей, быть невидимым для тех, кто ничего для него не значил. Благодаря своей обходительности он как бы окружил себя прозрачной оболочкой, скрывая за вежливостью отсутствие интереса к людям или просто

нехватку времени. Он любил фотографировать и вечерами сам печатал снимки.

В 1987 году, когда Линус Кореа бил клюшкой для гольфа по мячу, его телохранитель был убит, а сам он похищен. Из зарослей, ни от кого не прячась, вышли какие-то мужчины. И это испугало его больше всего. Кроме телохранителя, поблизости никого не было. Пока он стоял над распростертым телом, его окружили люди, всадившие тому с сорока шагов пулю в голову, ровно туда, куда следовало. Без всякой суеты.

Они спокойно заговорили с ним на каком-то придуманном языке, и его страх увеличился. Они ударили его, сломав ребро, чтобы он не вздумал делать глупости, потом направились к своей машине и увезли его с собой. Несколько месяцев никто не знал, где он. После обращений родственников в полицию, к премьер-министру и руководителю коммунистической партии те выразили свое возмущение. От похитителей не поступало писем с требованием выкупа. Этот случай остался тайной Коломбо 1987 года. В прессе неоднократно появлялись предложения о вознаграждении, однако все они остались без ответа.

Спустя восемь месяцев после исчезновения Линуса Кореи его жена с двумя детьми находилась

дома. К дверям подошел какой-то человек и протянул ей письмо от мужа. Потом зашел внутрь. Записка была немногословной. В ней говорилось: «Если хочешь меня видеть, приезжай с детьми. Если не хочешь, я пойму».

Она бросилась к телефону. Мужчина вынул пистолет. Она остановилась. Слева от нее был мелкий бассейн, в котором плавали цветы. Все ценные вещи находились наверху. Она стояла там, а дети играли в своих комнатах. Их брак не был счастливым. Спокойным — да, но не счастливым. Их чувства на тонкой шкале понятий, скорее, можно было бы назвать привязанностью. Однако письмо, несмотря на краткость, обладало качеством, которого она не ожидала. Оно предоставляло ей выбор. При всей его лаконичности, оно проявляло снисхождение и ни в чем ее не стесняло. Впоследствии она думала, что, если бы не это, она бы не поехала. Она что — то пробормотала стоявшему рядом мужчине. Он ответил на придуманном языке, которого она не поняла. В некоторых выпусках новостей говорилось, что ее мужа похитили пришельцы, и, как ни странно, это пришло ей в голову, когда она стояла у себя в передней.

— Хорошо, я поеду с вами, — сказала она, на

этот раз громко, и тогда мужчина протянул ей второе письмо.

Оно было таким же кратким, в нем говорилось: «Пожалуйста, привези эти книги» — далее шел список из восьми названий и указание, где их найти. Она велела сыновьям захватить с собой на смену одежду и обувь, но ничего не взяла для себя. Она несла только книги, и, когда она вышли из дому, мужчина повел их к машине с включенным мотором.

Линус Кореа в темноте направился к палатке и лег на койку. Было девять вечера, если они приедут, то часов через пять. Он объяснил поехавшим за ней людям, когда ее проще застать дома одну. Ему хотелось спать. Он в течение шести часов работал в палатке, где шла сортировка раненых, и даже после краткого послеобеденного сна чувствовал себя разбитым.

Он находился в лагере повстанцев с того момента, как его похитили в Коломбо. Его посадили в машину вскоре после двух часов дня, а к семи вечера он был на южных холмах. По дороге с ним никто не разговаривал, и как бы в насмешку звучал только этот идиотский язык. Непонятно, зачем его придумали. В лагере ему объяснили на сингальском, что от него требуется, — работать

у них врачом. И больше ничего. Беседа велась довольно мирно, ему не угрожали. Ему сказали, что через несколько месяцев он сможет встретиться с семьей. Сказали, что теперь он может отправляться спать, но завтра утром должен приступить к работе. Через несколько часов его разбудили, сказав, что произошел несчастный случай, отвели к сортировочной палатке, повесили фонарь над полумертвым телом и попросили сделать операцию на черепе. Раненый находился на пороге смерти, но они настаивали на операции. Из-за сломанного ребра оперировать было неудобно; когда он наклонялся над столом, его пронзала острая боль. Через полчаса раненый умер, и фонарь перенесли к другой кровати, где молча ждал своей очереди другой человек. Ему пришлось ампутировать ногу выше колена, но он выжил. В половине третьего ночи Линус Кореа вернулся к себе в палатку. В шесть утра его опять разбудили, и он приступил к работе.

Через несколько дней он попросил привезти ему несколько халатов, резиновые перчатки и морфин. Он вручил им список всего необходимого, и той же ночью они напали на госпиталь близ Гурутулавы, взяли то, что он просил, и похитили для него медсестру. Как ни странно, она тоже не

жаловалась на судьбу — как и он. В глубине души он испытывал раздражение и усталость от мира, в котором творятся подобные вещи, но ложная привычка к вежливости, приобретенная в прежней жизни, сохранилась. Он благодарил людей за пустяки и просил лишь самое необходимое. Он привык к постоянной нехватке лекарств и перевязочного материала и даже гордился этим. Если ему что-то было нужно — шприцы, бинты, какая-нибудь книга, — он составлял список и давал его повстанцам. Быть может, через неделю, быть может, через шесть недель он получал все, что просил.

Они спланировали для него только первое нападение на госпиталь.

Он не знал, сколько времени его здесь продержат, и начал учить сестру всему, что знал сам. Розалин было около сорока, и за ее спокойствием скрывался острый ум. Когда раненых было слишком много, он позволял ей оперировать рядом с собой.

Спустя месяц он признался себе, что больше не скучает по жене и детям и даже не слишком скучает по Коломбо. Здесь он был не то чтобы счастлив, но постоянно занят делом, занимавшим его мысли.

На гнев или обиду у него не оставалось сил. С шести утра до полудня. Два часа на обед и сон. Затем еще шесть часов работы. В критических случаях он работал больше. Рядом с ним всегда была медсестра. Она носила один из заказанных им халатов и очень им гордилась, стирая каждый вечер, чтобы утром он был чистым.

Один из дней пришелся на его день рождения. Он вспомнил об этом по дороге к палатке. Ему исполнился пятьдесят один год. Первый день его рождения в горах. В полдень примчался джип, на котором его и медсестру куда-то повезли. Через некоторое время ему завязали глаза и вскоре вытащили из машины. И тогда он перестал надеяться. Сильный ветер в лицо. Ощупав землю ногой, он понял, что стоит на краю обрыва. Его толкнули, и он полетел куда-то вниз, но не успел испугаться, потому что оказался в воде. В холодной горной воде. Он был цел и невредим. Стянув повязку с глаз, он услыхал приветствия. Со скалы нырнула в воду прямо в одежде медсестра. За ней — мужчины. Они каким-то образом узнали о его дне рождения. С того дня плавание, если позволяло время, вошло в его распорядок дня. Он всегда вспоминал об этом перед сном. И с нетерпением ждал завтра. Из-за плавания.

Когда приехала его семья, он спал. Медсестра попробовала разбудить его, но он не откликался. Она пригласила жену и двух мальчиков к себе, чтобы он мог спокойно выспаться, — через несколько часов ему работать. «Что он делает?» — спросила жена. «Он врач».

Что ж, поездка была утомительной, она и мальчики тоже устали. Сейчас не время для приветствий и разговоров. На следующее утро они проснулись в десять, а ее муж трудился уже четыре часа. На рассвете он подошел к Палатке с кружкой чая в руке, взглянул на них и отправился работать вместе с медсестрой. Та сказала, что удивлена молодостью его жены, и он рассмеялся. В Коломбо он бы покраснел или рассердился. Он понимал, что медсестра может говорить ему все, что угодно.

Когда его жена и дети проснулись, никто не обратил на них внимания. Медсестры рядом не было, солдаты занимались своими делами. Мать настояла на том, чтобы держаться вместе, и они бродили по лагерю, словно заблудившиеся туристы, пока не наткнулись на медсестру, стиравшую бинты у грязной палатки.

Розалин вошла к нему и что-то сказала, но он не разобрал ее слов, и она повторила, что его жена

с детьми стоят у входа. Он поднял глаза, затем спросил ее, сможет ли она его подменить, и она кивнула. Прервав свою работу, он пошел к жене и детям мимо лежавших на земле людей. Медсестра заметила, что он едва не прыгает от радости. Когда он приблизился, жена, заметив на его халате кровь, остановилась в нерешительности.

— Это не важно, — сказал он и обнял ее.

Она дотронулась до его бороды. Он и забыл, что отпустил ее. Здесь не было зеркал, и он себя не видел.

— Ты встретила Розалин?

— Да, ночью она выручила нас. Ты, конечно, не проснулся.

— Угу. — Линус Кореа засмеялся. — Они не дают мне расслабиться. — И, помолчав, добавил: — Это моя жизнь.

*

Когда где-нибудь в людном месте взрывалась бомба, Гамини стоял у входа в больницу, сортируя больных, быстро оценивая состояние каждого, направляя их в реанимацию или операционную. На этот раз в числе жертв были женщины, потому что бомба взорвалась на улице. Всех, кто не попал в эпицентр взрыва, привезли в течение часа. Врачи не спрашивали имен. К правому запястью

прикрепляли бирку — или к правой ступне, если рука отсутствовала. Красную для неврологии, зеленую для ортопедии, желтую для хирургии. Ни профессии, ни расы. Ему это нравилось. Имена записывали позже, если выжившие могли говорить или если они умирали. У каждого из пациентов брали десять кубиков крови на анализ и прикрепляли к их кроватям вместе с одноразовыми шприцами, которые в случае необходимости можно было использовать повторно.

Во время сортировки умирающих отделяли от тех, кто нуждался в срочной помощи, и тех, кто мог подождать. Умирающим давали таблетки морфия, чтобы не тратить на них время. Отделить вторых от третьих было сложнее. Уличные бомбы, обычно начиненные гвоздями или шариками, могут рассечь брюшную полость в пятидесяти метрах от взрыва. Ударная волна способна разорвать желудок. «У меня что-то с желудком», — говорила женщина, боясь, что в нее попал осколок, тогда как на самом деле желудок сместился под действием сжатого воздуха.

Все, кто пережил взрыв бомбы в общественных местах, испытывали эмоциональное потрясение. Еще месяцы спустя пациенты приходили в отделение, жалуясь, что по-прежнему боятся уме-

реть. Для тех, кто оказался на периферии взрыва, шрапнель и осколки, пролетевшие сквозь их тела, чудом не задев жизненно важных органов, не представляли опасности — взрыв накалял шрапнель и делал ее стерильной. Главную опасность представлял эмоциональный шок. Прибавьте к этому глухоту или частичную потерю слуха, в зависимости от того, куда была повернута голова во время взрыва. Восстановление барабанной перепонки могли себе позволить немногие.

В эти трудные дни практиканты выполняли работу хирургов-ортопедов. Дороги к крупным медицинским центрам нередко перекрывались из-за мин, а вертолеты не летали в темноте. Поэтому стажерам приходилось сталкиваться со всеми видами травм, всеми видами ожогов. В стране было всего четыре нейрохирурга: два в Коломбо, один в Канди и один в частном секторе — но несколько лет назад его похитили.

Тем временем далеко на юге возникли другие проблемы. Повстанцы проникли в больницу на Уорд-плейс в Коломбо и убили доктора и двух его ассистентов. Они пришли за одним из пациентов. «Где такой-то?» — спросили они. «Не знаю». Они перевернули все вверх дном. Найдя того, кого искали, они вынули длинные ножи и

изрубили его на куски. Потом они стали угрожать сестрам и требовать, чтобы те не выходили на работу. На следующий день сестры вернулись. В домашних халатах и тапочках вместо формы. На крыше больницы сидели снайперы. Повсюду были осведомители. Но больница на Уорд-плейс не закрылась.

Подобные происшествия в базовых больницах случались редко. Гамини и его помощники, Касан и Моника, иногда даже ухитрялись немного поспать в ординаторской. В половине случаев они не могли уйти домой из-за комендантского часа. Так или иначе, Гамини не мог уснуть. Он все еще находился под действием таблеток, которые недавно начал принимать. Адреналин еще бурлил в его крови, а моторные ощущения притупились, поэтому он вышел из здания больницы в темноту под деревьями. Там курили несколько человек, родственники раненых. Ему не хотелось ни с кем общаться, только кровь стремительно мчалась по жилам. Он вернулся назад, взял книгу в бумажной обложке и начал читать с первой же открывшейся страницы, как будто речь шла о жизни на другой планете. В конце концов он снова отправился в детскую палату, чтобы найти кровать, на которой будет чувствовать себя

чужим и в большей безопасности. Кое-кто из матерей посмотрит на него с подозрением, готовясь защитить своего ребенка от незнакомого мужчины, но потом признает в нем доктора, приходившего сюда два года назад, — доктора, который никогда не мог уснуть, а теперь, устроившись на голом матрасе, лежит неподвижно на спине, пока его голова не склонится влево, туда, откуда льется синий свет.

Когда он уснул, дежурная сестра расшнуровала и сняла с него ботинки. Он громко храпел, и иногда его храп будил детей.

Тогда ему было тридцать четыре. Все могло бы оказаться хуже. В тридцать шесть он работал в больнице скорой помощи в Коломбо. Ее называли больницей огнестрельных ранений. Но он вспоминал детское отделение в больнице Северо-Центральной провинции, синий свет над желтушными детьми, который почему-то вселял в него спокойствие, его особую частоту от 470 до 490 нанометров, всю ночь разлагавшую желтый пигмент. Он вспоминал книги, четыре авторитетных медицинских текста и романы, которые так и не дочитал до конца, хотя часами держал их в руках, сидя в плетеном кресле, пытаясь отдохнуть, напрасно пытаясь обнаружить хоть

какой-то человеческий порядок, но его поглощала тьма, глаза всматривались в страницы, тогда как мозг смотрел мимо них, пытаясь пробиться к истине того времени.

В час ночи Сарат с Анил, проехав по серым безлюдным улицам Коломбо, добрались до центра города. Когда они остановились у больницы скорой помощи, Анил спросила:

— Это ничего, что мы привезли его сюда в таком виде?

— Не волнуйтесь. Мы отведем его к моему брату. Если нам повезет, мы найдем его где-нибудь в отделении.

— У вас здесь работает брат?

Сарат поставил машину и несколько секунд не двигался:

— Боже, как я устал.

— Может, вы останетесь в машине и поспите? А с ним пойду я.

— Со мной все в порядке. Лучше я поговорю с братом сам. Если он здесь.

Они разбудили спавшего Гунесену и, поддерживая его с двух сторон, отвели в здание. Сарат переговорил с кем-то у стойки, и они втроем уселись и стали ждать, Гунесена со сложенными на коленях руками, как боксер. В приемном отделе-

нии все было как днем, работа не прекращалась, хотя все двигались неторопливо и спокойно. К ним подошел человек в полосатой рубашке и заговорил с Саратом.

— Это Анил.

Человек в полосатой рубашке кивнул.

— Мой брат Гамини.

— Очень приятно, — равнодушно произнесла она.

— Это мой младший брат. Он врач.

Он и Сарат не дотронулись друг до друга, даже не пожали рук.

— Пошли… — Гамини помог Гунесене встать, и они вместе зашли за ним в маленькую комнату.

Гамини откупорил какую-то бутылку и начал смазывать ладони Гунесены. Анил заметила, что он без перчаток, даже без халата. Как будто явился сюда из-за карточного стола. Потом он ввел обезболивающее.

— Он мне не говорил, что у него есть брат, — сказала Анил, нарушив молчание.

— О, мы не слишком часто видимся. Знаете, я тоже о нем не рассказываю. Каждый идет своим путем.

— Но он знал, что вы здесь и в какой вы смене.

Наверно, да.

Они оба намеренно исключали Сарата из своей беседы.

— Давно вы с ним работаете? — Теперь вопрос задал Гамини.

— Три недели, — ответила она.

— Твои руки… больше не дрожат, — проговорил Сарат. — Ты вылечился?

— Да. — Гамини повернулся к Анил. — Это семейная тайна.

Сделав обезболивание, он вытащил из рук Гунесены гвозди. Потом промыл их беталимой, темно-красной пенистой жидкостью, которую выдавил из пластиковой бутылки. Он проделал это очень нежно, и это почему — то удивило ее. Открыв ящик, он вытащил еще один одноразовый шприц, чтобы сделать укол от столбняка.

— Ты должен больнице два шприца, — пробормотал он, обращаясь к Сарату. — Здесь на углу есть магазин. Купи их, пока я его зарегистрирую. — Он вывел Анил с Саратом из комнаты, оставив пациента одного. — Сейчас у нас нет свободных коек для травм такой тяжести. Знаете, в наши дни даже распятие не самое тяжкое преступление… Если вы не можете взять его к себе, я найду кого-нибудь присмотреть за ним, пока он будет спать в приемном покое, — то есть,

я все улажу.

— Он может пойти с нами, — ответил Сарат. — Если он захочет, я найду ему работу водителя.

— Ты лучше верни эти шприцы. Скоро у меня конец дежурства. Хотите пойти перекусить? На Галле-Фейс. — Он снова обращался к Анил.

— Но сейчас два ночи! — воскликнул Сарат.

— Да. Конечно.

Он кивнул в ответ.

Гамини распахнул переднюю дверцу машины и уселся рядом с братом, Анил пришлось сесть сзади, рядом с Гунесеной. Что ж, так ей будет удобнее за ними наблюдать.

Улицы были пусты, не считая молчаливого военного патруля под аркой деревьев на Соломон-Диас-Мавата. Их остановили у поста и попросили предъявить документы. Через полмили они подъехали к киоску, торговавшему едой, Гамини вышел и купил всем еды. На улице младший брат казался одичавшим и тощим, как тень.

Оставив Гунесену спать в машине, они пошли в Галле-Фейс-Грин и сели у мола, рядом с темным морем. Пока Гамини разворачивал свои трофеи, Анил закурила сигарету. Ей не хотелось есть, а Гамини проглотил за час несколько пакетов миног — невероятное количество для стройного

сухопарого человека. Она заметила у него на ладони таблетку, которую он запил апельсиновым соком.

— У нас полно таких травм…

— Гвоздей в ладонях? — Она услышала в своем голосе ужас.

— С чем только мы не сталкиваемся. Когда оружием служит простой строительный гвоздь, почти испытываешь облегчение. Гайки, болты — бомбы начиняют чем угодно, лишь бы раненые заработали гангрену. — Он развернул еще один пакет с миногами и начал есть, беря их пальцами. — Слава богу, сейчас не полнолуние. Дни *пойя* самые плохие. Людям кажется, что вокруг все видно. Они выходят на улицу и на что-то наступают. Вы работаете с новыми скелетами?

— Откуда вы знаете? — Она вдруг напряглась.

Сейчас не лучшее время для эксгумаций. Правительству не нужны результаты расследования. Теперь оно воюет на два фронта. Им ни к чему лишняя критика.

— Я их понимаю, — отозвался Сарат.

— А она? — Гамини сделал паузу. — Просто будьте осторожны. Никто не совершенен. Никто не прав. О вашем расследовании знают слишком многие. Всегда найдется кто-нибудь, кто за вами

следит.

После короткой паузы Сарат спросил брата, чем он еще занимается.

— Просто сплю и работаю. — Гамини зевнул. — И больше ничего. Мой брак распался. Все эти торжества… и вдруг за пару месяцев от него ничего не осталось. Тогда я слишком остро реагировал на ситуацию. Возможно, перед вами очередной пример моральной травмы. Это происходит, когда нет другой жизни. Кому есть дело до моей женитьбы или твоих проклятых исследований? А эти кабинетные повстанцы, живущие за границей, со своими представлениями о справедливости… Я ничего не имею против их принципов, но я хотел бы, чтобы они оказались здесь. И пришли ко мне в операционную.

Он наклонился вперед, чтобы взять у Анил сигарету. Она протянула ему зажигалку, и он кивком поблагодарил.

— Я знаю все об оружии и взрывах. Минометы, мины «Клеймор», противопехотные мины с гелигнитом и тринитротолуолом. Но я врач! Мина с тринитротолуолом отрывает ногу до колена. Люди теряют сознание, кровяное давление падает. Ты делаешь томографию мозга и его ствола и видишь кровоизлияние и отек. Мы вводим

дексаметазон и применяем механическую вентиляцию легких — это означает, что нужно вскрыть черепную коробку. Как правило, мы находим там ужасные повреждения, нам остается только останавливать кровотечение… Их везут все время. Когда мина, на которую они наступают, взрывается, в бедро и гениталии попадают грязь, трава, металл и остатки ноги и ботинка. Поэтому, если вы хотите прогуляться по минному полю, лучше надевать кроссовки. Но именно этих парней, которые устанавливают мины, западная пресса называет борцами за свободу… А вы хотите расследовать действия *правительства.*

— На юге тоже убивают невинных тамилов, — заметил Сарат. — Ужасные убийства. Должно быть, ты читал о них в газетах.

— Читал. — Гамини откинулся назад. Теперь его голова оказалась у нее на бедре, но он этого будто не замечал. — Нас всех употребили. Мы не знаем, что с этим делать. И просто оказываемся в это втянутыми. Но, пожалуйста, не надо высокопарных слов. Это война без правил.

— Некоторые сообщения… — начала она. — У нас есть письма от родителей, потерявших детей. От них не отмахнешься, их не просмотришь наскоро.

Она тронула его за плечо. Он на секунду поднял руку, его голова скользнула вниз, и вскоре он уже спал.

Его голова, спутанные волосы, груз его усталости у нее на коленях. *Сон, приди освободить меня.* Слова песни вертелись у нее в голове, но она не могла припомнить мелодию. *Сон, приди освободить меня…* Позже она вспомнит, что Сарат смотрел в сторону, на темную волнующуюся поверхность моря.

Амигдала.

Когда Анил впервые услышала это слово, оно показалось ей шри-ланкийским. Она училась в Лондоне, в больнице Гая, срезала ткань, чтобы обнажить маленький узел из нервных волокон. Рядом с мозговым стволом. Стоявший рядом профессор произнес название. *Амигдала.*

— Что это значит?

— Ничего. Местоположение. Это темная сторона мозга.

— Яне…

— Здесь обитают страшные воспоминания.

— Только страх?

— Точно мы не знаем. Гнев, вероятно, тоже, но амигдала отвечает за страх. Это чистая эмоция. Пока мы о нем не слишком много знаем.

— Почему?

— Ну… является ли он врожденным? Говорим ли мы о наследственном страхе или приобретенном в детстве? Страхе того, что может случиться в старости? Или страхе перед совершенным преступлением? Амигдала может просто проецировать вымышленный страх на тело.

— Как во сне.

— Да, как во сне, — согласился он. — Хотя порой сны возникают не вследствие фантазий, а в результате старых склонностей, о которых мы не подозреваем.

— Значит, это нечто созданное нами, нашей собственной историей, так? Амигдала одного человека отличается от амигдалы другого, даже если они родственники. Потому что у каждого из нас свое прошлое.

Прежде чем вновь заговорить, он помедлил, удивляясь ее увлеченности предметом.

— Не думаю, что мы уже знаем, насколько похожи эти узлы или присуща ли им особая структура. Мне всегда нравились романы девятнадцатого века, где братья и сестры, живущие в разных городах, переживают одни и те же горести, испытывают одни и те же страхи… Впрочем, я отклонился от темы. Мы не знаем, Анил.

— Это слово звучит как шри-ланкийское. Проверь его происхождение. Оно не похоже на научное.

— Нет. Оно похоже на имя злого божества.

Она вспоминает узел в форме миндалины. На вскрытии она всегда искала амигдалу — нервный узел, где обитает страх. Выходит, он управляет всем: нашим поведением и нашими решениями, стремлением к благополучному браку и желанием жить в безопасных домах…

Как-то раз они ехали с Саратом в машине. Он спросил: «У вас выключен магнитофон?» — «Да». — «В Коломбо есть по меньшей мере две нелегальные тюрьмы. Одна недалеко от Хейвлок-роуд, в Коллупитии. Там томятся месяцами, но сами пытки продолжаются недолго. Почти любого можно сломить за час. Почти любого из нас можно сломить одной мыслью о том, что может произойти».

— У вас выключен магнитофон? — спросил он.

— Да, выключен.

И лишь тогда он начал говорить:

«Я хотел найти закон, управляющий всей нашей жизнью. Это страх…»

Имя Анил — то самое, которое она в тринадцать лет выкупила у брата, — прежде чем быть окон-

чательно принятым, прошло еще одну стадию одобрения. Когда Анил исполнилось шестнадцать, она сделалась раздражительной и дома нередко впадала в ярость. Чтобы ослабить эту сторону ее натуры, родители повезли ее в Веллаватту, к астрологу. Тот записал день и час ее рождения, произвел над ними некие арифметические действия, учел влияние звезд и, ничего не зная о коммерческой стороне вопроса, объявил, что проблема кроется в ее имени. Буйство девочки можно обуздать, присвоив ей другое. Он понятия не имел о сделке с сигаретами «Золотой лист» и рупиями. Его голос, претендовавший на безмятежность и мудрость, звучал в комнатушке за занавеской, пока в прихожей ждали другие семьи, надеясь подслушать чужие секреты и семейные тайны. Однако они услышали лишь громкие, решительные протесты девочки. В итоге прорицатель пошел на компромисс, предложив просто прибавить к имени Анил мягкий знак. Так оно станет более женственным, мягкий знак умерит ярость. Но она отвергла даже этот вариант.

Потом, оглядываясь назад, она поняла, что ее неуступчивость была только фазой развития. В жизни человека настает момент телесной анархии: мальчик, в крови которого бушуют

гормоны, девочка, мечущаяся между матерью и отцом. Девочки и их отцы, девочки и матери. Для подростков это минное поле, и, только когда брак ее родителей окончательно распался, Анил успокоилась и благополучно преодолела — или, вернее, проплыла по течению — следующие четыре года.

Семейные войны по-прежнему жили внутри ее, даже за границей, куда она уехала изучать медицину. В лабораториях судебной медицины она уделяла особое внимание тому, чтобы установить как можно более четкие различия между мужчинами и женщинами. Она поняла, что женщины чаще страдают от личного неуважения любовника или мужа, но легче справляются с неприятностями на работе. Они приспособлены к тому, чтобы рожать детей, защищать их, проводить через трудности жизни. Чтобы работать с искалеченным телом, мужчинам нужно выдержать паузу, надеть на себя маску невозмутимости. Пока она училась в Европе и Америке, она сталкивалась с этим вновь и вновь. В обстановке хаоса и катастрофы женщины-врачи держались более уверенно, с большим хладнокровием работали со свежими трупами пожилых женщин, молодых красивых мужчин, малень-

ких детей. Когда Анил видела одетого мертвого ребенка, она погружалась в печаль. Мертвая трехлетняя девочка в платьице, надетом на нее родителями.

Мы склонны к анархии. Мы раздеваемся, потому что не должны раздеваться. И хуже ведем себя в других странах. На Шри-Ланке совсем нет анонимности: человек окружен семейным порядком, обо всех его встречах за день знает множество людей. Но если я встречаю шри — ланкийца в любой другой точке мира и у нас есть свободный день, то каждый из нас знает, что соотечественник может выкинуть все, что угодно, хотя не обязательно. Что мы за люди, как вы думаете? Откуда у нас эта способность создавать себе проблемы?

Анил разговаривает с Саратом, который на пути от юности к зрелости, как она подозревает, не сумел освободиться от принципов, которые исповедовали его родители. Наверняка он подчинялся правилам, в которые не обязательно верил. Он не познал радостей сексуальной свободы, хотя в мыслях, возможно, предавался анархии. Он скромный человек, полагает она, в том смысле, что ему не хватает смелости подойти к кому-то и сделать предложение. Так или иначе, она знает, что они оба происходят из такого общества, в

котором, наряду с анархичной системой влияния планет, существуют опасные любовные связи и браки. За обедом в гостинице Сарат рассказал ей о *хенахуру* в своей семье.

Люди, родившиеся под определенным знаком, считаются неподходящими брачными партнерами. Женщина, родившаяся под знаком Марса в седьмом доме, «несет погибель». Человек, за которого она выйдет замуж, обязательно умрет. То есть, по мнению шриланкийцев, она, по существу, несет ответственность за его смерть, она его убила.

У отца Сарата было два брата. Старший женился на женщине, которую их семья знала много лет. Через два года он скончался от скоротечной лихорадки, во время которой жена не отходила от его постели. У них был ребенок. Горе женщины было так велико, что после смерти мужа она удалилась от мира. И семья призвала на помощь второго брата, чтобы вернуть ее к жизни ради мальчика. Он приносил ребенку подарки, уговаривал вдову поехать вместе с сыном за город на выходные дни, и в конце концов он и эта женщина, бывшая жена его брата, полюбили друг друга. Во многих отношениях эта любовь была более возвышенной и тонкой, чем любовь в пер-

вом браке. В ней с самого начала отсутствовали мотивы страсти и обладания. Женщина пробудилась к жизни. Она испытывала благодарность к красивому младшему брату. И когда во время автомобильной прогулки вместе с ее первым за год смехом у него возник проблеск желания, это могло показаться ему предательством по отношению к первоначальной цели, состоявшей лишь в том, чтобы проявить благородное участие к вдове его старшего брата. Они поженились, он стал заботиться о сыне брата. У них родилась дочь, и через полтора года он тоже заболел и умер у жены на руках.

Разумеется, выяснилось, что эта женщина «несет погибель». Она могла без печальных последствий выйти замуж только за мужчину с тем же расположением звезд. Итак, ей оставалось искать любого мужчину, рожденного под тем же знаком. Мужчинам, «приносившим погибель», также приходилось брать в жены женщин с одним и тем же расположением звезд, однако считалось, что женщины с такими качествами значительно опаснее мужчин. Если мужчина, «приносивший погибель», женился на обычной женщине, она не обязательно умирала.

Но если такая женщина выходила замуж,

мужчина умирал всегда. Она была *хенахуру* — головной болью, наказанием. Однако более опасна.

По иронии судьбы Сарат, сын третьего брата, появившийся на свет несколькими годами позже и не имевший никакого отношения к жене первых двух братьев, был рожден под знаком Марса в седьмом доме.

— Мой отец женился по любви, — сказал Сарат. — Он даже не интересовался ее гороскопом. Потом родился я. Родился мой брат. Я услышал эту историю много лет спустя. Мне она казалась просто бабьими сказками, случайным расположением звезд. Подобные верования представляются мне средневековым утешением. Так, можно было бы сказать, что, пока я учился за границей, в голове у меня был Юпитер и поэтому я выдержал экзамены. А когда я вернулся, его заменила Венера, и я влюбился. Воздействие Венеры не всегда благоприятно, она делает нас легкомысленными. Но я не придерживаюсь подобных верований.

— Я тоже, — согласилась она. — Мы сами за все отвечаем.

Анил вернулась с первого занятия в больнице Гая, записав в свою тетрадь единственную фразу: «Начинать предпочтительнее с бедренной

кости».

Ей понравилось, как лектор высказал это утверждение — мимоходом, но с пафосом. Словно эта информация была первым правилом, которое следовало усвоить перед тем, как перейти к более важным принципам. Занятия по судебной медицине начались с этой конкретной кости.

Пока преподаватель распространялся об учебном плане и области исследования, Анил с изумлением прислушивалась к тишине, царившей в английской аудитории. В Коломбо всегда было шумно. Птицы, грузовики, дерущиеся собаки, детсадовские ребятишки, декламирующие стихи, уличные торговцы — все эти звуки влетали в открытые окна. В тропиках не скрыться в башне из слоновой кости. Анил записала слова доктора Эндикотта и через несколько минут подчеркнула их шариковой ручкой в тишине, которая не нарушалась ничем. Остаток часа она просто слушала лектора и наблюдала за его движениями.

Во время учебы в больнице Гая Анил погрузилась в туман неудачного брака. Тогда ей было чуть больше двадцати. Впоследствии она скрывала этот эпизод от всех, с кем сталкивала ее жизнь. Даже теперь ей не хотелось ни вспоминать о нем, ни оценивать степень нанесенного ущерба.

Скорее, она воспринимала этот брак как некий случай из современной жизни, призванный служить предостережением.

Он тоже был из Шри-Ланки, и, оглядываясь назад, она понимала, что влюбилась в него из-за чувства одиночества. Она могла готовить вместе с ним карри, вспомнить определенного парикмахера из Бамбалапитии, шепотом признаться в желании отведать пальмового сахара или джекфрута и рассчитывать на понимание. В новой, слишком сдержанной стране это было важно. Пожалуй, она сама испытывала глубокую неуверенность и робость. Она надеялась, что в Англии будет чувствовать себя чужой всего несколько недель. Ее родственники, совершившие то же путешествие поколением раньше, сохранили романтические воспоминания об этом периоде жизни за границей. Они полагали, что верное замечание или жест открывают перед тобой все двери. Друг ее отца, доктор П. Р. С. Петерсон, рассказывал историю о том, как в возрасте одиннадцати лет был отправлен учиться в Англию. В первый же день кто-то из одноклассников назвал его аборигеном. Он тут же встал и, обращаясь к учителю, сказал: «Простите, сэр, но Роксборо не понимает, кто я такой. Он назвал меня абориге-

ном. Он ошибся. Это он абориген, а я лишь гость этой страны».

Однако добиться признания было не так-то просто. Будучи в Коломбо какой-никакой знаменитостью благодаря плаванию, в отсутствие этого таланта Анил терялась и с трудом вступала в разговор. Позже, развив в себе дар судебного эксперта, она поняла, что одно из преимуществ ее положения заключается в том, что ее профессия, подобно безучастному герольду, оповещает о ее существовании.

В первый месяц пребывания в Лондоне ее неизменно ставила в тупик местная топография. (В больнице Гая ее все время поражало количество дверей.) В первую неделю она пропустила два занятия, потому что не могла найти аудиторию. Она стала приходить рано утром, дожидалась на крыльце доктора Эндикотта и шла за ним через вращающиеся двери вверх по лестнице, вдоль серых с розовым коридоров до двери без номера и названия. (Однажды, следуя за ним по пятам, она очутилась в мужском туалете, чем вызвала всеобщее замешательство.)

Анил казалась робкой даже себе самой. Она нервничала и чувствовала себя потерянной. Что-то бормотала себе под нос, как одна из ее те-

ток, старая дева. В течение недели, стараясь есть поменьше, она сэкономила на звонок в Коломбо. Отца не было дома, а мать не смогла подойти к телефону. Около часа ночи она разбудила свою няню Лалиту. Проговорив друг с другом несколько минут, они расплакались — это было заметно — на разных концах земли. Через месяц она подпадет под очарование ее без пяти минут будущего и в конце концов бывшего мужа.

Ей казалось, он явился из Шри-Ланки на ходулях и с браслетами на ногах. Он также изучал медицину. Он не был застенчив. В дни их свиданий он направлял свое внимание исключительно на Анил — многорукий искуситель, сочинитель записок, даритель цветов и мастер телефонных посланий (он быстро обворожил ее квартирную хозяйку). Его организованная страсть окружала ее со всех сторон. У нее возникло ощущение, что до знакомства с ней он никогда не оставался в одиночестве и не был одинок. Ему ничего не стоило вовлечь в свои планы других студентов-медиков и дирижировать их действиями. Он был забавным. У него были сигареты. Она видела, как он включал в канву обсуждения аллегорические примеры из регби — трюк, помогавший каждому из них не испытывать нужды в словах. Команда,

шайка, которая на самом деле просуществовала не больше двух недель. У каждого были свои прозвища. Лоуренс, которого однажды вырвало в метро, сестра и брат Сандра и Перси Льюис, чьи семейные ссоры поначалу были признаны, а после прощены, Джекман с густыми бровями.

Они с Анил быстро поженились. У нее закралось подозрение, что для него это был еще один повод устроить вечеринку, которая объединит их всех. Несмотря на всю свою публичную жизнь, которая требовала его внимания, он был пылким любовником. Он, несомненно, расширил географию их спальни, занимаясь любовью в гостиной, где была плохая звукоизоляция, на качающейся раковине в общей ванной комнате в конце коридора, на границе крикетного поля у лонг-стопа во время матча. Эти приватные акты в полупубличном пространстве отвечали его общественному темпераменту. Казалось, он не проводил различия между частной жизнью и близким знакомством. Позже она прочтет, что именно *это* отличает монстров от обычных людей. И все же в тот ранний период их брака они оба получали от него довольно большое удовольствие. Хотя Анил понимала, что ей совершенно необходимо вернуться на землю и продолжать

свои академические занятия.

Когда ее свекор приехал в Англию, он пригласил их на обед. Сын в кои-то веки притих, а отец попытался убедить их вернуться в Коломбо и нарожать ему внуков. Он то и дело называл себя филантропом, и это, вероятно, поддерживало его уверенность в своем высоком моральном уровне. Чем дольше продолжался обед, тем острее она чувствовала, что все уловки общественного круга, проживающего в Коломбо, направлены против нее. Он возражал против ее научной карьеры, против того, чтобы она оставила свою фамилию, сердился, если она не соглашалась. После того как за десертом она описала вскрытие, он пришел в ярость: «Тебе что, больше нечем заниматься?» А она ответила: «Я не собираюсь играть в карты с баронами и графами».

На следующий день его отец завтракал только с сыном, а потом улетел в Коломбо.

Вскоре они начали ругаться дома по любому поводу. Она начала сомневаться, способен ли он ее понимать. Казалось, все его силы уходят на сопереживание. Когда она плакала, плакал он. С тех пор она перестала доверять плаксам. (Позже, на американском Юго-Западе, она не смотрела телешоу с плачущими ковбоями и рыдающи-

ми священниками.) Во времена клаустрофобии и супружеской войны секс оставался для них единственной константой. Секс был ей нужен не меньше, чем ему. Ей казалось, он придает их отношениям некоторую нормальность. Дни секса и войны.

Распад их отношений был настолько очевиден, что она никогда не пыталась восстановить в памяти какой — нибудь из проведенных вместе дней. Ее обманули его энергия и шарм. Своими слезами он разрушал ее здравый смысл, пока она не ощутила, что полностью его утратила. Как говорил Сарат, у него в голове была Венера, хотя настало время для Юпитера.

По вечерам, вернувшись из лаборатории, она сталкивалась с его ревностью. Поначалу она приняла ее за сексуальную ревность, но вскоре поняла, что так он пытается ограничить ее научную работу и учебу. Эти первые оковы брака почти похоронили ее заживо в маленькой квартирке на Лэдброк-гроув. После того как она сбежала от него, она больше никогда не произносила его имени. Не распечатывала конвертов с его почерком, в ней поднимались клаустрофобия и страх. В сущности, единственным напоминанием о поре ее замужества, которое она себе позволила,

была песня Вэна Моррисона «Slim Slow Slider», где упоминается Лэдброк-гроув. Осталась только песня. И только потому, что там говорилось о разлуке.

Увидел тебя рано утром

С твоим новым приятелем и «кадиллаком»…

Она пела в одиночестве, надеясь, что он со своим сентиментальным сердцем не присоединится к ней, где бы он ни был.

Ты почему-то ушла,

И знаю, ты не вернешься.

Так или иначе, весь свой брак и последующий развод, здравствуй и прощай, она воспринимала как нечто незаконное и глубоко постыдное. Чтобы он не мог ее найти, она оставила его, как только завершился курс в больнице Гая, приурочив свой уход к концу семестра, чтобы избежать оскорблений, на которые он был вполне способен. Он был одним из тех, у кого всегда есть масса свободного времени. «Немедленно прекрати», — сухо написала она на его последнем хнычущем любовном письме, прежде чем отослать его обратно.

Она осталась без партнера. Ее жизнь ничего не омрачало. Ей не терпелось вновь приступить к занятиям, приблизиться к ним вплотную с той глубиной и серьезностью, о каких она прежде не подозревала. Вернувшись, она полюбила работать по ночам, и иногда, не в силах расстаться с лабораторией, клала счастливую усталую голову на стол. Больше не было ни комендантского часа, ни компромисса с любовником. Она возвращалась домой в полночь, вставала в восемь, держа в голове все лабораторные журналы, опыты и исследования.

До нее дошли слухи, что он вернулся в Коломбо. С его отъездом больше не было нужды вспоминать любимые рестораны и парикмахерские на Галле-роуд. В последний раз она говорила по-сингальски с Лалитой, и этот тягостный разговор закончился слезами по поводу яичного *руланга* и творога с пальмовым сахаром. Больше она ни с кем не говорила на сингальском. Она обратилась к тому месту, где находилась в данный момент, целиком сосредоточившись на патологической анатомии и других ветвях судебной медицины, практически выучив наизусть Спитца и Фишера. Позже она выиграла конкурс на обучение в Соединенных Штатах и в Оклахоме стала за-

ниматься применением судебной медицины к области прав человека. Через два года, в Аризоне, она изучала физические и химические изменения, происходящие в костях не только в течение жизни, но и после смерти и погребения.

Язык науки стал для нее своим. Анил начинала с бедренной кости.

Анил находилась в министерстве археологии в Коломбо. Она двигалась по залу от карты к карте. На каждой был представлен один из аспектов острова: климат, почвы, сельскохозяйственные культуры, количество осадков, исторические памятники, жизнь насекомых. Различные черты страны, как у друга со сложным характером. Сарат опаздывал. Когда он приедет, они погрузятся в джип.

— Не смыслю ничего в энтомологии… — напевала она, разглядывая карту рудников: их черные значки были разбросаны по всему острову. Она заметила свое неясное отражение в стекле, за которым висела карта: джинсы, сандалии, свободная шелковая рубашка.

Будь она сейчас в Америке, она, наверно, слушала бы плеер, отпиливая микротомом тонкие поперечные срезы кости. Такова была давняя традиция ее коллег в Оклахоме. Токсикологи и

гистологи всегда предпочитали рок-н-ролл. Ты входил в герметичную дверь, а из колонок неслись тебе навстречу грохочущие хлесткие удары тяжелого рока, пока Верной Дженкинс, весивший в свои тридцать шесть лет девяносто фунтов, изучал на предметном стекле микроскопа легочную ткань. А вокруг разворачивалась настоящая гражданская война в Филлморе. Следующая дверь вела в «сторожку»; люди приходили туда для опознания погибших родственников и друзей, не подозревая о музыке, грохотавшей за герметичными дверями, не подозревая о символических прозвищах, циркулирующих в транзисторных наушниках интеркома: *«Принесите Даму из озера». «Принесите утопленницу».*

Она любила эти ритуалы. Во время ланча люди из лаборатории перебирались со своими термосами и сандвичами в комнату отдыха и смотрели по телевизору «Верную цену», испытывая благоговейный трепет перед чуждой им цивилизацией, как будто лишь они — работавшие в здании, где мертвых было больше, чем живых, — жили в нормальном мире.

Через месяц после ее приезда в Оклахоме была основана Долбаная школа судебной медицины имени Йорика. Этим актом утверждался прин-

цип легкомысленного отношения к жизни, без которого их профессия немыслима, и давалось название их команде по боулингу. Где бы ни работала Анил — сначала в Оклахоме, потом в Аризоне, — ее коллеги заканчивали вечер с пивом в одной руке и сырным тако в другой, выкрикивая приветствия или оскорбления другим командам и шаркая вдоль дорожек в ботинках с планеты Андромеда. Ей хотелось быть одним из этих парней, она любила Юго-Запад и теперь находилась на расстоянии многих световых лет от девушки, жившей в Лондоне. После тяжкого рабочего дня они ехали в шумные бары и клубы на окраинах Талсы или Нормана, с Сэмом Куком[13] в сердцах. В их комнате отдыха к стене был приколочен список всех боулингов Оклахомы с лицензией на продажу спиртного. Они отказывались работать в округах с сухим законом. Они потрошили смерть под музыку, а потом пускались во все тяжкие. Предупреждения вроде *carpe diem*[14] лежали на каталках в холле. По интеркому звучала риторика смерти: «испарение» или «микрофрагментация» означали, что

[13] Примечания: 13
Сэм Кук (1931–1964) — знаменитый соул-певец.

[14] Примечания: 14
Лови момент (лат.).

человека разорвало на куски. Анил не могла не замечать смерти, она была в каждом образце ткани, в каждой клетке. Никто не настраивал радио в морге без перчаток.

В токсикологии под ярким светом вольфрамовых ламп и грохот музыки удобно было выпрямиться и потянуться, если шея и спина затекали от работы с микроскопом. А рядом звучала дружеская перебранка и обсуждение найденного в машине трупа.

— Когда заявили об ее исчезновении?

— Вот, смотри, она пропала лет пять-шесть назад.

— Она съехала в озеро, Клайд. Но сначала должна была остановиться, чтобы открыть ворота. Она пила. Муж сказал, что она просто забрала собаку и уехала.

— В машине не было собаки?

— Не было. Я не проглядел бы даже чихуа-хуа, хотя кабина была забита илом. Ее кости деминерализовались. Фары были включены. Взгляни-ка на фотографию, Рафаэль.

— Выходит… она выпустила собаку, когда открывала ворота. У нее уже был план. Это самоубийство. Когда в кабину хлынула вода, она перепугалась и забралась на заднее сиденье. Где

ее и нашли. Я прав?

— Наверняка она затрахала своего мужа…

— Похоже, он святой.

Анил всегда любила болтовню и едкие словечки патологоанатомов.

Она прибыла в Коломбо прямо с американского Юго-Запада с его разбросанными по пустыне высокотехнологичными городками, в которых она работала. Хотя последнее место ее службы, Боррего-Спрингс, поначалу ее разочаровало, так как не походило на настоящую пустыню. На главной улице было слишком много баров с капучино и магазинов готовой одежды. Однако спустя неделю она почувствовала себя уютно на этой воистину узкой полоске цивилизации — несколько роскошных зданий середины двадцатого века среди голой пустыни. В пустынях Юго-Запада надо чутко вглядываться в пустоту и не спешить, там воздух бесплотен и все растет с трудом. На острове ее детства стоило плюнуть — и из земли появлялся куст.

Когда Анил в первый раз отправилась в пустыню, к поясу ее проводника была привязана бутылка с распылителем. Он жестом подозвал ее, обрызгал тонкие листья и нагнул ей голову. Она вдохнула запах креозота. Когда шел дождь,

растение становилось токсичным, уничтожая все, что росло слишком близко, освободившийся клочок земли обеспечивал его водой.

Она узнала, что агаву можно использовать по меньшей мере семью различными способами, и среди них — ее колючки как иглу и волокна как нить. Она видела сырные кусты, утесник, «пальцы мертвеца» (суккулент, который бывает съедобным только месяц в году), курительное дерево с его особой корневой системой (точным подземным отражением его размера и формы наверху), фукьерию блестящую, которая сбрасывает листья, чтобы сохранить влагу. Растения с как бы вылинявшими красками и растения, чьи сочные краски становятся в два раза ярче в сумерках. В домике, который она снимала на Н-стрит, она старалась проводить как можно меньше времени. Утром, в половине восьмого, она приходила с чашкой кофе и круассаном в палеонтологическую лабораторию с плоской крышей. По вечерам они с коллегами колесили на джипах по пустыне. Три миллиона лет назад там водились зебры. Верблюды. Все обычные животные, питающиеся травой и побегами. Она ходила по костям этих крупных вымерших животных, по атоллам, оставшимся с тех пор,

как здесь, семь миллионов лет назад, был океан. Когда она касалась руки того, кто передавал ей бинокль, чтобы проследить полет ястреба-перепелятника, возникал намек на флирт.

И вновь в ней пробуждалась страсть к игре в боулинг в компании судебных антропологов. Из-за того что днем они слишком часто брали пинцетом срезы человеческих тканей и проводили по ним шуршащими кисточками, им хотелось забыть обо всем и оторваться по полной программе со стаканом в руке. В Боррего-Спрингс не было кегельбанов, и каждый вечер они забирались в музейный грузовик и ехали прочь из долины в один из соседних городков на возвышенности. Они покупали «молотки» — специальные утяжеленные шары для состязаний. Все ночи напролет, несмотря на орущий музыкальный автомат в Квонсет-Хат, она напевала печальную песню: *Better days in jail, with your back turned towards the wall…*[15] Хотя тогда в ней не было печали. Как будто предчувствуя ссору с Каллисом, она ждала, что грусть этой песни в итоге передастся ей.

Влюбленные, которые читают книги о любви или смотрят на картины с ее изображением,

---

[15] Примечания: 15

С искажениями цитируется песня Бесси Смит и Кларенса Уильямса «Jail House Blues», впервые исполненная Бесси Смит в 1923 г.

делают это, вероятно, для того, чтобы лучше понять это чувство. И чем запутаннее и сбивчивее история, тем больше влюбленные в нее верят. Прекрасных и заслуживающих доверия картин про любовь совсем немного. Во всех этих произведениях, независимо от того, насколько они известны, есть нечто присущее им всегда и не поддающееся упорядочению и обобщению. Они не приносят душевного равновесия, а только излучают мучительный синий свет.

Писательница Марта Джеллхорн сказала: «Лучше всего иметь любовную связь с тем, кто живет в пяти кварталах от тебя, обладает хорошим чувством юмора и поглощен своей работой». Что ж, таким был ее любовник Каллис, только разделяло их пять штатов, пять тысяч километров. И он был женат.

Казалось, они любили друг друга сильнее, когда находились порознь. Вместе они слишком осторожничали, боясь, что радость окажется чрезмерной. В Боррего — Спрингс она довольствовалась телефонными разговорами. Он как-то сказал, что женщинам нравится дистанция.

Это случилось в их первую ночь в Боррего-Спрингс. Завтра она должна быть пораньше на работе: возникло нечто непредвиденное. Она

умолчала, что речь идет о красивом новом бивне. Каллис прибыл несколько часов назад, пролетев тысячу миль. Его мрачный вид и раздражение по поводу того, что планы на уик-энд сорвались, всколыхнули в ней прежнюю ярость. Они слишком долго пели свои долбаные арии о любви, имеющей четкие границы.

В Боррего она поднялась с постели и включила душ, сидя на краю ванны, глядя на струи воды. Руки яростно сжаты. Комната наполнилась паром. За неделю до приезда Каллиса она заказала для него, для них, номер в мотеле «Пальма». Он должен был приехать из аэропорта на восьмичасовом автобусе в пятницу вечером, что совпадало с ее трехдневным уик-эндом. А потом они откопали бивень.

Встретив Каллиса на автобусной станции, она преподнесла ему бережно сорванную веточку пустынной лаванды, которую он, пытаясь засунуть в петлицу, сломал.

*

Хороший археолог может почерпнуть из ведра с землей не меньше информации, чем из толстого исторического романа. Она знала, если на кости есть царапины от камня, Сарат, исходя из этих скудных данных, постарается выяснить их проис-

хождение. И она, собрав осколки поврежденного черепа Моряка, соединила их с помощью пистолета для склеивания. Однако в Коломбо нельзя было найти и половины оборудования, в котором они с Саратом действительно нуждались и которого полно в Америке. Кирки, лопаты и веревки. Она отправилась в лавку компании «Карджилл» и купила пару кисточек для бритья и маленький веник.

Когда Сарат наконец появился в министерстве археологии, он нашел Анил у стены с картами. С того вечера, который они провели в Галле-Фейс-Грин с его братом, прошло несколько дней. На следующий день она попыталась связаться с Саратом, но тот исчез, как будто сквозь землю провалился. Тем временем пришла посылка от Читры, и в тот первый день она читала плохо напечатанные заметки энтомолога, а затем вытащила из сумки карту дорог.

Сегодня, воскресным утром, Сарат позвонил на рассвете и извинился за ранний звонок, но не за то, что исчез и не брал трубку. Он попросил ее встретиться с ним в министерстве, как он сказал, «через час».

— Вы знаете, как туда добраться? Идите от своего дома прямо, и окажетесь на Баллерс-роуд.

Она повесила трубку, взглянула на соблазнительно белевшую постель и отправилась в душ.

— У меня с собой образцы почвы с места первого погребения, — объявил он. — Я взял их из черепных ямок. Возможно, тело лежало в болоте. Его похоронили временно, в мокрой земле. Это имеет смысл. Легче копать. Его могли зарыть на рисовом поле, потом отвезти в закрытую зону и спрятать там, среди старых скелетов. Во всяком случае, я думаю, что изначально он находился где-то здесь, — он указал на карту, — в районе Ратнапуры. К юго-западу отсюда. Нам надо проверить уровень подземных вод.

— Там водятся светлячки, — сказала она, и он озадаченно посмотрел на нее. — Мы можем действовать более направленно, сузить круг поисков, — пояснила она. — Светлячки. Значит, речь не идет о густонаселенном месте. Надо искать свободные пространства. Что-то вроде берега реки, куда не ходят люди. Читра, энтомолог, о которой я вам рассказывала, пришла к нам на корабль, увидела пятнышки, похожие на веснушки, и что-то записала в свой блокнот. У нее есть сотни таблиц, отображающих жизнь насекомых на острове. Она сказала, что это клей, который выделяют куколки цикад, обитающих

в лесистых районах вроде Ритигалы. И пометила на карте места их обитания. Все они находятся к югу отсюда, что соответствует вашему анализу почвы. Возможно, это где-то на краю леса Синхараджа.[16]

— На северной стороне, — уточнил он. — В других местах неподходящая почва.

— Хорошо, тогда вот этот участок.

На стекле, под которым была карта, красным фломастером Сарат начертил прямоугольник. На западе — Веддагала, на востоке — Морагода, Ратнапура и Синхараджа.

— Где-то там, в лесу, есть болото или небольшое озеро, *покуна,* — уточнил он.

— Интересно, что еще там есть.

Как только министерство археологии опустело, они начали собирать необходимые карты и книги. Сарат ходил взад и вперед, таская вещи в джип, который он у кого-то взял. Анил не имела представления о том, надолго ли они уезжают и где остановятся. Наверное, в одной из любимых маленьких гостиниц Сарата. Пока он просматривал сводные таблицы почв, она сняла руководство по полевым работам с библиотечной полки.

---

[16] Примечания: 16

Массив влажного тропического леса, включен в список мирового природного наследия ЮНЕСКО.

— Где мы остановимся? В Ратнапуре? — громко спросила она. Ей нравилось эхо этого большого здания.

— Нет, за городом. Там есть одно место, где можно остановиться, *валавва*, старая семейная усадьба — мы сможем продолжать работу там. К счастью, она по-прежнему пустует. Моряк был убит где-то там, возможно, он оттуда родом. А по пути можно попытаться найти художника, о котором говорил Палипана. Я посоветовал бы вам прекратить контакты с Читрой.

— А вы *никому* не говорили?

— Я должен был встретиться с чиновниками, рассказать им, что мы намерены делать, но о нашем расследовании они ничего не знают. Я о нем не говорил.

— Как вы можете это выносить?

— Вы не понимаете, в каком тяжелом положении мы оказались. Что бы сейчас ни делало правительство, раньше, когда в стране царил хаос, было еще хуже. Поэтому вас сюда и не пускали. Законов не соблюдал никто, кроме нескольких хороших юристов. Террор был повсюду, со всех сторон. С вашими вестминстерскими правилами мы бы тогда не выжили. Поэтому правительственные силы стали нелегально осуществлять

возмездие. И на середине нас поймали за руку. Представьте, что перед вами три истца и у каждого руки в крови. Почти в каждом доме, в каждой семье жива память о чьей-то смерти или похищении, в которых виновны все участники конфликта. Я рассажу вам о том, что видел своими глазами…

Хотя в здании никого не было, Сарат огляделся:

— Я был на юге… День клонился к вечеру, рынки закрылись. Двое мужчин, вероятно повстанцы, схватили какого-то парня. Не знаю, что он сделал. Возможно, он их предал, возможно, он кого-нибудь убил, или нарушил приказ, или не сразу принял их предложение. В те дни смертные приговоры выносились на всех уровнях. Не знаю, собирались ли они его казнить, или хотели просто припугнуть и отругать, или, что наименее вероятно, простить. Он был в саронге и белой рубашке навыпуск с закатанными рукавами. Босиком, с повязкой на глазах. Его кое-как усадили на велосипедную раму. Один из похитителей сидел на велосипеде, другой стоял с винтовкой рядом. Когда я их увидел, они собирались уезжать. Задержанный не видел, что происходит вокруг и куда его везут.

Когда они тронулись с места, парню с повяз-

кой на глазах пришлось за что-то ухватиться, чтобы не упасть. Одной рукой он вцепился в руль, другой обнял своего похитителя за шею. Эта неизбежная интимность вносила диссонанс. Они, покачиваясь, двинулись вперед, человек с винтовкой ехал на другом велосипеде.

Им было бы легче идти пешком. В происходящем просматривался какой-то странный ритуал. Возможно, у них велосипед свидетельствовал об определенном статусе, который они не хотели терять. Зачем сажать на велосипед человека с повязкой на глазах? Жизнь каждого была полна опасностей. И это как-то уравнивало их. Словно пьяных студентов. Парню с повязкой на глазах приходилось балансировать в такт со своим возможным убийцей. Они достигли дальнего конца улицы, миновали рынок, свернули за угол и исчезли. Из-за того что они вели себя так странно, никто из нас не забудет этой сцены.

— И что вы сделали?

— Ничего.

Изображения были высечены на камне или нарисованы красками: вид деревни с высоты соседнего холма, спина склонившейся над ребенком женщины, очерченная одной линией, — увидев их, Сарат стал воспринимать мир

по-новому Несколько лет назад они с Палипаной зашли в темноту незнакомой пещеры и в свете спички смутно различили выцветшие краски. Они вышли наружу, срезали ветви рододендронов, вернулись и зажгли их, чтобы осветить пещеру. Едкий дым свежего дерева смешался с отблесками от костра.

Это открытие было сделано в худшие для государства времена, одновременно с тысячами грязных расовых и политических актов, группового безумства и финансовой выгоды. Война, подобно яду, глубоко проникла в кровь людей, и никто не знал, как ее прекратить.

Образы в пещере в дымном свете костра. Ночные допросы, грузовики, забиравшие случайных прохожих средь бела дня. Парень, увезенный на велосипеде. Массовое исчезновение людей в Сурияканде, сообщение о массовых захоронениях в Анкумбуре, массовые захоронения в Акмеемане. И вот, когда они почувствовали, что похоронено полмира и правда сокрыта страхом, в свете пылающего рододендронового куста явилось прошлое.

Анил был непонятен смысл этого старого общепризнанного равновесия. Сарат знал, что цель ее поездки — установить истину. Но куда привела

бы их эта истина? Она стала бы искрой у спящего озера нефти. Сарат видел, что истина разделена на приемлемые части, которые использует иностранная пресса наряду с не относящимися к делу фотографиями. Бездумный жест в сторону Азии, способный вызвать новую месть и резню. В ненадежном городе истину опасно обнародовать. Сарат, как археолог, верил в истину как в принцип. Иначе говоря, он отдал бы жизнь за истину, будь от нее хоть какой-то прок.

В глубине души Сарат также знал (он часто думал об этом перед сном), что отдаст свою жизнь за высеченное на скале изображение женщины, склонившейся над ребенком. Он помнил, как тогда они стояли в мерцающем свете костра и рука Палипаны повторяла изгиб спины женщины, склонившейся в порыве любви или горя. Невидимый ребенок. В этой линии воплотилась суть материнства. В позе женщины слышался подавленный стон.

Страна качалась, хороня себя. Исчезновение школьников, смерть замученных юристов, похищение тел из массового захоронения в Хокандаре. Убийства на болотах Мутураджавелы.

АНАНДА

Они направлялись по извилистой дороге к холмам.

— Вы же знаете, у нас нет оборудования для такой работы, сказала она.

— Если этот художник так хорош, как сказал Палипана, он изобретет необходимые орудия. Вы когда-нибудь участвовали в реконструкции?

— Нет. Мы этим никогда не занимались. Осмелюсь сказать, мы даже над ними подсмеивались. Считали чем — то вроде исторических комиксов. Всех этих диорам и тому подобного. Вы сделаете слепок с черепа?

Зачем?

Прежде чем вручить этому типу, назовем его недипломированным специалистом. Кстати, мы сошлись на том, что он пьяница.

— Нельзя сделать слепок, не переполошив весь Коломбо. Мы просто отдадим ему череп.

— Я не отдам.

— На это уйдут недели. Здесь не Брюссель и не Америка. В этой стране современным бывает только оружие.

— Ну ладно, давайте сначала отыщем этого парня и посмотрим, может ли он твердо держать в руках хотя бы кисть.

Они подъехали к нескольким плетеным, обмазанным глиной хижинам на краю деревни. Там им сказали, что человек по имени Ананда Удугама живет теперь со своими родственниками не здесь, а в соседнем городке, у бензоколонки. Они отправились дальше, и она смотрела, как Сарат выходит из машины и бродит взад-вперед по улицам, расспрашивая про Ананду. Когда они наконец-то его нашли, он выглядел так, будто только что очнулся от вечернего сна. Сарат знаком подозвал ее, и она подошла.

Сарат объяснил, что им нужно, сослался на Палипану и обещал заплатить. Человек в очках с толстыми стеклами сказал, что ему нужны резинки вроде тех, что бывают на конце карандаша, и маленькие иглы. Еще он сказал, что должен взглянуть на скелет. Они открыли заднюю дверцу джипа. Человек посветил их карманным фонариком, пройдясь лучом вверх и вниз по изгибам ребер. Анил подумала, что подобный осмотр мало что дает.

Сарат уговорил Ананду поехать вместе с ними. С сомнением качая головой, тот зашел к себе

в комнату и вскоре появился вновь, неся свои пожитки в маленькой картонной коробке.

За два часа до въезда в Ратнапуру их остановили на пропускном пункте, солдаты лениво вышли из тени по обе стороны дороги и направились к ним. Они сидели молча, с притворной вежливостью протягивая свои удостоверения, когда чья-то рука просовывалась в окно и щелкала пальцами. Документы Анил, по-видимому, озадачили солдат, один из них распахнул дверцу рядом с ней и встал, ожидая. Она не понимала, чего от нее хотят, пока Сарат шепотом ей не объяснил. Тогда она вышла.

Солдат заглянул в машину, вытащил ее сумку и с шумом вытряхнул ее на капот. Все, что лежало внутри, оказалось на солнце, очки и ручка упали на асфальт и остались там. Когда Анил шагнула вперед, чтобы их подобрать, солдат вытянул вперед руку. В полуденном солнечном свете он медленно рассматривал каждый предмет, держа перед собой: отвинтил крышку пузырька с одеколоном и понюхал, взглянул на почтовую открытку с птицей, вытряхнул бумажник, вставил карандаш в кассету и молча ее покрутил. В сумке не было ничего по-настоящему ценного, но медлительность его движений смущала и раздра-

жала Анил. Открыв крышку ее будильника, он вытащил батарейку. Заметив другие батарейки, еще запечатанные в пластик, он забрал их тоже и передал другому солдату, который отнес их к углублению, наполненному песком, в стороне от дороги. Оставив сумку и ее содержимое, солдат отошел в сторону и, даже не оглянувшись, жестом разрешил им ехать дальше.

Ведите себя тихо, — донесся до нее из темноты джипа голос Сарата.

Она сложила вещи в сумку и села на заднее сиденье.

— Батарейки нужны для изготовления самодельных бомб, — пояснил Сарат.

— Я знаю, — огрызнулась она. — Знаю.

Пока они отъезжали от поста, она повернулась к Ананде, безмятежно вертевшему в руках карандаш.

Валлава находилась и Экнелигоде и на протяжении пяти поколений принадлежала семье Викрамасинге. Последний из Викрамасинге, художник, жил здесь в 1960-х. После его смерти двухсотлетний дом был передан Археологическому обществу и Историческому совету. (Дальний родственник этой семьи имел отношение к археологии.) Когда в регионе стало неспокойно и

начали пропадать люди, дом опустел и, подобно пересохшему колодцу, приобрел заброшенный вид.

Сарат впервые оказался здесь еще мальчиком, когда все думали, что его младший брат умирает. «Дифтерия», — сказали взрослые. «Что-то белое во рту», шептали врачи его родителям. И прежде чем Гамини вернулся домой из больницы, Сарат вместе с его любимыми книжками был посажен в машину и отвезен в Экпел и году, подальше от опасности. Викрамасинге путешествовали по Европе, и тринадцатилетний мальчик, оставшись только под присмотром няни, два месяца бродил по садам, рисовал карты троп, проложенных в зарослях мангустами, и создавал воображаемые города с их окрестностями. А тем временем в Коломбо, на Гриппат-роуд, его родители затворили двери и собрались ухаживать за умиравшим младшим сыном, устроившимся, как маленький принц, и вооруженным тайной смерти, о чем не ведал сам.

Лет в тридцать Сарат начал вновь посещать этот дом, когда оказывался в этих краях с археологическими экспедициями, но по меньшей мере последние лет десять он здесь не бывал. Неухоженная пустота здания неприятно поранила

его, но он помнил, где спрятаны старые ключи, под нижней перекладиной ограды в отыскал в колючих зарослях в дальнем конце сада ту самую вечную тропу мангустов.

Он открыл все комнаты, чтобы Анил с Анандой выбрали себе спальню и место для работы, а оставшиеся снова запер. Они предпочли занять как можно меньше места, а не захватывать все здание. Обойдя с Анил дом, который теперь показался ему гораздо меньше, он почувствовал, что находится одновременно в двух эпохах. Он рассказал, какие картины висели здесь на стенах прежде; тогда он прожил здесь два месяца и погрузился в себя столь глубоко, что так и не вынырнул оттуда полностью. От дифтерии почти никто не выздоравливает, сказали ему. И он твердо уверовал в смерть брата и в то, что вскоре останется единственным сыном у родителей.

Рядом послышался шорох шагов Анил. Потом ее тихий голос: «Что это?» Они вошли в комнату, выходившую во внутренний двор. На стенах огромными буквами кто-то написал углем два сингальских слова, МАШМКРУКА. И на стене напротив: МАДАНАРАГА.

Что это? Чьи-то имена?

Нет. Встав па цыпочки, Сарат дотянулся рукой

до коричневых букв. Не имена. *Машмкрука* это… трудно объяснить… *машмкрука* это тот, кто все крутит, переворачивает. Возможно, у него более верный взгляд на вещи, потому что он переворачивает все вверх дном. Это полудемон, мшиа, Хотя, как ни странно, *машмкрука* охраняет священное место в храме. Никто не знает, почему такая честь доверена подобной личности.

А второй?

Второй это гость. *Маданарага* означает «со скоростью любви», то есть сексуальное возбуждение. Это слово мы находим в старинных романах. Этого нет в разговорном языке.

Пока Ананда трудился над головой, Анил продолжала изучать скелет, пытаясь обнаружить «профессиональные признаки». Она провела с Саратом больше трех недель, они работали «в поле», не имея связи с городскими политическими кругами. Ни один человек в Коломбо не подозревал о том, что они обосновались в родовой усадьбе, быть может поблизости от места, где Моряка похоронили в первый раз. Не исключено, что здесь Моряк был значимой фигурой и его сумеют опознать. Здесь они будут ближе к истокам событий и их никто не потревожит.

В первое же утро после их приезда Ананда

Удугама ушел, не сказав ни слова. Сарат был удручен, Анил озабоченно молчала. Она устроила походную лабораторию во внутреннем дворе, в неровной тени баньяна, и здесь же поместила Моряка. Сарат решил заняться своими изысканиями в большой столовой. Время от времени ему приходилось возвращаться в Коломбо, чтобы пополнить запасы и отчитаться. Телефона в доме не было, если не считать периодически не работавшего сотового телефона Сарата, и они чувствовали себя отрезанными от мира.

В первое утро Ананда проснулся рано, отправился на ближайший сельский рынок, купил немного свежего пальмового сока и сел у деревенского колодца. Он заводил беседу с каждым, кто к нему подсаживался, угощал сигаретами и наблюдал за поведением местных жителей, их особыми позами и чертами лица. Ему хотелось узнать, что здесь пьют, едят ли ту пищу, от которой щеки становятся пухлее. Полнее ли здесь губы, чем в Баттикалоа? И еще: как люди смотрят, какие здесь прически. Ходят ли они пешком или ездят на велосипеде? Используют ли кокосовое масло для приготовления пищи, мажут ли им волосы? Проведя целый день в деревне, он отправился в поле и набрал три мешка глины. Смешивая два

мешка коричневой глины с мешком черной, он мог получить бесконечное разнообразие оттенков. Затем, купив в деревне несколько бутылок арака, он вернулся в *валавву*.

Он поднимался на рассвете, садился в квадрат, освещенный солнцем, и перемещался вместе с ним, как кошка. Иногда он глядел на череп, и этим дело ограничивалось. Он отправлялся в деревню и возвращался оттуда с разноцветной бумагой для воздушных змеев, почечным салом или пищевыми красками, а однажды притащил два старых патефона и набор пластинок на семьдесят восемь оборотов.

Из всех возможных помещений в огромном доме Ананда выбрал комнату, где прежде работал художник. Хотя он ничего не знал об истории этого места, ему понравилось освещение комнаты со словами МАКАМКРУКА и МАДАНАРАГА на стенах. Она выходила во внутренний двор, где трудилась Анил. Утром, когда Ананда приступал к работе над черепом, в его комнате звучала музыка. Тенор бодро начинал мелодию, некоторое время держался заданного ритма, но ближе к концу сбавлял темп. Заглянув из любопытства внутрь, Анил увидела Ананду, вертевшего ручку патефона. Рядом стоял другой патефон — с вы-

лепленным из глины постаментом, на котором красовался череп. Свободной рукой Ананда мог вращать его, как гончарное колесо, влево или вправо.

Техника реконструкции была знакома Анил. При помощи булавок с красными головками Ананда отмечал толщину плоти над костью, затем накладывал поверх слой пластилина, соразмеряя его толщину с расположением булавочных головок. В конце работы он вдавит в глину тонкие слои резинки, чтобы сформировать лицо. И тогда это лицо, составленное из разнообразных предметов домашнего обихода, уподобится монстру из дешевой лавки.

Когда Сарат уехал на три дня в Коломбо, Анил почти не общалась с Анандой. Мастер, рисовавший глаза, превращался в пьяного шахтера, а тот, в свою очередь, в реставратора головы. Они с шумом передвигались по дому, не замечая друг друга; с первого же дня начатки вежливости были отброшены. Анил по-прежнему относилась к этому проекту как к причуде Сарата.

Вечером она уносила в амбар все оборудование, которое мог попортить дождь. К тому времени Ананда уже пил. Пока он не приступил к работе над головой, его привычка не внушала опасений.

Теперь он легко раздражался, если кто-то переставлял его еду на кухне или когда ухитрялся порезаться перочинным ножом, что происходило регулярно. Однажды, когда она проводила замеры костей, он, пробираясь к дневному солнцу, задел саронгом о стол. Она прикрикнула на него, он повернулся и с яростью заорал в ответ. Затем последовал молчаливый и еще более яростный взгляд. Он удалился к себе, и Анил испугалась, что сейчас оттуда выкатится череп.

Вечером, выйдя из дома с фонарем, она отправилась его искать. Она была довольна, что он не явился к обеду (каждый готовил себе еду сам, но ели они вместе, молча). К половине одиннадцатого он еще не вернулся, и, прежде чем запереть дом — обычно это делал он, — она подумала, что стоит поискать его немного для порядка, и вышла с фонарем в темный двор.

Он лежал на низкой стене в бесчувствии, в одном саронге. Поставив на ноги, она взвалила его на себя и побрела назад.

Анил не любила пьяных. Не находила в них ничего забавного или романтичного. В прихожей, куда она его втащила, он рухнул на пол и мгновенно уснул. Разбудить его или сдвинуть с места было невозможно. Зайдя к себе в комнату, она

вернулась с плеером. Маленькая месть. Надев на него наушники, она включила плеер. Том Уэйтс, поющий «Dig, Dig, Dig»[17] из «Белоснежки и семи гномов», проник в его мозг, и Ананда в ужасе вскочил. Должно быть, он решил, что слышит голоса мертвецов. Он закружился, словно был не в силах убежать от звуков внутри его, и наконец сорвал с головы провода.

Она сидела на ступеньках внутреннего двора. Освобожденная луна смотрела сверху вниз на то, что некогда было домом Викрамасинге. Анил прокрутила плеер до песни Стива Эрла «Бесстрашное сердце»[18] с ее замысловатым текстом. В худшие для нее времена она всегда ставила Стива Эрла. Когда она слышала одну из его песен о яростной утрате, кровь начинала гулко стучать в ушах, в движениях появлялись чувственность и тоска. Она, пританцовывая, переместилась во внутренний двор, мимо скелета Моряка. Ночь была ясной, и она оставила его здесь.

Но, раздеваясь в своей комнате, она вспомни-

---

[17] Примечания: 17

«Копай, копай, копай» (англ.) — рефрен марша гномов «Heigh- Но», спетого Томом Уэйтсом для пластинки «Stay Awake: Various Interpretations of Music from Vintage Disney Films».

[18] Примечания: 18

«Fearless Heart» — песня с дебютного альбома «Guitar Town» (1986) американского автора-исполнителя Стива Эрла (р. 1955).

ла о нем, лежавшем под удушливой пленкой, вернулась и откинула пластик. Так ветер и ночь проникли внутрь Моряка. После сожжений и похорон он лежал на деревянном столе, омытый лунным светом. Анил вернулась к себе в комнату, великолепие музыки угасло.

Были ночи, когда Каллис лежал рядом с ней, едва касаясь ее кончиком пальца. Он спускался все ниже, целуя ее смуглое бедро, волосы, углубление внутри. Когда они были в разлуке, он писал, что любит звук ее дыхания в эти минуты, вдох и выдох, размеренные и непрерывные, как будто она готовится, как будто знает, что впереди ее ждет длинная дистанция. Его руки у нее на бедрах, лицо мокрое от влаги, ее раскрытая ладонь у него на шее. Или она сидела над ним и смотрела, как он кончает в ее быстро двигающуюся руку. Каждый слышал громкие нечленораздельные выкрики другого.

Перед ее глазами медленно брел Ананда — изнуренное тело горького пьяницы, по-прежнему без рубашки. Окидывая взглядом внутренний двор, он потирал руки и костлявую грудь, не догадываясь, что она прячется в одном из темных углов.

У ее рабочего стола он осторожно заложил руки

за спину, чтобы ничего не повредить, и, наклонившись, глядел сквозь толстые стекла очков на ее кронциркули и карты регистрации массы тела, словно пребывал в тиши музея. Нагнувшись еще ниже, он обнюхал разные предметы. Научный склад ума, мелькнуло у нее в голове. Вчера она заметила, как тонки пальцы, ставшие из — за его работы коричневато-желтыми.

Ананда приподнял скелет и взял на руки.

Его действия ничуть не ужаснули Анил. Порой после многих часов напряженной работы у нее тоже возникало желание наклониться и взять Моряка на руки, напоминая себе, что он был таким же, как она. Что перед ней не просто улика, а человек, со своими достоинствами и недостатками, член семьи, житель деревни.

В момент внезапной вспышки политического насилия он выкинул вперед руки, которые ему сломали. Медленно походив взад-вперед с Моряком на руках, Ананда уложил его обратно на стол. И тут он увидел Анил. Она слегка кивнула, показывая, что не сердится, медленно встала и подошла к нему. Маленький желтый листок, слетев вниз, проскользнул сквозь ребра Моряка и затрепетал внутри.

В зеркале очков Ананды отражались две лу-

ны. Это были старые, полуразвалившиеся очки: стекла примотаны к оправе проволокой, дужки обернуты старой тканью, вернее, тряпкой — об нее можно было вытереть грязные пальцы. Анил хотелось обменяться с ним информацией, но она давно забыла тонкости когда-то общего для них языка. Она могла бы рассказать ему, каким образом измерения костей Моряка связаны с его осанкой и ростом. А он… бог знает, какие прозрения его посещали.

Когда Ананда заходил в тупик с реконструкцией черепа, он уничтожал результаты своего труда, скалывая глину. Это представлялось Анил пустой тратой времени. Однако на следующее утро он прекрасно помнил толщину и фактуру мышечной ткани и мог за двадцать минут восстановить работу предыдущего дня. Затем, немного поразмыслив, он делал следующий шаг. Как будто ему надо было разогреть себя работой, чтобы сделать прорыв и более уверенно почувствовать себя в неизвестности, лежавшей впереди. Вот почему, когда она во время работы входила к нему в комнату, смотреть там было не на что. Через десять дней его жилище больше напоминало гнездо: тряпки, лоскуты, мусор, глина, повсюду мазки краски, а на стене вверху большие буквы.

И все же в ту ночь они заключили молчаливое соглашение. Он уважительно отнесся к ее инструментам, ничего не тронул, бережно поднял на руки Моряка. Под маской пьяной сентиментальности она разглядела печаль. Разъедающую пустоту. Коснувшись рукой его лба, Анил оставила его во дворе одного. Следующие несколько дней они оба хранили молчание. Возможно, той ночью он был мертвецки пьян и ничего не помнил. Два — три раза в день он ставил старую пластинку на семьдесят восемь оборотов и стоял в дверях, наблюдая, как протекает ее жизнь во внутреннем дворе.

В шесть утра она одевалась и шла пешком в школу, в миле от дома. За несколько сот метров до подъема на холм, перед мостом, дорога сужалась — с одной стороны была лагуна, с другой — соленая река. Здесь на глаза Сириссе начинали попадаться школьники — одни курили, за плечами у других висели рогатки. Они узнавали ее, но никогда не заговаривали с ней, хотя она всегда здоровалась. Позже, увидев ее в школе, они по-прежнему ее не замечали. Обогнав их на мосту шагов на пять, она на ходу оборачивалась, чтобы увидеть, с каким любопытством они ее разглядывают. Она была не намного старше их.

А они отчаянно хотели казаться взрослыми, но, вероятно, только один-два из них уже имели дело с женщинами. Они давно уже приметили шелковые волосы Сириссы, ее гибкость, когда она на ходу оглядывалась, — чувственный жест, которого они ждали.

Около половины седьмого она оказывалась на мосту. Обычно там уже были несколько лодок, с которых ловили креветок, и человек по горло в воде, чьи невидимые руки расправляли сети, заброшенные ночью с лодки его сыном. Он медленно брел по дну, пока она проходила мимо. Через десять минут Сирисса уже была в школе, переодевалась в кабинке, замачивала тряпки в ведре и принималась вытирать доски в классах. Потом выметала из комнат листья, влетевшие в зарешеченные окна, если ночью был ветер или гроза. Она работала в пустых классах, пока у нее не появлялось ощущение, что школа постепенно наполняется детьми — подростками и юнцами постарше, — слетевшимися сюда, словно птицы; их голоса звучали все громче, как будто они договорились встретиться на лесной поляне. Она ходила между ними и вытирала доски, стоявшие по краю песчаного внутреннего двора, где занимались ребята помладше, которые сидели

на земле перед учителем и учили сингальский, математику и английский: «Павлин — красивая птица… У него длинный хвост».

Во время утренних занятий стояла полнейшая тишина. Потом, уже днем, двор снова наполнялся шумом и телами, занятия кончались, ученики в белой форме расходились по трем-четырем соседним деревням и возвращались к обычной жизни. Она завтракала у доски в математическом классе. Разворачивала зеленый лист, в который была завернута еда, брала его в левую руку и прохаживалась перед доской, беря пищу четырьмя пальцами, кроме мизинца, даже не глядя вниз, не отрывая глаз от написанных мелом чисел и символов, чтобы уловить ход доказательства и следовать ему. Она отлично разбиралась в школьных теоремах, легко схватывая их логику. Могла вычислить высоту равнобедренного треугольника. Работая на клумбах или в холле, она всегда прислушивалась к объяснениям учителей. Потом, вымыв руки под краном, она отправлялась домой, и несколько учителей, еще стоявших в вестибюле, вскоре проезжали мимо на велосипедах.

Вечерами, во время комендантского часа, она оставалась дома, в своей комнате, с книгой и

лампой. Через неделю должен вернуться ее муж. Листая книгу, она находит свой портрет, нарисованный Анандой на тонком листе бумаги и спрятанный на последних страницах развития сюжета. Или рисунок осы с огромными глазами, который ей неприятен. Она предпочла бы пройтись после ужина по улицам, ей нравилось смотреть, как закрываются лавки. Из магазинов на темные улицы падает электрический свет. Она особенно любила это время, когда чувства как будто отключались, одно за другим, — магазин напитков, киоск, где торгуют кассетами, с прилавка убирают овощи, и улица, пока идешь, становится все темнее. Велосипед с тремя мешками картошки на раме исчезал в еще более густой темноте. В другой жизни. В другом существовании. Ведь в наше время, если люди покидают нас, мы никогда не можем быть уверены, что увидим их вновь или увидим невредимыми. Поэтому Сирисса любила спокойствие ночных улиц, где больше не велась торговля, — как в театре после представления. В лавке Вималараджи, где торговали специями, или в лавке его брата, где торговали серебром, за полуспущенными жалюзи постепенно темнели двери, полоса света становилась все тоньше, пока под металлической

дверью не оставалась золотистая линия, затем свет гас, и линия исчезала. Пока Сирисса представляла себе, что комендантский час отменен, ветер трепал ей юбку. Голуби устраивались между электрическими лампочками, произнося по складам название "Каргилл". Под крылом ночи происходило множество вещей. Неистовый бег, испуганные, обезумевшие, разъяренные и усталые профессиональные убийцы, наказывающие еще одну несогласную деревню.

Утром, в половине шестого, Сирисса просыпается и моется у колодца за домом. Одевается, съедает немного фруктов и отправляется в школу. Этот двадцатиминутный путь она знает наизусть. Знает, что, миновав мальчиков на мосту, она медленно свернет в сторону. Там будут знакомые птицы: браминские коршуны, возможно, мухоловки. Дорога становится уже. До моста остается сто шагов. Лагуна слева. Соленая река справа. Этим утром здесь нет рыбаков и дорога пуста. Она, школьная уборщица, идет по ней первой. Половина седьмого. Ей не на кого оглядываться, показывая этим жестом, что ей известно: она такая же, как они. Когда до моста остается около десяти шагов, она видит на шестах головы двух учеников, по обе стороны мо-

ста, смотрящие друг на друга. Им семнадцать, восемнадцать, девятнадцать… она не знает и не хочет знать. На дальнем конце моста еще две головы, и даже отсюда она может поручиться, что знает одного из них. Ей хочется сжаться в комок, броситься назад, но она не может. Она чувствует, что сзади кто-то есть, хотя не знает кто. Ей хочется исчезнуть, превратиться в ничто. Рассудок отказывается служить. Она даже не думает о том, чтобы освободить их от этой публичности. Она ничего не трогает, все кажется ей живым — израненным, кровоточащим, но живым. Она бросается бежать вперед, под взглядом их глаз, крепко зажмурившись, пока мост не остается позади. Теперь к школе, вверх по холму. Она продолжает бежать и вдруг видит то, чего не заметила раньше.

Анил, забыв про все, целиком погрузилась в свои мысли. Она не знала, сколько времени стоит во внутреннем дворе, размышляя о превратностях судьбы Моряка, но когда она, очнувшись, повернула голову, шею заломило, словно в ней засела стрела.

Сначала ты находишь жертву и лишь потом подозреваемого — такова непреложная истина ее работы. Несмотря на их предположение, что

Моряка убили где-то здесь, несмотря на подробности относительно его возраста и телосложения, несмотря на ее теории о его росте и весе, несмотря на «реконструкцию головы», в которую она не слишком верила, ей представлялось маловероятным, что им удастся установить его личность. Они пока ничего не знали о том мире, откуда пришел Моряк.

Но если им все-таки удастся его опознать, установить подробности убийства, что тогда? Он был одним из многих тысяч жертв. Что это может изменить?

Ей вспомнилось, как Клайд Сноу, ее учитель в Оклахоме, говорил о правах человека в Курдистане: «Одна деревня может говорить от лица многих деревень. Одна жертва может говорить от лица многих жертв». Они с Саратом знали, что за всю бурную историю гражданских войн на острове никто ни разу не был обвинен в убийстве, несмотря на официальные полицейские расследования. Но этот случай будет прямым обвинением в адрес власти.

Однако, пока они не опознают Моряка, они не могут говорить о жертве преступления.

Учителя Анил могли взять скелет семидесятилетнего человека и по признакам особой

физической нагрузки или травмы костей определить его профессию. Лоуренс Энджел из Смитсоновского института только по искривлению позвоночника вправо установил, что это каменщик из Пизы, а по переломам большого пальца убитых техасцев пришел к заключению, что те коротали долгие вечера в барах, вцепившись в седла механических быков. Кеннет Кеннеди из Корнельского университета помнил, как по фрагментированным останкам жертвы автобусной аварии Энджел определил, что это тромбонист. А сам Кеннеди, обнаружив четко выраженные линии на сгибающих мышцах пальцевых фаланг у мумии из Фив, относящейся к первому тысячелетию до нашей эры, сделал вывод о том, что это писец. Следы на мышцах объяснялись тем, что тот постоянно держал в руке специальную палочку для письма. Все началось с Бернардино Рамаццини, в своем трактате о болезнях ремесленников он описал распространенное тогда среди художников отравление свинцом. Позже англичанин Такрах говорил о деформации таза у ткачей, часами сидевших за станками. Одинаковые анатомические отклонения были отмечены у метателей копья, живших в каменном веке в регионе между Сахарой и Нигером, и у современ-

ных профессиональных игроков в гольф.

Прошлой ночью Анил просмотрела таблицы в книге Кеннеди «Воссоздание облика человека по скелету», с которой никогда не расставалась в поездках. Обнаружить явные признаки профессиональной нагрузки ей не удалось. Во время своего неподвижного стояния во внутреннем дворе она поняла, что на основе исследования лежавшего перед ней скелета можно выдвинуть *две* логически противоречивые версии. Первая состояла в том, что «деятельность» Моряка осуществлялась где — то на уровне выше плеча. Он работал с вытянутыми вперед руками, стоя прямо или наклонившись вперед. Возможно, этот человек красил стены или работал долотом. Но его труд, похоже, был тяжелее, чем у маляра. Вдобавок нагрузка на суставы была симметричной, то есть он действовал обеими руками. Его тазовые кости, туловище и ноги позволяли предположить, что все его движения требовали ловкости и сноровки, как в прыжках на батуте. Акробат? Циркач? Воздушный гимнаст — если вспомнить о руках? Но сколько цирков было в Южной провинции во время войны? Анил помнила, что во времена ее детства по стране кочевало множество бродячих цирков. Помнила, как она разглядывала детскую

книжку о вымерших животных, где одним из подобных существ был *акробат.*

Вторая версия была иной. Левая нога Моряка в двух местах была сломана. (Эти переломы не имели отношения к убийству. Они случились года за три до смерти.) А пяточные кости… пяточные кости предлагали совершенно иную биографию — человека, ведущего неподвижный, сидячий образ жизни.

Анил обвела глазами внутренний двор. Сарат, сидевший в темной комнате, был едва различим, Ананда с *виды* в зубах удобно устроился на корточках перед стоявшей на подставке головой. Анил легко могла себе представить, как он щурится за стеклами очков. Она прошла мимо него в амбар. Потом вернулась.

— Сарат, — тихо позвала она, и тот вышел во двор.

Он уловил напряжение в ее голосе.

— Я… Вы можете попросить Ананду не двигаться? Оставаться на месте. Скажите, что я хочу до него дотронуться, хорошо?

Очки Сарата сползли на нос. Он посмотрел на нее.

— Вы поняли меня?

— Не совсем. Вы хотите до него дотронуться?

— Просто попросите его не шевелиться, хорошо?

Как только Сарат оказался в его рабочем пространстве, Ананда накинул на голову из глины тряпку. Последовал короткий разговор, неуверенные односложные реплики в ответ на каждую фразу Сарата. Она медленно вошла и опустилась на колени рядом с Анандой, но, как только она до него дотронулась, он подпрыгнул.

Анил с досадой отвернулась.

— *Не, не!* — Сарат попытался объяснить еще раз.

Через некоторое время Ананда принял ту же позу, что прежде.

— Пусть он напряжется, как во время работы.

Анил обеими руками обхватила лодыжку Ананды.

Прижала большие пальцы к мышцам и хрящу, провела ими вверх и вниз по таранной кости. Ананда сухо засмеялся. Затем она спустилась вниз, к пяточной кости.

— Спросите его, почему он работает в такой позе?

Сарат ответил, что так ему удобнее.

— Нет, это неудобно, — возразила она. — Вся нога напряжена. Возникает дополнительная на-

грузка, ведущая к растяжению связок. Спросите его еще раз.

— Что спросить?

— Почему он так работает?

— Он скульптор.

— Он всегда сидит на корточках?

Сарат задал вопрос, и двое мужчин стали перебрасываться отрывистыми фразами.

— Он сказал, что привык сидеть на корточках в шахте. Подземные коридоры имеют высоту немногим больше метра. Он проработал там около двух лет.

— Спасибо. Пожалуйста, поблагодарите его…

Ее охватило возбуждение.

— Моряк тоже работал в шахте. Подойдите сюда. Взгляните на стриктуры на таранных костях скелета, у Ананды под кожей то же самое. Я в этом *уверена.* В этой области специализировался мой учитель. Взгляните на этот осадок на кости, на этот нарост. Я думаю, Моряк работал на одной из здешних шахт. Нужно раздобыть их карту.

— Вы говорите о шахтах с драгоценными камнями?

— Нет, о любых. К тому же это только одна сторона его жизни, все остальное было совсем другим. Должно быть, прежде чем сломать ногу,

он вел гораздо более активный образ жизни. Смотрите, вот его история. Очень активный человек, почти что акробат, ломает ногу и вынужден работать в шахте. Какие еще шахты здесь есть?

Два следующих дня бушевала гроза, и им пришлось остаться дома. Как только буря утихла, Анил попросила у Сарата сотовый телефон, отыскала зонт и вышла под моросящий дождь. Она спустилась по склону подальше от деревьев и направилась к дальнему концу рисового поля, где, по словам Сарата, связь была лучше.

Она нуждалась в контактах с внешним миром. В голове было слишком много одиночества. Слишком много Сарата. Слишком много Ананды.

Трубку взял доктор Перера из больницы на Кинси — роуд. Он не сразу ее вспомнил и был удивлен, что она звонит ему с рисового поля. Чего она хочет?

Она хотела поговорить с ним об отце, о котором после своего приезда старалась не вспоминать. Она извинилась, что не позвонила и не встретилась с ним раньше, до своего отъезда из Коломбо. По телефону голос доктора Переры казался глухим и утомленным.

— У вас больной голос, сэр. Вам нужно пить побольше жидкости. Так начинается вирусная

инфекция.

Она но сказала ему, откуда звонит, — ее предостерег Сарат. Когда он второй раз спросил ее об этом, она сделала вид, что связь прервалась:

— Алло… Алло!.. Я вас не слышу, сэр! — и отключилась.

*

Анил движется во тьме со сдержанной энергией. Тело напряглось, в голове неумолимо грохочет музыка. Она выжидает, чтобы попасть в такт, и прыгает, раскинув руки, запрокинув голову; черный плюмаж волос почти касается талии.

Сделав сальто назад, она касается земли руками, ее свободная юбка, не успев осознать силу тяжести, падает, прежде чем Анил встает на ноги.

Под эту музыку чудесно с кем-то танцевать. Она танцевала под нее в шумных компаниях, пируя с друзьями, излучая энергию, однако сейчас ее действо не похоже на танец, в движениях нет и следа неотделимого от танца внимания к окружающим. Она пробуждает в себе каждую мышцу, пренебрегая всеми жизненными правилами, подчиняя движениям тела весь свой интеллект. Только так она сможет взлететь, перегнувшись назад и сделав сальто в воздухе.

Плотно повязанный вокруг головы шарф держит наушники. Музыка пробуждает в ней неистовство и благодать. Ей нужна благодать, которая бывает здесь только по утрам или после предвечернего дождя, когда воздух легок и прохладен, когда рискуешь поскользнуться на мокрых листьях. Ей кажется, что она способна устремиться прочь из тела, как стрела.

Сарат смотрит на нее из окна столовой. Он никогда не видел этой женщины. Безумица, друидка в лунном свете, похитительница, умащенная маслом. Незнакомая ему Анил. Она также не видит себя в этом состоянии, хотя страстно к нему стремится. Не бабочка в мужском клубе. Не перевозчица и исследовательница костей эта сторона ее натуры ей тоже нравится, как нравится и роль возлюбленной. Но теперь она танцует под неистовую песню о любви, «Coming In From the Cold»,[19] чтобы выбить из себя чувство потери, страстно протанцовывает риторику расставания с возлюбленным. Полагая, что здраво относится к любви, она предприняла губительные действия против него, против себя, против них обоих, против сладко-горького эроса, которым она наслаждалась

[19] Примечания: 19
Песня Боба Марли с альбома «Uprising» (1980).

и который выплюнула на последней стадии их любовной истории. Слезы приходят легко. Они для нее теперь не важнее пота, не важнее пореза на ноге, полученного во время танца, ее ничто не остановит, ее не изменят ни окрик, ни сладкая улыбка любовника — ни тогда, ни сейчас.

Она в изнеможении останавливается, ни в силах пошевелиться. Она опустится на землю и ляжет на камень. На землю упадет лист. Его шорох сродни аплодисментам. Неистовая мелодия еще звучит, словно кровь, бегущая по жилам еще несколько минут после смерти. Под звуки музыки Анил чувствует, как к ней возвращается разум, зажигая свечу в темноте. Вдох и выдох, и снова вдох и выдох.

В конце недели, в саду перед *валаввой*, Ананда, усевшись рядом с Саратом, заговорил с ним по-сингальски.

— Он закончил голову, — объяснил Сарат, не поворачиваясь к Анил и продолжая смотреть в лицо Ананде. — Во всяком случае, он говорит, что она готова. Если с ней возникнут какие-то проблемы, нам лучше промолчать: он мертвецки пьян. Никаких замечаний. Иначе он исчезнет.

Она молчала, и мужчины продолжали разговор. Под пение лягушек сгущались сумерки.

Она поднялась, направилась туда, откуда доносились звуки, и погрузилась в их перекличку, пока рука Сарата на ее плече не вывела ее из задумчивости.

— Пошли. Посмотрим на нее сейчас.

— Прежде, чем он отключится? Ах да. Никакой критики.

— Спасибо.

— Я ублажаю его. Ублажаю вас. Когда наступит моя очередь?

— Не думаю, что вам нравится, когда вас ублажают.

— Все же делайте это время от времени, в виде одолжения.

Во внутреннем дворе горел факел из прутьев. На стуле стояла голова Моряка. И больше ничего, только голова и она с Саратом.

Отблески огня привели лицо в движение. Однако ее поразило другое — ее, как будто знавшую все физические особенности Моряка, не отходившую от него в его посмертной жизни, пока они передвигались по стране, спавшую всю ночь на стуле, пока он лежал на столе в гостинице Бандаравелы, знавшую следы всех травм, полученных им с детства, — ее поразило, что эта голова не просто воссоздавала его облик, перед ней была

неповторимая личность, не менее реальная, чем стоявший рядом Сарат. Как будто Анил наконец-то встретила того, о ком читала в письмах или носила на руках ребенком.

Она уселась на ступеньку. Сарат подошел к голове, потом отступил на несколько шагов и резко повернулся, словно хотел застать ее врасплох. Анил смотрела на голову в упор, привыкая. Лицо Моряка, которое она не слишком часто видела в последние дни, было спокойным. В нем не чувствовалось никакого напряжения. Лицо человека, не испытывающего тревоги. Со стороны такого несобранного и ненадежного человека, как Ананда, это было неожиданно. Обернувшись, она увидела, что Ананда исчез.

— Оно такое безмятежное. — Анил заговорила первой.

— Да. В этом вся проблема.

— В этом нет ничего плохого.

— Я знаю. Он хочет этого от мертвых.

— Он выглядит моложе, чем я ожидала. Мне нравится на него смотреть. Что вы имели в виду, когда сказали: «Он хочет этого от мертвых»?

— За последние несколько лет мы видели столько голов на шестах. Хуже всего было два года назад. Их находили рано утром, чью-то ночную

работу, а затем приходили их семьи, чтобы снять их и отнести домой. Завернуть в свою рубашку или просто унести в руках.

Своих сыновей. Это было страшно. Хуже было только одно. Когда кто-то из семьи просто исчезал и не было никаких свидетельств, жив он или мертв. В восемьдесят девятом году из школы в районе Ратнапуры пропали сорок шесть учеников и несколько преподавателей. Их увезли на машинах без номерных знаков. В военном лагере видели желтый «лансер», который потом обнаружили во время облавы. Это случилось в разгар кампании по уничтожению мятежников и тех, кто им сочувствовал в деревнях. Тогда же исчезла жена Ананды, Сирисса…

— Боже мой…

— Он рассказал мне об этом совсем недавно.

— Я… Мне стыдно.

— Прошло три года. Он до сих пор не может ее найти. Он не всегда был таким. Поэтому у головы, которую он изваял, безмятежный вид.

Анил встала и вернулась в темную комнату. Она больше не могла смотреть на это лицо, в каждой его черте она видела только жену Ананды. Она опустилась на большой плетеный стул в столовой и расплакалась. Она не могла смотреть

в лицо Сарату. Постепенно ее глаза привыкли к темноте, и она различила прямоугольник картины и рядом тихо стоявшего Ананду, смотревшего на нее из мрака.

— О ком вы плачете? Об Ананде и его жене?

— Да, — ответила она. — Об Ананде, о Моряке и тех, кого они любили. О вашем брате, работающем до изнеможения. Здесь действует только логика безумия, и никакого выхода не видно. Ваш брат сказал одну вещь, он сказал: «Нужно относиться ко всему с чувством юмора, иначе все теряет смысл». Чтобы говорить такие вещи всерьез, нужно пребывать в аду. Мы погружаемся в средневековье. Однажды, до того как мы пришли в больницу с Гунесеной, я уже видела вашего брата. Я сильно порезала руку и пришла в отделение скорой помощи, чтобы мне наложили швы. Ваш брат сидел там в черном пальто, весь в крови, и читал газету. Теперь я точно знаю, что это был Гамини. Увидев его рядом с вами, я подумала, что где-то с ним уже встречалась. Тогда я решила, что это пациент, жертва попытки убийства. Ваш брат принимает фенамин?

— Чего он только не принимал! Сейчас я не знаю.

— Он очень худой. Кто-то должен ему помочь.

— Это его выбор. Так он обретает равновесие.

— Что вы собираетесь делать с головой?

— По-видимому, он жил в одной из этих деревень. Я хочу ее показать. Быть может, кто-то его опознает.

— Не делайте этого, Сарат. Вы сказали, что здесь многие потеряли своих близких. Им пришлось иметь дело с обезглавленными телами.

— Тогда для чего мы здесь? Мы пытаемся его опознать. С чего-то мы должны начать.

— Пожалуйста, не надо.

Еще недавно Ананда стоял и слушал, как они говорят по-английски во внутреннем дворе. Теперь же он смотрел на нее, не догадываясь, что ее слезы имеют отношение и к нему. И что она поняла, что перед ней совсем не портрет Моряка; это лицо излучало спокойствие, которое Ананда наблюдал у своей жены, и умиротворенность, которую он желал всякой жертве.

Ей хотелось включить свет, но она знала, что Ананда избегает помещений с электрическим освещением. Если было слишком темно, он работал у себя в комнате с факелом. Как будто электричество однажды предало его и он потерял к нему доверие. Или, возможно, он принадлежал к поколению, выросшему в эпоху батареек и не

привыкшему к централизованному освещению. Только батарейки, огонь или луна.

Он сделал два шага вперед и вместе со слезами стер складку боли у ее левого глаза. С удивительной нежностью коснулся ее лица. Его левая рука легла ей на плечо так же ласково и сдержанно, как рука медсестры, коснувшаяся Гамини в ту ночь в палате неотложной помощи, и, может быть, поэтому Анил рассказала об этом эпизоде Сарату. Одна рука Ананды лежала у нее на плече, утешая ее, другая приблизилась к ее лицу, жестом скульптора освобождая кожу от прорвавшегося наружу напряжения плача, хотя Анил была уверена, что в это время он не чувствовал себя ваятелем. Затем другая рука на другом плече и другой большой палец под ее правым глазом. Она перестал всхлипывать. И он исчез.

Она подумала о том, что за все это время Сарат ни разу к ней не прикоснулся. С Саратом она чувствовала, что находится *рядом.* В действиях Гамини, когда он поздоровался с ней за руку в больнице или положил ей на бедро голову во сне, было больше личного. Теперь до нее дотронулся Ананда; она не помнит, чтобы кто-нибудь до нее дотрагивался так ласково, пожалуй одна Лалита. Или, быть может, мать, давным-давно,

в ушедшем детстве. Выйдя во внутренний двор, Анил увидела Сарата, который все еще смотрел на Моряка. Как и она, он, вероятно, уже понял, что этого лица не узнает никто. Перед ними была не реконструкция.

Однажды они с Саратом отправились в лесной монастырь в Аранкале и провели там несколько часов. Над входом в пещеру висел навес из гофрированного железа, защищавший от солнца и дождя. Невдалеке вилась песчаная дорожка к водоему. Каждое утро монах два часа мел тропу, сгребая тысячу листьев. К концу дня ее покрывала другая тысяча листьев и тонкие ветки. Но в полдень ее поверхность была так же чиста и желта, как река. Сама прогулка по этой желтой дороге была актом медитации.

В глубокой лесной тишине Анил не различала звуков, пока не решила к ним прислушаться. Тогда, как бы пропуская воду сквозь сито, она нашла источник шума в окружающем пейзаже, уловив крики иволог и попугаев. «Подобные места создают те, кто не может любить. Когда-нибудь приходит время отрешиться от страстей». Вот и все, что сказал Сарат в тот день в Аранкале. Большую часть времени он ходил как во сне, погруженный в собственные мысли.

Они бродили по лесу, наталкиваясь на остатки строений. За ними следовал пес, и она вспомнила тибетскую притчу о том, что монахи, не медитировавшие должным образом, в следующей жизни становятся собаками. Сделав круг, они вернулись на поляну, напоминавшую *камату*, круг на рисовом поле, где молотят зерно. На каменном уступе стояла маленькая статуя Будды, укрытая от солнца и дождя банановым листом. Над ними возвышался лес. Казалось, они стоят на дне глубокого зеленого колодца. Гофрированный навес над входом в пещеру дребезжал и сотрясался всякий раз, когда из-за деревьев вырывался ветер.

Ей не хотелось отсюда уходить.

Желания королей и сильных мира сего мешают им оторваться от земли. Их историческая слава, измеренное богатство, непреложные истины. Но в Аранкале, сказал ей Сарат, в конце двенадцатого века Асанга Мудрый и его последователи десятилетиями жили в уединении, и мир ничего о них не знал. После их смерти монастырь и лес обезлюдели. В те пустынные годы листья засыпали дороги и метла не пела песен. От купален не поднимался запах шафрана или мелии. Пожалуй, Аранкале стал еще красивее и утонченнее, подумала Анил, без людей, построивших его, когда

они уже не находились в потоках любви.

Спустя четыре века монахи вновь поселились в пещерах над бывшей храмовой поляной. Затем настала долгая эра бесчеловечности и безрелигиозности. О монастыре забыли, и это покинутое место поглотил лес. Остатки деревянных алтарей были съедены колониями насекомых. Поколения пыльцы засорили купальни, буйная растительность поглотила их и сделала невидимыми для глаз случайного прохожего, не подозревавшего об их свободной глубине, которая ныне служила пристанищем для существ, сновавших по теплому углублению в скале и безымянным растениям в этом ночном мире.

Четыре века гортанные крики птиц, которых никто не слышал. Жужжание средневековой пчелы, несущейся по воздуху. И в обветшалом колодце двенадцатого века, под отражением небес, плеск чего-то серебристого в воде.

Сарат сказал ей той ночью в Галле-Фейс-Грин:

— Палипана чувствовал себя на археологических раскопках так, словно жил там в прошлой жизни. Он мог показать, где находился водяной сад, раскопать его, воссоздать берега, посадить белые лотосы. Он годами работал в королевских парках вокруг Анурадхапуры и Канди. Стоило

ему сделать один воображаемый шаг, и он оказывался в минувших веках. Когда он стоял в Королевском лесу или у одного из скальных храмов западных монастырей, ему наверняка было сложно отличить настоящее от прошлого. Легко было определить лишь *время года* — температуру, дождь, влажность воздуха, запах пожухлой травы. И только. Других признаков времени не было… Поэтому я могу понять его поступок. Для него он стал всего лишь следующим шагом, стиравшим границы и отменявшим категории, чтобы соединить все в едином ландшафте и открыть ему ту историю, которой он никогда не видел прежде… Не забывайте, что зрение его неуклонно ухудшалось. В последние годы, почти совсем ослепнув, он решил, что наконец-то увидел между строк полустертые надписи. Когда буквы и слова стали исчезать из виду и из-под его пальцев, он ощутил в себе новую способность, благодаря которой люди, лишенные цветового зрения, на войне видят сквозь маскировку, воспринимая структуру вещей. Он жил один.

Раздался смех Гамини, который тоже слушал.

Немного помолчав, Сарат продолжал:

— В юности, когда Палипана изучал пали и другие языки, он вел одинокий образ жизни.

— Тем не менее он *обожал* женщин, — возразил Гамини. — Он был одним из тех мужчин, у кого на трех холмах три женщины. Разумеется, ты прав, он жил один… Наверно, прав.

Повторив эту фразу, Гамини аннулировал свое согласие. Он лежал на траве, глядя вверх. Море тихо билось о волнорез, тянувшийся вдоль Галле-Фейс-Грин. Добившись тишины, Гамини продолжал:

— Мы были цивилизованной страной. За четыре века до нашей эры у нас уже существовали «залы для больных». Один такой красивый зал есть в Михинтале. Сарат может показать вам его развалины. Были бесплатные амбулатории, родильные дома. В двенадцатом веке в стране было множество врачей, отвечавших за дальние деревни и даже за монахов в пещерах. Наверное, лечить этих парней было интересно. Во всяком случае, имена врачей упоминаются в одной из наскальных надписей. Существовали деревни для слепых. В древних текстах есть упоминания об операциях на мозге. Тогда были открыты аюрведические больницы, сохранившиеся до сих пор, — когда-нибудь я вам их покажу. Туда легко добраться на поезде. Мы всегда умели обращаться с болезнями и смертью. Мы были

одними из лучших. А теперь мы таскаем раненых без обезболивания по лестнице, потому что не работает лифт.

— Мне кажется, мы где-то встречались.

— Не думаю. Я никогда вас не видел.

— Неужели вы всех помните? Вы были в черном пальто.

Он улыбнулся:

— У нас нет времени на то, чтобы помнить. Попросите Сарата, он отвезет вас в Михинтале.

— О, мы уже там были, он показал мне одну забавную вещь. В конце лестницы, ведущей к храму на горе, была надпись на сингальском: ОСТОРОЖНО. КОГДА ИДЕТ ДОЖДЬ, ЭТИ СТУПЕНИ ОПАСНЫ. Кто-то переправил один сингальский слог на другой, и ныне она гласит: ОСТОРОЖНО. КОГДА ИДЕТ ДОЖДЬ, ЭТИ СТУПЕНИ ПРЕКРАСНЫ.

Сарат смеялся:

— Мой серьезный брат? В нашей семье он один обладает исторической иронией. Мы для него красноречивый пример того, почему города превратились в руины. Семь причин падения Полоннарувы как политического центра. Двенадцать причин того, почему в двенадцатом веке Галле не исчез и стал главным портом страны. Мы не слишком часто соглашаемся, мой брат и

я. Он думает, что моя бывшая жена — лучшее из того, что было в моей жизни. Возможно, он даже хотел с ней переспать. Но этого не сделал.

— Прекрати, Гамини.

— Во всяком случае, этого не делал *я*. Во всяком случае, делал не слишком часто. Я переключился на другое. Раненых привозили грузовиками. Ей не нравился запах жидкости для обработки рук. Не нравилось, что я стал принимать различные медикаменты на дежурстве. И когда оказывался с ней, меня клонило в сон. Я был не слишком пылким ухажером. Залезал в ванну и отключался. Мой медовый месяц прошел в больнице. Страна рушилась, а родственники моей жены рассуждали о том, что я редко бываю дома. Предполагалось, что я, в глаженой рубашке, должен посещать с ней званые вечера и держать ее за руку, пока мы ждем машину… Возможно, я бы тоже рассмеялся, увидев эту надпись над лестницей: опасно… прекрасно… Вам повезло, что вы там оказались. Он, — Гамини указал в темноту, — взял меня туда, когда учился у Палипаны. Палипана мне понравился. Понравилась его суровость. В сущности, он был прав. Никаких пустых разговоров. Как он себя называл?

— Эпиграфистом, — ответил Сарат.

— Специалист… по расшифровке надписей. Великолепно! Он изучал историю, как живой организм.

— Наверняка ваш брат занимается тем же.

— Наверняка. А потом Палипана рехнулся. Что скажешь, Сарат?

— Возможно, это были галлюцинации.

— Он рехнулся. Зациклился на какой-то ерунде, якобы написанной между строк, а проще говоря, на лжи.

— Он не сумасшедший.

— Хорошо, не сумасшедший. Такой же, как ты и я. Но когда все обнаружилось, никто из приближенных его не поддержал. Он, несомненно, был единственным великим человеком, которого я знал, но он никогда не был для меня «святым». Видишь ли, в сердце любой веры лежит история, которая нас учит не доверять…

— Сарат, по меньшей мере, его навестил… — вмешалась Анил.

— Навестил? Это правда?

— Раньше я его не навещал. На прошлой неделе я приехал к нему в первый раз.

— Так, значит, он один, — проговорил Гамини. — Если не считать трех женщин на трех холмах.

— Он живет со своей племянницей. Дочерью сестры.

Анил очнулась от глубокого сна. Должно быть, ее разбудил далекий рев грузовика или царапанье птичьих лапок по крыше. Она стянула с волос молчавшие наушники, ощупью нашла футболку и вышла во внутренний двор. Четыре утра. Луч фонаря высветил скелет Моряка. Значит, он в безопасности. Направив луч на стул, она увидела, что голова исчезла. Наверное, ее куда-то унес Сарат. Что ее разбудило? Какой-то кошмар? Гамини в черном пальто? Он ей снился. Или, быть может, Каллис, сейчас он далеко. Она оставила его в Боррего примерно в тот же час с раной на руке. С ее забавной валентинкой.

Во внутреннем дворе стало чуть светлее.

Ветер в черепице на крыше, сильный ветер и треск деревьев в темноте над головой. Она гордилась тем, что, укладывая вещи, не взяла с собой его фотографию. Она села на ступеньку. Ей показалось, что где-то запела птица, и она приготовилась слушать дальше. Потом, услышав сдавленный хрип, она кинулась к двери Ананды и распахнула ее. Внутри было темно.

Анил никогда не слышала подобных звуков. Она бросилась за фонариком, позвала Сарата и

вернулась назад. Ананда сидел в углу и из последних сил пытался вонзить нож поглубже в горло. Нож, пальцы и руки были в крови. В свете фонарика его глаза были похожи на глаза оленя. Звук шел непонятно откуда. Не из горла. Не может быть, чтобы из горла. Только не сейчас.

— Вы быстро прибежали? — раздался голос Сарата.

— Да, быстро. Я была во дворе. Снимите что-нибудь с кровати.

Она подошла к Ананде. Немигающие глаза были открыты, и она решила, что он уже мертв. Ей показалось, что она очень долго ждала, когда он пошевелит застывшими в воздухе руками.

— Дайте мне кусок ткани, Сарат, быстрее!

— Хорошо.

Она попыталась вытащить нож из рук Ананды, но не смогла и оставила его на месте. В воздухе стоял запах крови, стекавшей с локтя Ананды на саронг. Анил сидела на корточках, зажав между бедрами фонарик, светивший вверх.

Сарат порвал наволочку и протянул ей полоски ткани, которые она принялась обматывать вокруг шеи Ананды. Прижав большой лоскут кожи к шее, она туго его прибинтовала.

— Мне нужен антисептик. Вы знаете, где он?

Когда Сарат принес раствор, она вылила его на ткань, орошая рану. Дыхательное горло не было повреждено, оставалось туже затянуть повязку, чтобы Ананда не потерял слишком много крови, хотя он и без того дышал с трудом. Нагнувшись вперед, Анил зажала рану пальцами, нож в его руке теперь оказался у нее за спиной.

— Надо позвонить Гамини, чтобы он кого-нибудь прислал.

— Сотовый не работает. Я позвоню из деревни. Если не удастся никого найти, я отвезу его в Ратнапуру.

— Пожалуйста, зажгите лампу. Пока вы еще не ушли.

Сарат вернулся с керосиновой лампой. Та горела слишком ярко, и он прикрутил фитиль, потому что увиденное им было страшно.

— Он вызвал мертвых, — прошептала она.

— Нет. Просто он один из тех, кто пытается убить себя, потому что потерял близких.

В глазах напротив что-то дрогнуло.

Анил не заметила, как ушел Сарат. Они с Анандой остались вдвоем в углу комнаты, объединенные светом керосиновой лампы. Наверное, ей надо было поехать вместо Сарата. Тот мог бы с ним поговорить. Или Ананде нужна тишина?

Возможно. Возможно, ему помогает присутствие женщины.

Вставая с корточек, она поскользнулась в крови, потом, подойдя к кровати, оторвала от наволочки еще несколько полосок ткани. Нащупав под подушкой амулет, взяла его. Когда она вернулась, глаза Ананды были широко открыты, — казалось, они вбирают в себя все. О господи… он был без очков. Она нашла их на полу. Когда он захотел убить себя, он был в них.

Она обтерла о саронг кровь с рук и надела очки на Ананду. Внезапно, несмотря на рану, несмотря на нож, по-прежнему зажатый в правой руке, по-прежнему представлявший собой угрозу, Ананда, кажется, вернулся к ней, вновь оказался среди живых. Она почувствовала, что может говорить на любом языке, что он поймет значение любого жеста. Давно ли между ними установилась связь, когда его рука легла ей на плечо? Всего несколько часов назад. Она вложила амулет в его левую руку, но он не мог или не хотел его держать. Он снова погружался в забытье или сон.

Какое ему сейчас дело до амулета, до *байлы*? Или до очков? Или до повязки? Все это делалось ради ее спокойствия. Она не дала ему умереть. Встала на пути к желанной цели. Повязка про-

питалась кровью. Анил поднялась и в неровном свете фонаря быстро прошла через двор на кухню, к портативному холодильнику, за льдом.

Открыв его, она нашла в глубине завернутый в газету эпинефрин, который всегда возила с собой. Может быть, он замедлит кровотечение, сузит сосуды и повысит кровяное давление. Она покатала ампулу между ладонями, чтобы согреть. Встав на колени рядом с Анандой, набрала эпинефрин в шприц. Ананда смотрел на нее, не испытывая никакого интереса к происходящему, словно был где-то очень далеко. Положив левую руку ему на грудь, она осторожно придвинула его поглубже в угол, чтобы он не упал, и вонзила шприц ему в руку. Продолжая придерживать Ананду левой рукой, она снова наполнила шприц из второй ампулы, зажав ее коленями, и сделала ему еще один укол. Когда она подняла глаза, он по-прежнему смотрел сквозь нее. Но когда лекарство начало действовать, в его взгляде появился страх. Он медленно обводил глазами комнату, словно старался за что-то зацепиться, чтобы не потерять сознания. Но вскоре Ананда, вероятно решив, что умирает, вновь впал в оцепенение.

Как обычно, в десять утра в усадьбе объявился бригадир. Он приехал, чтобы взвесить чай,

собранный семью рабочими и упакованный в мешки. Анил всегда выходила во двор посмотреть на эту знакомую ей с детства церемонию. Она всегда любила густой запах, идущий от листьев, а что до этого зеленого листа, то она знала: на свете ничего нет зеленее. Она помнила свои посещения чайных и каучуковых фабрик, она хотела бы оказаться в этих царствах, когда вырастет. Чайный муж или каучуковый муж. Других вариантов не было. А дом стоит на вершине одинокой горы.

Не дозвонившись до брата, Сарат повез Ананду в ратнапурскую больницу и еще не вернулся. Она стояла у соседнего сарая с весами, а когда сборщики чая ушли, встала на дрожавшую платформу весов, нагнулась и подобрала несколько зеленых листьев.

Ночью, прежде чем отправиться спать, она принесла ведро воды и руками, стоя на коленях, оттерла пол в комнате. Она хотела сделать это, пока Ананда жив. Если ночью он умрет, ей не придется приходить сюда опять. Она трудилась полтора часа. Кровь в комнате казалась черной. Позже, во внутреннем дворе, она стянула с себя футболку и саронг и выстирала их. И лишь потом стала мыться сама — оттирая каждый дюйм кожи, где оставалась засохшая кровь, каждую прядь

тонких длинных волос. Сняв браслет, она оттерла запястье, потом бросила браслет в ведро и помыла его. Она несколько раз набирала полное ведро воды из колодца и выливала на себя. Ею овладело маниакальное возбуждение, ее била дрожь, ей хотелось говорить. Бросив одежду у колодца, она направилась в комнату и постаралась исчезнуть во сне. Она ощущала холод колодезной воды, проникший в ее изнемогшее тело, добравшийся до самых костей. Она была вместе с Саратом и Анандой, которых соединила дружба — вдвоем в машине, вдвоем в больнице, пока какой-то незнакомец пытался спасти Ананду. Она лежала, вытянув руки вдоль тела, не в силах натянуть простыню. Под утро за окном забрезжил свет. И лишь тогда она уснула, надеясь, что добрый незнакомец спасет Ананду.

Днем она открыла глаза. Рядом стоял Сарат:

— Он будет жить.

— Ох, — вздохнула она, прижав ладонь Сарата к своему лицу.

— Его спасли вы. Мгновенно пришли к нему на помощь, перевязали, дали эпинефрин. Доктор сказал, что так поступили бы немногие.

— Простое везение. У меня аллергия на пчел. Я всегда ношу его с собой. После укуса пчелы неко-

торые люди начинают задыхаться. А эпинефрин к тому же останавливает кровотечение.

— Вы должны жить здесь. Быть здесь не просто в командировке.

— Я здесь «не просто в командировке»! Я решила вернуться. Хотела вернуться.

С проселочной дороги к *валавве* ведет длинная каменистая тропа. Справа старая стена, закрытая листвой. Через тридцать шагов развилка. Если вы едете на машине, надо повернуть налево и остановиться около сарая, где взвешивают чай. Если вы едете на велосипеде или идете пешком, то направляетесь прямо к дому и входите через маленькую восточную дверь.

В этом классическом здании, построенном два века назад, жили пять поколений. Дом, откуда на него ни посмотреть, не выглядит громоздким или помпезным. Выбор места, умелая организация пространства, внимание к тому, с какого расстояния вы будете смотреть на здание, отсутствие крупных построек поблизости побуждают обратиться к себе, а не господствовать над окружающим миром. Дом всегда казался затаенным, случайно обнаруженным, как усадьба из романа «Большой Мольн».

Вы входите через ворота с характерным на-

клоном верхней перекладины и оказываетесь в обнесенном стеной саду с утрамбованной почвой песочного цвета. Здесь есть два тенистых уголка. Крыльцо и низкая каменная скамья под большим красным деревом. Здесь Анил проводит много времени, под деревом, которое, склоняясь, подобно эоловой арфе, отбрасывает на песчаную почву сотню оттенков тени разной густоты.

Сколько лет было художнику из семьи Викрамасинге, когда он умер? Сколько лет Ананде? Сколько лет было Анил, когда она стояла в аэропорту, не в силах выплакать боль бесплодного, безответного желания? Отсутствие каких органов сделало мужчин, шагающих по жизни, учтиво неверными, невербальными созданиями? Если двое любовников чувствуют, что могут убить друг друга из-за утраты или желания, что говорить об остальной планете чужих людей? О тех, кто ничуть не влюблен, кто оказался во враждебных лагерях из-за чужого честолюбия и тщеславия?

Она сидела в саду рядом с лунным деревом и кохомбой. Цветки лунного дерева, теряя лепестки, всегда смотрят на луну. Веточку кохомбы можно сорвать, расщепить и чистить ею зубы или зажечь, чтобы отогнать москитов. Это место казалось садом мудрого принца. Но принц покон-

чил с собой.

Эстетика *валаввы* никогда не становилась предметом размышлений. Усадьба служила убежищем от страха, несмотря на мирную густую тень, невысокие стены и цветущие на уровне лица деревья. Однако этот дом, песчаный сад и деревья проникли к ним в душу. Анил никогда не забудет дней, проведенных здесь. Годы спустя перед ее мысленным взором вдруг возникнет гравюра или рисунок, и она неожиданно для себя что-то поймет про них, как будто ей не говорили, что *валавва,* в которой она живет, принадлежала семье художника и сам художник тоже здесь жил. Но что такого было в его рисунке? Намеченная несколькими линиями обнаженная фигура водоноса и точно выверенное расстояние от него до дерева с изогнутым стволом, напоминавшим арфу.

Погибнуть от личных невзгод так же просто, как от общественных. Когда-то здесь одиноко жили несколько семей. Возможно, эти люди начинали тихо говорить с собой, пока точили карандаш. Или слушали еле слышные звуки транзистора, которые ловила антенна. Когда кончались батарейки, порой проходила неделя, прежде чем кто-нибудь из них отправлялся в де-

ревню, в это море электрического света! Ибо дом был возведен в эпоху керосиновых ламп, когда единственно возможным горем было личное. Но именно здесь они втроем искали ключ к общей истории. «Драма нашего времени, — заметил поэт Роберт Дункан, — в том, что все люди разделяют одну и ту же судьбу».

Гроза приходит к ним с севера. Пока они сидят под красным деревом, небо чернеет и свежий ветер колышет ветви и тени. Сарата гроза нисколько не волнует. Во время разговора его глаза устремлены вдаль.

— Пойдемте в дом…

— Останьтесь, — отвечает он. — Мы все равно уже промокли.

Анил опускается на каменную скамью лицом к нему и смотрит, как дождь ерошит ему волосы на аккуратно причесанной голове. Она сидит под дождем, ощущая свою безответственность. Такое с ней случалось в детстве. Из деревни доносится стук барабана, едва различимый в шуме дождя.

— С растрепанными волосами вы похожи на брата. На самом деле мне нравится ваш брат. — Она наклоняется вперед. — Я возвращаюсь в дом.

Она шагает по грязи к крыльцу, поднимается

по лестнице, распускает волосы и выжимает их, как ткань. Потом оглядывается. Сарат сидит с опущенной головой, шевеля губами, словно с кем-то беседуя. Она знает: нет такого корабля, на котором можно приплыть к Сарату, узнать, о чем он думает. О жене? О фреске в пещере? О струях дождя перед ним? Она вытирает руки в темной столовой и подносит левую ладонь ко рту — слизнуть дождь с браслета.

Под дождем он вспоминает, что собирался рассказать ей об Ананде. Он думал об этом, возвращаясь из больницы. Нет. О Моряке.

— Графит, — произносит он, и это слово заполняет его мысли. — Должно быть, он работал на графитовой шахте.

В ту ночь, далеко за полночь, стук барабана сквозь завесу дождя по-прежнему доносился до Анил. Он задавал темп и господствовал над всем. Она ждала, когда он умолкнет.

Голова Моряка — в исполнении Ананды — уже находилась в деревне, и там неизвестный и нежеланный барабанщик подошел к ней, сел рядом и начал играть. Анил понимала, что шансов на то, что Моряка узнают, немного. За это время исчезло столько людей. Она понимала, что имя даст скелету не голова, а признаки профессии.

Поэтому они с Саратом будут обходить деревни с графитовыми рудниками.

Барабан продолжал свою замысловатую мелодию, словно спускаясь в море по ступеням. Он смолкнет лишь тогда, когда голова получит имя. Той ночью он не умолкал.

МЫШОНОК

Когда жена Гамини, Чришанти, ушла из дому, он еще неделю жил там в окружении вещей, в которых никогда не нуждался, — современного кухонного оборудования, полосатых, словно шкура зебры, подставок под посуду. С ее уходом отпала необходимость в садовнике, уборщике и поваре. Он отпустил своего водителя. И начал ходить в отделение скорой помощи пешком. В конце этой первой недели он переселился в больницу, где, как он знал, всегда найдется свободная кровать, — так, поднявшись на рассвете, он вскоре оказывался в хирургическом отделении. Временами он хлопал себя по нагрудному карману в поисках потерянной ручки, подарка Чришанти, но почти не жалел о прошлой жизни.

Когда позвонил встревоженный брат, Гамини сказал, что не нуждается в его участии. Он уже начал принимать таблетки и протеиновый напиток и поэтому всегда был готов помочь умирающим вокруг него. *При постановке диагноза «сосудистое поражение» следует проявлять осо-*

бую осторожность. Не будь он хорошим врачом, такое поведение не сошло бы ему с рук. Он знал, что его общественная ценность сводится только к тому, что он умеет делать в больнице. Здесь он встретил свою судьбу, ведя закулисную битву с войной. Он не слушал военных новостей. Когда ему сказали, что от него плохо пахнет, это почему-то очень его огорчило. Он купил мыло «Лайфбой» и стал принимать душ трижды в день.

Жена Сарата однажды навестила его, взяв его под руку, когда он шел с дежурства в отделении скорой помощи. Она сказала, что они с Саратом приглашают его пожить у них, что он совсем одичал. Она была единственной, кому позволялось говорить такие вещи. Он пригласил ее на ланч, съел больше, чем за несколько предыдущих месяцев, и направил ее расспросы в русло ее собственных интересов. Все это время он просто смотрел на ее лицо и руки. Он был предельно любезен и ни разу ее не коснулся — если не считать того единственного раза, когда она взяла его под руку при встрече. На прощание он ее не обнял. Она бы заметила, как он исхудал.

О Сарате они не говорили. Только о ее работе на радио. Она знала, что всегда ему нравилась. Он знал, что всегда ее любил, ее беспокойные руки,

странное отсутствие уверенности у женщины, казавшейся ему совершенной. В первый раз он встретился с ней на костюмированном вечере, у кого-то в саду под Коломбо. Она была в смокинге, с зачесанными назад волосами. Он заговорил с ней и дважды пригласил на танец, но она не знала, кто он, — он был в карнавальном костюме. Это случилось несколько лет назад, тогда они оба были еще свободны.

В ту ночь он был братом ее жениха.

Он дважды предлагал ей выйти за него. Они стояли на террасе, среди деревьев кешью. Он был в гриме *якки,* в лохмотьях, и она, рассмеявшись, ответила, что помолвлена. До этого они серьезно говорили о войне, и она расценила его предложение как шутку, простое желание развлечься. Он говорил, что давно знает этот сад и часто сюда приходит. Должно быть, вы знаете моего жениха, сказала она, он тоже сюда приходит. Но он притворился, что не может вспомнить его имени. Обоим было жарко, и она расстегнула бабочку.

— Вам, наверное, тоже жарко. В этом костюме.

— Да.

Рядом был водоем с бамбуковым фонтаном, и он опустился перед ним на колени.

— Не смывайте краску в бассейн, там рыбки.

Тогда он размотал тюрбан, окунул его в воду и стал стирать грим с лица. Когда он встал, она увидела, кто он: брат ее жениха, — и он еще раз сделал ей предложение.

Теперь, несколько лет спустя, когда его брак распался, они вышли из кафетерия на улицу, где стояла ее машина. Прощаясь, он держался на расстоянии и не дотронулся до нее — только невольный голодный взгляд, невольный жест вслед удалявшейся машине.

Гамини проснулся в почти пустой палате. Побрился и оделся под пристальным взглядом лежавшего рядом пациента. Еще не рассвело, и на широкой лестнице было темно. Он медленно спустился, не касаясь перил: в их старой древесине скрывалось бог знает что. Миновал детское и инфекционное отделения, травматологию, вышел во внутренний двор, купил в уличном буфете чай и картофельную лепешку и съел их тут же, под деревом, под громкие крики птиц. Не считая редких моментов вроде этого, он неотлучно находился в больнице. Иногда он выходил и садился на скамью. Просил кого-нибудь из интернов разбудить его через час, если он уснет. Граница между сном и бодрствованием была тонка и бледна, как хлопковая нить, и он пересекал ее незаметно

для себя. Во время ночных операций ему порой казалось, что плоть, которую он режет, окружена только ночью и звездами. Очнувшись от грез, он вновь оказывался в здании больницы, мгновенно узнавая это более подходящее к случаю место. Во время ночных дежурств к нему попадали совершенно незнакомые люди, и он оперировал их, не зная даже их имен. Он редко говорил.

Казалось, он не подходит к людям, если у них нет раны пусть даже незаметной, — к зевающему в холле санитару, к пришедшему в больницу политику, с которым Гамини отказался фотографироваться.

Пока он мыл руки щеткой, сестры зачитывали ему историю болезни. Им нравилось с ним работать. Его, как ни странно, любили, хотя он не прощал ошибок. Когда он понимал, что бессилен спасти тело, над которым он трудился, он принимал жестокие решения.

— Хватит, — говорил он и покидал операционную.

— *Баста,* — сказал кто-то, побывавший за границей, и он засмеялся у вращающейся двери.

Это уже походило на человеческую беседу. Гамини знал, что никогда не был приятным собеседником. Светский разговор рядом с ним

мгновенно затихал. Иногда его будила дежурная сестра и просила помочь. Она делала это осторожно, но он мгновенно просыпался и шел за ней в одном саронге, чтобы поставить капельницу сопротивлявшемуся ребенку. Потом возвращался на больничную койку.

— Я у тебя в долгу, — говорила сестра, когда он уходил.

— Ты ничего никому не должна. Буди меня, когда понадобится помощь.

Ее свет, горевший всю ночь.

Иногда тела прибивало к берегу, волны выбрасывали их на пляж. В Матаре, или Веллаватте, или около колледжа Святого Фомы в Маунт-Лавинии, где они, Сарат и Гамини, в детстве учились плавать. Это были жертвы политических убийств — жертвы пыток в здании на Говер-стрит или на Галле-роуд, — их поднимали в воздух вертолетом, который, пролетев пару миль от берега, сбрасывал их в воду с высоты. Но лишь немногие из них возвращались в качестве улик в объятия родины.

Внутри острова трупы плыли вниз по течению по четырем главным рекам: Махавели-Ганге, Калу-Ганге, Келани-Ганге и Бентота-Ганге. И все они в конце концов оказывались в больнице на

Дин-стрит. Гамини предпочитал не иметь дела с мертвецами. Он избегал коридоров в южном крыле, куда привозили на опознание погибших. Интерны составляли список повреждений и фотографировали трупы. И все же раз в неделю ему приходилось просматривать отчеты и фотографии, подтверждая полученные выводы, фиксируя свежие шрамы от кислоты или острого металла, и ставить свою подпись.

Когда ему приходилось этим заниматься, он принимал энергетические таблетки и быстро говорил в магнитофон, оставленный ему представителем «Амнести Интернешнл». Он вставал у окна, чтобы лучше видеть страшные фотографии, прикрывал лица пострадавших левой рукой, а пульс на его запястье часто бился. Он зачитывал номер папки, давал свое заключение и ставил подпись. Это был самый черный день недели.

Он отходил от недельной стопки фотографий. Двери распахивались, и тысячи искалеченных тел проскальзывали внутрь, словно пойманные в рыболовные сети. Тысячи акул и скатов в коридорах, некоторые из темнокожих рыб еще бились…

Лица на фотографиях стали закрывать. Так он работал лучше, не опасаясь узнать погибшего.

По иронии судьбы он пошел в медицину, пола-

гая, что будет работать в стиле девятнадцатого века. Ему нравилась царившая тогда смесь дилетантства и профессионализма. Рассказывали, что доктор Спиттель, у которого во время ночной операции в Канди погас свет, вынес пациента из больницы, уложил на лавку на стоянке и направил на него свет фар. В подобных историях жизнь представала полной незаметного героизма. Это сулило удовлетворение. О нем будут вспоминать, как вспоминают о крикетисте, сыгравшем классический иннинг в один из дней 1953 года, пару недель его имя будут повторять на улицах. Прославят в песне.

В детстве, когда Гамини месяцами боролся с дифтерией, он, лежа на циновке во время дневного отдыха, мечтал лишь об одном: о жизни, которую вели его родители. Какую бы карьеру он ни избрал, образ и темп его жизни должны походить на родительский. Ранний подъем, работа до обеда, потом сон и беседа, потом еще один недолгий визит на службу. Адвокатская контора его деда и отца занимала крыло большого семейного особняка на Гринпат-роуд. В детстве ему никогда не позволялось посещать таинственные чертоги во время рабочего дня, но после пяти он, неся стакан янтарной жидкости, толкал враща-

ющуюся дверь ногой и оказывался внутри. Там стояли низкие широкие шкафы для хранения бумаг и маленькие настольные вентиляторы. Он здоровался с отцовской собакой и ставил стакан ему на стол.

И тут отец подхватывал его, усаживал к себе на колени и обнимал большими темными руками.

— Начнем с начала, — говорил он, и Гамини принимался рассказывать ему о дневных приключениях: что было в школе, что сказала ему мать, когда он пришел домой.

В детстве он прекрасно ладил со всей семьей. Оглядываясь назад, он не мог припомнить в доме нервозности или гнева. Его родители были нежны друг с другом. Они непрерывно переговаривались, что-то вместе обсуждали. Лежа в постели, Гамини постоянно слышал их приглушенную беседу, служившую как бы войлочной прокладкой между домом и внешним миром. Позже он осознал, что в доме безраздельно царил мир его отца. Клиенты приходили *к нему.* За домом был теннисный корт, где гости по уик-эндам присоединялись к их семье.

Предполагалось, что оба брата вольются в семейную фирму. Однако Сарат покинул дом, отказавшись от карьеры юриста. А через несколько

лет и Гамини предал звучавшие в доме голоса, поступив в медицинский колледж.

*

Через два месяца после ухода жены у Гамини наступил полный упадок сил, и администрация отправила его в отпуск. Идти ему было некуда, его дом опустел. Он осознал, что служба скорой помощи стала для него коконом, в котором он, даже в своем отчаянном состоянии, прятался, как некогда в доме своих родителей. Все, что он ценил, происходило здесь. Он спал в больничных палатах, покупал еду у уличных торговцев прямо у входа в больницу. А теперь его попросили покинуть мир, в котором он укрылся, который он воздвиг вокруг себя, создав своеобразную копию заведенного в детстве порядка.

Он отправился пешком в Нугегоду, где находился его дом, и постучался в запертую дверь. Пахло едой. Появился незнакомый человек, но двери не открыл.

— Да?

— Я Гамини.

— Ну и что?

— Я здесь живу.

Человек ушел, на кухне раздавались голоса.

Гамини не сразу догадался, что на него решили

не обращать внимания. Он пересек маленький сад. Его преследовал волшебный запах еды. Он никогда еще не был так голоден. Ему не нужен был дом — ему хотелось домашней еды. Он вошел через заднюю дверь. Осмотревшись, он понял, что эти люди заботились о доме гораздо лучше его. Рядом с мужчиной, не обратившим на него внимания, сидели две женщины. Он никого из них не знал. Сначала он решил, что его жена прислала своих родственников.

— Вы не могли бы дать мне попить?

Мужчина принес стакан. В саду, в бунгало, звучали крики детей, и Гамини понравилось, что все пространство используется полностью. Вспомнив о чем-то, он спросил, нет ли для него почты. Ему принесли целую кипу бумаг. Письмо от жены, которое он положил в карман. Несколько чеков из больницы. Он их открыл, подписал на обороте пару чеков и отдал одной из женщин. Два других он оставил себе. Женщина жестом пригласила его к столу, и он уселся вместе с ними. Вермишель, *пол самбол*, карри из курицы. Затем с приятно полным желудком Гамини отправился в банк. Он не скупился. Позвонил в «Куикшо», заказал машину и стал ждать в прохладном вестибюле «гринлейс». Когда машина прибыла, он

сел рядом с водителем:

— В Тринкомали. А потом в отель «Нилавели-Бич».

— Туда я не поеду.

Он этого ожидал. Место считалось опасным, так как поблизости были повстанцы.

— Нам ничего не угрожает. Я врач. Они не трогают врачей, мы вроде проституток. Вот красный крест на ветровое стекло. Я нанимаю вас на неделю. Вы не должны меня любить и уважать. Мне этого не нужно. Остановитесь.

Он вышел из машины и перебрался на заднее сиденье, ему хотелось вытянуться. Когда машина выехала из Коломбо, он уже спал.

— Езжайте вдоль берега, — пробормотал он незадолго до этого. — Разбудите меня в Негомбо.

Гамини с водителем вошли в темный, мрачный вестибюль старой гостиницы в Негомбо. Лампочка у конторки освещала портье, сидевшего перед неумело намалеванной фреской с видом моря, и Гамини, о чем-то вспомнив, развернулся, выглянул за дверь и увидел ту же картину наяву. Выпив пива, они двинулись в путь. Около Курунегалы он попросил водителя свернуть на проселок. В нескольких милях от Курунегалы Гамини вышел из машины и попросил водителя приехать за

ним сюда завтра утром. Тот не сразу его понял. И все же Гамини захотел остаться здесь на ночь.

Отец как-то раз привез его в лесной монастырь, расположенный неподалеку, в Аранкале, еще ребенком. И раз в несколько лет Гамини старался вновь посетить это место. Так как он был военным врачом, от его веры почти ничего не осталось, но он всегда ощущал здесь великое спокойствие. Не обремененный поклажей, в одной легкой рубашке и брюках, без зонтика от солнца и без пищи, он углублялся в лес. Иногда, оказавшись здесь, он видел, что за этим местом кто-то присматривает, иногда оно закрывалось, словно глаз в лесу.

Там был колодец. Он искупался у колодца утром. Застегнул нагрудный карман рубашки на пуговицу, чтобы не выпали очки.

Через неделю Гамини вышел из отеля «Нилавели — Бич» и направился к морю. Он был сильно пьян. Он болтался по покинутому курорту вместе с поваром, ночным администратором и двумя женщинами, убиравшими пустые номера и визжавшими всякий раз, когда повар пытался столкнуть их в бассейн. Они постоянно затевали в холле возню. Он уснул на берегу, а проснулся в окружении вооруженных смеющихся людей.

Его саронг наполовину сполз. Стараясь произносить слова как можно четче, он произнес на двух официальных языках: «Я врач…» — и снова погрузился в сон. В следующий раз он проснулся в хижине, полной раненых мальчишек. Семнадцати лет. Шестнадцати. Некоторые даже моложе. Он как-никак был в отпуске и сообщил об этом одному из вооруженных людей:

— К семи меня ждут к ужину. Если я не появлюсь до половины восьмого, они не станут накрывать на стол…

— Да, да. Но это… — Человек обвел рукой хижину, указывая на раненых. — Они здесь, разве нет?

Гамини, борясь со своей привычкой принимать таблетки, переключился на алкоголь и не совсем понимал, насколько пьян. Он много спал. А проснувшись, обнаруживал себя в чужом саду. Он испытывал не столько желание, сколько потребность спать. В своих снах он вносил и выносил тела из лифтов. Лифты всегда вызывали у него клаустрофобию, но это было лучше скрипучего головокружения лестниц.

Когда повстанцы нашли его на берегу спящим, у его ног плескались морские волны. Они искали туриста, который, кажется, был врачом. Одна

из женщин около бассейна направила их на побережье.

Гамини расхаживал по хижине, глядя на лежавшие перед ним тела. Раны замотаны тряпьем, ни обезболивающих средств, ни перевязочных материалов. Он послал в свой гостиничный номер солдата с ключом — за простынями, чтобы их разорвать, и за пластиковым пакетом с кое-какими полезными вещами — лосьоном после бритья, таблетками. Тот вернулся в одной из его рубашек. Гамини вытряс таблетки на стол и разломил на четвертинки. Назревали проблемы с общением. Он очень плохо говорил по-тамильски, они не знали сингальского. Оставались несколько английских слов, которыми Гамини обменивался с командиром.

Была вторая половина дня, и он проголодался. Он пропустил ланч, и теперь гостиничная прислуга отдыхала. Он попросил командира раздобыть ему еды, надеясь, что вдали не раздадутся выстрелы. И начал работать, двигаясь вдоль ряда раненых.

Большая часть из них выживет, но потеряет руку или ногу или получит другие увечья. Он уже видел жертв подобных ранений во время краткой поездки в Тринкомали. Гамини, с деревянным

ящиком в руках, продолжал обход импровизированной палаты. Усевшись рядом с каким-нибудь мальчишкой, он перевязывал ему руки кусками простыни. Тем, кого он собрался оперировать, он давал четверть таблетки из своих драгоценных запасов, чтобы к тому времени они уже были под кайфом. Его поразило мощное воздействие этих крохотных кусочков — сам он уже больше года глотал таблетки целиком. Через пятнадцать минут после приема лекарства трое повстанцев крепко прижимали пациента к кровати, а Гамини зашивал рану. Было невыносимо жарко, он уже снял рубашку и обвязал запястья тряпками, чтобы пот не стекал по пальцам. Его неудержимо клонило в сон, он начинал моргать, что всегда служило сигналом, а еду все не несли. Гамини, подавив вспышку гнева, улегся рядом с телами и, свернувшись в клубок, уснул.

Он громко храпел. Когда от него ушла жена, Гамини упрекнул ее в том, что это из-за храпа. Теперь, когда мальчишки вокруг него затихли, его никто не потревожит.

Его разбудил крик боли. Он вышел и ополоснул лицо под краном. К этому времени на велосипеде доставили повара, и медленно, на сингальском, Гамини попросил его привезти десять порций

еды на всех и непременно включить расходы в его счет. Это возымело действие. С прибытием ужина операции прекратились. Служащие отеля привезли ему две бутылки пива. За ужином, вспомнив об исчезновении доктора Линуса Кореи, он задал себе вопрос, вернется ли он сам когда-нибудь в Коломбо.

Он продолжал работать ночью, склонясь над пациентами, пока кто-нибудь по другую сторону кровати держал старую газовую горелку. Когда действие таблетки кончалось, некоторые начинали бредить. Кто отправил тринадцатилетних мальчишек сражаться? За какое безумное дело? За престарелого лидера? Выцветшее знамя? Ему пришлось напомнить себе, кем были эти люди. Такие, как они, устанавливали бомбы на запруженных народом улицах, автобусных остановках, рисовых полях и в школах. Сотни жертв погибли на операционном столе. Тысячи потеряли ногу или часть кишечника. Но, несмотря на это, он оставался врачом. Через неделю он вернется к работе в Коломбо.

После полуночи он пришел по берегу в гостиницу в сопровождении вооруженных людей. В своем номере он сразу же заметил исчезновение купленного в Курунегале будильника. Гамини

улегся на кровать без простыней и уснул.

Когда между ним и его братом началась тайная война? Она началась с желания быть не таким, как он, и даже с невозможности ему подражать. По духу Гамини всегда оставался младшим, всегда вторым. Его прозвали *мия,* Мышонок. Ему нравилось уходить от ответственности, нравилось наблюдать за происходящим, оставаясь в стороне. Большую часть времени его родители даже не замечали его; он сидел, притаившись в кресле, с книгой на коленях, навострив уши, прислушиваясь к разговорам, как верный пес. Сарату нравилась история, отцу — юриспруденция, Гамини скрывал свои пристрастия. Его мать, в юности мечтавшая о музыкальной карьере, теперь дирижировала всеми ими. Она так и осталась загадкой для Гамини. Ее любовь была направлена на всех, а не конкретно на него. Ему трудно было представить ее себе в роли возлюбленной отца. Она казалась *бездетной,* просто стараясь ладить с тремя мужчинами — словоохотливым мужем, умным, обреченным на успех старшим сыном и вторым, скрытным сыном, Гамини. Мышонком.

Из-за того что никто из сыновей не захотел продолжить карьеру отца в семейной юридической

фирме, матери приходилось защищать позицию каждого из них — одна нога в стане каждого из сыновей, рука на мужнином плече. Так или иначе, они разошлись. Сарат устремился в археологию, Гамини — в медицинский колледж, но прежде всего в мир за пределами семьи. Теперь они узнавали о нем лишь по слухам о его бесчинствах. Если раньше они не всегда замечали присутствие Гамини в доме, теперь на них обрушилась лавина отвратительных историй о его поведении. Казалось, он хочет, чтобы они отказались от него, и в итоге из чувства стыда они отказались.

На самом деле он любил свой семейный мир. Хотя однажды в разговоре с ним жена Сарата возразила: «Что за семья станет звать ребенка Мышонком?» Она представила себе, каким он был в детстве, — обделенный вниманием взрослых, с большими ушами, в большом кресле.

Однако он был не против. Думал, что так бывает со всеми детьми. Он и его брат были довольны одиночеством, отсутствием необходимости говорить друг с другом.

— Это меня и бесит, возразила жена Сарата. — Это меня бесит в вас обоих.

Беседуя с ней, Гамини по-прежнему представлял себе детство благодатной порой, тогда как

она видела в нем ребенка, который еле выжил и никогда не был уверен в любви окружающих.

— Меня баловали, — возражал он.

— Ты чувствуешь себя уверенно лишь тогда, когда ты один и действуешь на свой страх и риск. Тебя не баловали, тебя не замечали.

— Я не собираюсь всю оставшуюся жизнь упрекать мать в том, что она мало меня целовала.

— Но мог бы.

Ему нравилось его детство, думал он. Нравилось бродить по темным комнатам днем, прослеживать путь муравьев на балконе, доставать из шкафов одежду, наряжаться и петь перед зеркалом. И великолепие кресла осталось вместе с ним. Ему хотелось пойти и купить себе точно такое же, немедленно — прерогатива и прихоть взрослых. В тяжелые минуты он вспоминал не о матери или отце, а об этом кресле.

— Я остаюсь при своем мнении, — тихо произнесла жена Сарата.

Сарат, по мнению родителей, был одарен счастливым характером. Они втроем смеялись и спорили за обедом, пока Гамини наблюдал за их манерами и поведением. Когда ему исполнилось одиннадцать, он стал гордиться тем, что хорошо умеет передразнивать кого угодно, даже собак с

их уморительными гримасами.

И все же он оставался незаметным, даже для самого себя, и редко заглядывал в зеркало, если не считать переодеваний. Его дядя ставил любительские спектакли, и однажды, оставшись дома в одиночестве, Гамини нашел театральные костюмы. Он перемерил их все, включил проигрыватель и начал танцевать на диванах, распевая сочиненные им песни, пока его не прервала вернувшаяся тетка:

— Ага! Так вот чем ты занимаешься…

Он был безжалостно унижен и невообразимо смущен. Еще долго он считал себя никчемным человеком и в результате стал еще более замкнутым. Он затаился и почти не осознавал тонких движений своей души. Впоследствии он оживлялся только в компании чужих людей — в угаре последних часов вечеринки или в хаосе палат скорой помощи. Там пребывала благодать. Именно там люди могли забыться, словно в танце. Добиваясь любви или действуя в неотложной ситуации, они были слишком поглощены своим мастерством или желанием, чтобы осознавать свою силу. Он мог находиться в центре событий и все же чувствовать себя незаметным. Тогда-то и началась его известность.

Преграда, в детстве отделявшая его от семьи, осталась. Он не хотел, чтобы она исчезла, не хотел, чтобы вселенные слились. Он не осознавал этого. Осознание пришло позднее, во время страшного кризиса, с необычайной ясностью. Он будет обнимать своего брата, понимая, что еще в детстве чувствовал, что этот добросердечный брат был для него катализатором свободы и тайны, к которым он всегда стремился. Через несколько лет Гамини, стоя рядом с Саратом, выскажет ему все, потрясенный своей невольной местью. Когда мы молоды, думал он, наше главное правило — отражать чужие посягательства. В детстве мы это понимаем. Тебя, словно остров в море, всегда окружают волны осуждения семьи. Поэтому юность прячется под обличьем чего-то нежного, как росток, или грубого, как кора. И мы становимся приветливее и откровеннее с чужими людьми.

В последних классах школы Мышонок настоял на том, чтобы его перевели в Канди, в интернат при Тринити-колледже. Чтобы большую часть года жить вдали от семьи. Ему нравился медленно ползущий тряский поезд, увозивший его вглубь страны. Он всегда любил поезда, никогда не покупал автомобили, никогда не учился их водить.

В двадцать лет он наслаждался ветром, бьющим в его пьяное лицо, когда поезд нырял глубоко под землю, в страшные грохочущие туннели. Он обожал вести волнующие, задушевные беседы с чужими людьми. Разумеется, он понимал, что все это болезнь, однако в душе был не против этой отстраненности и анонимности.

Он был нежным, нервным и нуждался в людях. Проработав более трех лет на севере, в периферийных больницах, он стал еще более замкнутым. Его женитьба, случившаяся годом позже, распалась почти мгновенно, и потом он почти всегда был один. Во время операций ему был нужен всего один помощник. Остальные могли смотреть и учиться на расстоянии. Он никогда не объяснял, что он делает или собирается делать. Он никогда не был хорошим учителем, но был хорошим примером.

Он любил всего одну женщину, но женился не на ней. Позже, в полевом госпитале близ Полоннарувы, была другая женщина. В конце концов он почувствовал, что находится в одной лодке с демонами, при этом оставаясь единственным нормальным здравомыслящим человеком. Идеальным участником войны.

В комнаты, где в детстве жили Сарат и Гамини,

не проникал свет солнца, шум машин, собачий лай и лязганье металлической калитки. Гамини помнит крутящееся кресло, в котором он вертелся волчком, вовлекая в вихревой беспорядок бумаги и полки, запретную атмосферу конторы своего отца. Гамини представлялось, что все конторы хранят ужасные тайны. В подобных помещениях он, даже повзрослев, казался себе ничтожным и бесправным. В банках и юридических конторах он совершенно терялся, словно школьник в кабинете у директора, отчаявшийся что-то объяснить.

Наше развитие идет окольными путями. Гамини вырос, не зная половины вещей, которые ему, как он считал, полагалось знать. Ему приходилось находить и делать странные пересадки, так как он не знал обычных маршрутов. Почти всю жизнь он оставался мальчиком, вертевшимся в кресле. Не получая доступа ко многим вещам, он тоже сделался вместилищем тайн.

В доме своего детства он прижимал правый глаз к дверной ручке, тихо стучался в дверь и, если не получал ответа, проскальзывал в комнату родителей, в комнату брата, в дядину комнату во время дневного сна. Потом подходил босиком к кровати, смотрел на спящих, смотрел в окно и

уходил. Там было не слишком интересно. Или он молча приближался к группе взрослых. У него уже появилась привычка говорить лишь тогда, когда спрашивают.

Когда он жил у тетки в Боралесгамуве, она играла в бридж с подругами на длинной веранде вокруг дома. Он подкрался к ним с горящей свечой в руке, прикрывая пламя. Поставил ее на столик примерно в шаге от них. Никто его не заметил. Он тихо вернулся в дом. Вскоре Гамини, с духовым ружьем в руках, полз по траве из дальнего конца сада к дому. Чтобы стать еще более незаметным, он водрузил на голову маскировочную шляпу из листьев. До него доносились обрывки разговора, женщины назначали масть, вяло переговаривались.

По его расчетам, они находились шагах в двадцати от него. Он зарядил духовое ружье, лег в позу снайпера, упершись для большей устойчивости локтями в землю и раздвинув ноги, и выстрелил. Он промахнулся. Перезарядив ружье, он снова прицелился. На этот раз он попал в столик. Одна из женщин огляделась, подняв голову, но никого не увидела. Он хотел одного — погасить свечу выстрелом, но следующая пулька пролетела слишком низко, всего в нескольких дюймах от

красного пола веранды, угодив кому-то в лодыжку. Вскрикнув, миссис Кумарасвами, его тетка, подняла глаза и увидела его, с прижатым к щеке воздушным ружьем, целящегося прямо в них.

По-настоящему счастливым Гамини почувствовал себя тогда, когда за беспорядочной юностью пришло опьянение работой. Получив свое первое назначение в больницу на северо-востоке страны, он наконец-то отправился в путешествие, как ему казалось, в стиле девятнадцатого века. Он вспомнил мемуары старого доктора Петерсона, писавшего о подобных поездках лет шестьдесят назад. В книге были гравюры: повозка, запряженная волами, тащится по ухабистым дорогам, соловьи пьют из цистерны. Особенно ему запомнилось одно предложение:

Добравшись на поезде до Матары, остаток пути я проделал на конной повозке, перед которой шел горнист, трубивший в горн, чтобы отпугнуть с дороги диких зверей.

Теперь, в разгар гражданской войны, он тащился на пыхтевшем автобусе почти по тем же местам, почти по тому же ландшафту. В глубине романтической души ему хотелось бы увидеть горниста.

На северо-востоке работали всего пять врачей.

Лакдаса отвечал за поездки на периферию, в дальние деревни. Сканда, главный хирург, устанавливал очередность помощи раненым. С ними всего год работала одна кубинка, К. Она была глазным врачом и появилась здесь три месяца назад.

— У нее ненадежный диплом, — через неделю заявил Лакдаса, — но она много работает, и я ее не отпущу.

И еще был новоиспеченный доктор Гамини.

Из базового госпиталя в Полоннаруве они ехали в периферийные больницы, где некоторым из них приходилось жить. Анестезиолог появлялся раз в неделю, в операционный день. Если в другие дни приходилось срочно кого-то оперировать, они импровизировали с хлороформом или с любыми таблетками, которые были под рукой, чтобы «отключить» пациента. Из базовой больницы они разъезжались по населенным пунктам, названий которых Гамини никогда не слышал и даже не мог найти на карте — Араганвила, Великанде, Палатиява — и там посещали больницы в недостроенных школах, принимали матерей с детьми, больных малярией и холерой.

Врачи, пережившие то время на северо-востоке страны, вспоминали, что никогда не работали так тяжело, никогда не приносили больше поль-

зы, чем этим чужакам, которых они лечили и которые проскальзывали у них между пальцев как песок. Впоследствии никто из них не вернулся к экономически выгодной карьере в частной медицине. Главному в их жизни они научились здесь. Им помогли не отвлеченные моральные качества, а практический опыт. У них не было газет, полированных столов и хороших вентиляторов. Время от времени книга, время от времени трансляция крикета по радио с комментариями, сбивавшимися с сингальского на английский. В особых случаях или во время решающего матча они приносили транзистор в операционную. Когда комментатор переходил на английский, анестезиолог Рохан давал сингальский перевод. Он был самым двуязычным из врачей, ему приходилось читать напечатанные мелким шрифтом инструкции на кислородных баллонах. (В любом случае Рохан был заядлым читателем и часто ездил в Коломбо на автобусе, чтобы послушать местного или заезжего южноазиатского писателя, новую книгу которого он прочел в лагере в Келании.) Пациенты, очнувшиеся после операции, нередко становились свидетелями самых острых моментов крикетного матча.

Они брились ночью при свече и спали чисто

выбритыми, как принцы. Просыпались в пять утра, в темноте. Лежали, пытаясь вспомнить очертания комнаты. Что там вверху — москитная сетка, вентилятор или просто спираль фирмы «Лайон»? Где они, в Полоннаруве? Они часто переезжали с места на место и спали где придется. За окном закопошились кукушки. «Баджадж». Перед рассветом из включенных громкоговорителей раздавались только треск и шипение. Когда кто-то касался их плеча, врачи открывали глаза, не издав ни звука, как на вражеской территории. В темноте трудно было сказать, где они. В Ампаре? Манампитии?

Или они слишком рано просыпались, и было только три ночи, и они боялись, что не уснут, но через минуту засыпали. В те дни никто из них не страдал от бессонницы. Они спали, как каменные изваяния, в той же позе, в которой легли на кровать, или койку, или на циновку из ротанга, спали на спине или ничком, но чаще на спине — так они могли хотя бы несколько мгновений наслаждаться отдыхом, сохраняя ясность чувств, осознанно погружаясь в сон.

Проснувшись, быстро одевались в темноте и встречались в коридорах, где их ждал горячий чай. Вскоре они отправятся в больницы за сорок

миль отсюда — две тусклые фары рассекают темноту, по краям дороги джунгли и новые пейзажи, то и дело у обочины появляются огни деревень. Они останавливались у ларьков с едой. Десять минут на завтрак из рыбных котлет в тающем мраке. Стук столовых приборов. Покашливание Лакдасы. По-прежнему никаких разговоров. Только дружеский жест переходящего дорогу с чашкой чая для другого. Эти поездки всегда казались им важными. Они чувствовали себя королями.

Гамини проработал на северо-востоке больше трех лет. Лакдаса остался там, открывая новые больницы. Глазной врач с сомнительным дипломом также навсегда застрянет на периферии. В самые тяжелые моменты Гамини видел, как она передавала практикантам растворы и тампоны, оперируя лишь в неотложных случаях. Самую острую зависть ее коллег вызывала физическая очевидность ее работы, не говоря уже о том, что она была красавицей. Гамини нравилось входить в ее палату, где каждый из лежавших на пятнадцати кроватях поворачивал лицо к дверям и у всех на смуглых лицах белела глазная повязка, общий символ принадлежности этой женщине.

Однажды кто-то принес в больницу книгу о

Юнге. Один из них нашел и подчеркнул в ней одну фразу. (У них было принято делать заметки на полях. Восклицательный знак рядом с психологически или клинически недостоверным высказыванием. Если в романе описывались немыслимые или маловероятные примеры физической отваги или сексуальных достижений, хирург Сканда писал на полях: «Это было со мной однажды… — и прибавлял уже с большей иронией: — Дамбулла, август 1978». Сцена, где мужчина встречает в гостиничном номере женщину в неглиже и та протягивает ему бокал с мартини, сопровождалась таким же комментарием. Когда Сканда покинул онкологическое отделение в Карапитии, неподалеку от Галле, его коллеги поняли, что и на новом месте он также будет уродовать книги — медицинские тексты и романы. Он был самым яростным поклонником маргиналий.) Как бы то ни было, книгу о Юнге, скорее всего, принес анестезиолог. Фотографии, эссе, комментарии и биография. И кто-то подчеркнул фразу: «Юнг *был абсолютно прав в одном. В нас обитают боги. Ошибка состоит в том, что мы отождествляем себя с богом, обитающим в нас».*

Это предупреждение, что бы оно ни означа-

ло, показалось им глубоким, и они прониклись им. Они понимали, что оно имеет отношение к чувству собственного достоинства, которое переполняло их там и тогда. Они работали не ради выгоды или политических лозунгов. Они нашли себе место вдали от властей, средств массовой информации и финансовых амбиций. Они приезжали на северо-восток на три месяца, но, несмотря на нехватку оборудования, перебои с водой и полное отсутствие предметов роскоши — если не считать банку сгущенки, которую они время от времени высасывали в машине, едущей по джунглям, — они оставались там на два-три года, а порой и больше. Для них это было лучшее место. Однажды после пятичасовой операции Сканда сказал: «Очень важно научиться жить в ситуации, когда тебе постоянно приходится использовать шестое чувство».

Из этой жизни Гамини вынес цитату о Юнге и замечание Сканды. И фразу о шестом чувстве он через несколько лет подарил Анил.

МЕЖДУ УДАРАМИ СЕРДЦА

В лабораториях Аризоны Анил встретила женщину по имени Лиф. Лиф, несколькими годами старше Анил, стала ее ближайшей подругой и постоянным компаньоном. Они работали бок о бок и, если кто-то из них уезжал в командировку, непрерывно говорили друг с другом по телефону. Лиф Нидекер — ну что это за имя, упорно задавалась вопросом Анил — познакомила Анил с изящным искусством боулинга с десятью кеглями, пронзительными криками в барах и бешеной, с крутыми виражами, ночной ездой по пустыне. *«Tenga cuidado con los armadillos, senorita».*[20]

Лиф обожала кино и до сих пор оплакивала исчезновение кинотеатров, где фильмы смотрели прямо из автомобиля. «Туфли прочь, рубашки прочь, валяешься на кожаных сиденьях „шеви"... Я больше никогда такого не испытывала». Поэтому два-три раза в неделю Анил покупала жареную курицу и появлялась в доме, который снимала Лиф. Телевизор был уже вынесен во двор и установлен прямо под юккой. Они брали напрокат

---

[20] Примечания: 20
Поосторожней с броненосцами, сеньорита (исп.).

«Искателей» или любую другую картину Джона Форда или Фреда Циннемана. Смотрели «Историю монахини», «Отныне и во веки веков», «Пять летних дней», сидя в шезлонгах или свернувшись калачиком в двойном гамаке, не отрывая глаз от спокойной, нарочито сексуальной черно-белой походки Монтгомери Клифта.

Вечера на заднем дворе у Лиф, когда-то на Западе. В полночь жара все еще не спадала. Они останавливали фильм, делали перерыв и освежались под садовым шлангом. За три месяца они сумели посмотреть все фильмы с Энджи Дикенсон и Уореном Оутсом.

— У меня астма, — говорила Лиф. — Я должна стать ковбоем.

Во дворе у Лиф они запутались в перипетиях «Красной реки», пытаясь разобраться в странном случайном выстреле Джона Айрленда перед последней дракой Монтгомери Клифта и Джона Уэйна. Они отмотали пленку назад и просмотрели этот эпизод еще раз. Уэйн грациозно повернулся, почти не сбиваясь с шага, чтобы выстрелить в друга, пытавшегося остановить драку. Стоя на коленях перед телевизором, на выжженной траве, они смотрели эту сцену кадр за кадром, пытаясь обнаружить на лице жертвы хоть какой-то при-

знак возмущения несправедливостью. Напрасно. Это был второстепенный акт, направленный против второстепенного героя, который, быть может, выжил, а быть может, и нет, и в оставшиеся пять минут до конца об этом никто не сказал. Еще один хеппи-энд в стиле Генри Джеймса.

— Вряд ли он смертельно ранен.

— Гм… мы не можем сказать, куда попала пуля. Говард Хоукс слишком быстро завершил эту сцену. Парень просто хватается за живот и падает.

— Если пуля попала в печень, ему конец. Не забудь, это Миссури, тысяча восемьсот какой-то год.

— Верно.

— А как его зовут?

— Кого?

— Парня, в которого стреляли.

— Баланс. Черри Баланс.

— Черри? Ты хочешь сказать — Джерри? Или все — таки Черри?

— Черри Баланс.

— И он друг Монтгомери?

— Да, друг Монтгомери, Черри.

— Гм…

— Не думаю, что пуля попала в печень. Смотри, под каким углом она вошла. Похоже, по восходя-

щей траектории. Наверное, пробила ребро или отскочила.

— Быть может, отскочила и убила какую-нибудь женщину в сторонке?

— Или Уолтера Бреннана…

— Нет, какую-нибудь дамочку в сторонке, которую трахал Говард Хоукс.

У женщин хорошая память. Разве им это не известно? Эти девчонки из салуна запомнят Черри…

— Знаешь, Лиф, мы должны написать книжку. «Кино глазами судмедэксперта».

— Фильмы «нуар» тяжело смотреть. Они слишком мрачные. И одежда на всех сидит мешком.

— Я возьмусь за «Спартака».

Анил рассказала Лиф, что в шри-ланкийских кинотеатрах после впечатляющей сцены — музыкального номера или сногсшибательной драки — толпа кричит «Повтори!», «Повтори!», пока администратор или оператор не выполнят их требование. Теперь на маленьком экране во дворе Лиф они прокручивали пленку то назад, то вперед, пока им не удавалось разобраться во всех деталях действия.

Больше всего они бились над фильмом «В упор». Сначала в заброшенной тюрьме на острове

Алькатрас в Ли Марвина (который когда-то играл Либерти Баланса, но это не важно) стреляет предавший его друг. Оставив его умирать, он уводит его девушку и присваивает его деньги. За этим следует месть. Анил и Лиф написали письмо режиссеру и спросили, не помнит ли он, хотя прошло столько лет, в какую часть тела Ли Марвина попала пуля, раз он сумел подняться на ноги, проковылять по тюрьме, пока шли титры, и переплыть коварные воды пролива между островом и Сан-Франциско.

Они написали режиссеру, что это один из их *любимых* фильмов, им просто интересно как специалистам. Внимательно просмотрев этот эпизод, они заметили, что рука Ли Марвина потянулась к груди.

— Посмотри, у него затруднения справа. И позже, плывя через залив, он пользуется левой рукой.

— Боже мой, это великое кино. Почти нет музыки. Много тишины.

Последний год на северо-востоке Гамини работал в базовой больнице в Полоннаруве. Туда привозили тяжелых больных со всей восточной провинции, от Тринкомали до Ампары. Убийства в семье, вспышки тифа, осколочные ранения,

покушения на политических деятелей с той и другой стороны. В больничных отделениях всегда царил хаос: амбулаторные пациенты толклись в общей хирургии, ходячие — в коридорах, из радиомагазина приезжали техники, чтобы установить электрокардиограф.

Единственным прохладным местом в больнице был банк крови, где в холодильниках хранилась плазма. Единственным тихим местом — ревматология, где какой-то мужчина бесшумно и неторопливо вращал гигантское колесо, разрабатывая плечи и руки, сломанные несколько месяцев назад, а одинокая женщина сидела, опустив артритную руку в резервуар с теплым воском. Но в коридорах, где стены были покрыты плесенью от сырости, мужчины с грохотом сгружали с повозок огромные баллоны с кислородом. Необходимый поток кислорода с шипением подавался в отделение для новорожденных, где в инкубаторах лежали дети. За пределами этой комнаты с детьми, вне стен больницы, лежала страна в состоянии войны. С наступлением темноты все дороги контролировались мятежниками, поэтому ночью не передвигалась даже армия. В детском отделении Джанака и Сурия делали обход — у одного ребенка был шум в

сердце, у другого судороги, — но, если начиналась бомбежка или нападение на деревню, они присоединялись к «летучей бригаде», и даже врачи из отделения новорожденных работали на сортировке раненых или в операционной. А в отделении оставался интерн.

Специалисты, приехавшие на север, редко ограничивались только своей областью знания. Сегодня они работали в педиатрии, а завтра помогали гасить вспышку холеры в деревнях. Если лекарства от холеры кончались, они прибегали к старому проверенному средству: растворяли чайную ложку марганцовки в пинте воды и наливали эту жидкость в каждый колодец или пруд. Помнить о прошлом всегда полезно. Однажды Гамини четыре дня пытался спасти ребенка. Девочка ничего не могла удержать в себе, даже молоко матери, даже воду, ее организм обезвоживался. Вспомнив о марганцовке, Гамини дал ей выпить раствор. Желудок его удержал. Он что-то слышал о плодах граната в песне, которую пела его *айя,* няня… В легендах говорилось, что в Джафне в каждом тамильском доме в саду растет три дерева. Манго, слива какаду и гранат. Листья сливы какаду используют для приготовления крабового карри, чтобы обезвредить яд, листья

граната замачивают в воде, чтобы промывать глаза, а плоды едят для улучшения пищеварения. Манго сажают ради удовольствия.

Когда Гамини оперировал ребенка вместе с Джанакой Фонсекой, из коридора до них донеслось сообщение о том, что одна из деревень подверглась нападению. Перед ними на операционном столе лежал маленький мальчик в одних белых трусиках, на крошечном лице большая маска. Два доктора неделю готовились к операции, ни один не делал ее раньше; они постоянно перечитывали ее описание в книге Киркланда «Сердечная хирургия». Нужно было охладить ребенка до двадцати пяти градусов по Цельсию, вливая в него холодную кровь, снижая температуру тела до полной остановки сердца.

А затем приступить к операции. Как только они сделали надрез, в больницу стали поступать раненые, и они поняли, что «летучая бригада» приступила к работе.

Он, Фонсека и медсестра остались с мальчиком. Сердце размером с гуайяву. Они открыли правое предсердие. Это походило на колдовство. Они возбужденно переговаривались, чтобы убедиться, что делают все правильно. Из коридора доносился грохот каталок, перевозивших оборудование и

тела, о состоянии которых они не могли судить. Они услышали, что в тридцати милях отсюда мятежники вырезали почти всю деревню. Нужно послать кого-нибудь туда и посмотреть, не остался ли кто-нибудь в живых. Перед ними лежал ребенок с врожденным пороком сердца. Красивый ребенок. Гамини захотелось снять с него маску, чтобы вновь увидеть его лицо. Черные, полные доверия глаза, смотревшие на него, когда он делал укол, чтобы погрузить ребенка в сон.

Тетрада Фалло. Четыре сердечные аномалии, с которыми мальчик доживет лет до десяти, если его не прооперируют. Красивый мальчик. Гамини не собирался его бросать, предавать его спящего. Он оставил при себе Фонсеку, не позволив ему присоединиться к остальным.

— Я должен идти, меня все время вызывают.

— Понятно. Здесь всего один мальчик.

— Черт, я не это имел в виду.

— Ты должен остаться.

Операция продолжалась шесть часов, и все это время Гамини не отходил от мальчика. Через три часа он отпустил Фонсеку. Сестра поможет ему поставить шунт. Она была тамилкой и работала у них недавно, приехав с мужем в периферийную больницу в прошлом месяце. Гамини, стоя возле

мальчика, объяснял, что они будут делать. Мальчика следует согреть с помощью более теплой крови и в ключевой момент убрать шунт. *Тетрада Фалло.* Раньше в их стране никто не делал эту операцию.

На пятом часу операции Гамини и медсестра развернули в обратном направлении процесс, который они начали с Фонсекой. Молодая медсестра, не глядя на него, ловила каждый его жест, боясь совершить ошибку. Но она действовала безупречно и, казалось, была спокойнее, чем он сам.

— Этот инструмент?

— Да. А теперь сделайте здесь поверхностный разрез длиной три дюйма. Нет, слева.

Она разрезала кожу мальчика.

— Не оставайтесь медсестрой. Вы будете хорошим врачом.

Она улыбнулась под маской.

Как только мальчик оказался в послеоперационной палате, Гамини оставил его на попечении медсестры. Никому другому он не мог его доверить. У него было два пейджера, и он попросил ее связаться с ним, если что-то пойдет не так. Он умылся и отправился в хаос сортировки раненых. Там все, кроме него, были в крови.

На сортировку раненых ушло несколько часов. В операционной врачи работали в белых резиновых сапогах, все двери полагалось держать закрытыми. Время от времени изнемогающий от жары доктор на несколько минут забегал в банк крови, где царила прохлада, и приходил в себя между плазмой и эритроцитарной массой. Гамини вошел в хирургию. Почти в каждом отделении стоял маленький Будда, перед которым горела тусклая лампочка, и здесь он тоже был.

Все выжившие уже находились здесь. На деревушку, стоявшую у дороги на Беттикалоа, напали в два ночи. Гамини принесли девятимесячных близнецов. У каждого были прострелены ладони и правая нога, это была не случайность, а прицельная работа. Их мать убили, а их оставили умирать. Через две недели эти двое детишек были мирными, полными света созданиями. Ты думаешь: «Что они сделали, чтобы это заслужить?» — и потом: «Что они сделали, чтобы это пережить?» Их раны, по сути дела незначительные, остались с ним. Наверное, потому, что были абсолютным воплощением зла. В ту ночь было убито тридцать человек.

Потом Лакдаса отправился в деревню, чтобы произвести вскрытие, иначе родственники не

получат компенсацию. Здесь жили одни бедняки. В местных деревнях отец семейства из семи человек зарабатывал сто рупий в день, трудясь в деревообделочной мастерской. Стало быть, каждый из них мог тратить на еду пять рупий в день. Цена ириски. Политиков, приезжавших в провинцию, поили чаем и кормили обедом; их визит обходился в сорок тысяч рупий.

Доктора боролись с травмами, нанесенными всеми политическими сторонами, операционный стол был один на всех. После того как пациента снимали со стола, кровь промокали газетами, поверхность протирали деттолом и клали следующего. Из-за того что часто отключали электричество, даже в более крупных больницах, настоящей проблемой была вода, то и дело заканчивались лекарства и вакцины. Врачам приходилось ездить по деревням в поисках самого необходимого — ведер, мыльного порошка «Ринзо», стиральной машины. «Хирургические зажимы были для нас дороже золота».

Их больница жила на манер средневековой деревни. На классной доске, висевшей в кухне, указывалось число буханок хлеба и бушелей риса, необходимых для прокорма пятисот пациентов в день. Но вскоре в больницу прибыли жертвы

резни. Доктора скинулись и наняли на рынке двух писцов, которые ходили вместе с ними по палатам, записывая имена и жалобы больных. Чаще всего это были укусы змей или бешеных лис и мангустов, болезни почек, энцефалит, диабет, туберкулез и война.

Ночью все происходило по-другому. Он просыпался, и им мгновенно овладевали звуки окружающего мира. Дрались собаки, бежал какой-то человек, в бак лилась вода. Когда Гамини был маленьким, ночи пугали его, и он долго лежал с широко открытыми глазами, уверенный, что в темноте он и его кровать могут куда-то исчезнуть. Ему нужны были часы, которые громко тикают. В идеале он хотел бы, чтобы в комнате спала собака или кто-то еще — тетя или няня, которые будут храпеть. Теперь, когда он работал или спал в ночную смену, он имел полное представление обо всей человеческой и звериной деятельности за пределами освещенного пространства отделения. Затихала только жизнь птиц, такая звучная и ограниченная определенным местом днем, хотя в Полоннаруве был один петух, который ложно возвещал рассвет в три ночи. Интерны много раз пытались его убить.

Он шел вдоль больницы, от одного крыла до

другого, под открытым небом. Рядом с пятнами света, когда он проходил мимо них, тихо жужжало электричество. Такое замечаешь только ночью. Ты видишь куст и чувствуешь, что он растет. Кто-то вышел из здания, вылил в канаву кровь и закашлялся. В Полоннаруве всех мучит кашель.

Он узнавал каждый звук. Топот башмаков или шелест сандалий, скрип пружин, когда он поднимал пациента с кровати, треск ампулы. Когда он спал в палатах, он чувствовал себя частью большого существа, связанной с остальными частями нитью звуков.

Впоследствии, когда он не мог уснуть в корпусе для сотрудников, он проходил двести метров до больницы по пустынной по случаю комендантского часа улице. Ночная сестра на посту, обернувшись, узнавала его и находила ему кровать. Через несколько секунд он засыпал.

В деревенской больнице лежали двенадцать матерей с детьми. При заполнении медицинских карточек беременных женщин проверяли на диабет и анемию. Врачи беседовали с женщинами, подходившими по очереди, и изучали их истории болезни. На самодельном столике сестра заворачивала витамины в кусок газеты и разда-

вала матерям. Вместо парового стерилизатора для игл и стеклянных шприцев использовалась скороварка.

Крики начались, как только первому ребенку сделали укол, и через несколько секунд в маленькой хижине, служившей аванпостом медицины, плакали почти все дети. Через пять минут они опять молчали. Матери достали грудь и, сияя, смотрели на детей — это оказалось единственным решением и всеобщим триумфом. Эта больница обслуживала четыреста местных семей, а также триста из соседнего района. Никто из министерства здравоохранения никогда не посещал пограничных деревень.

Лакдаса, суровый брат справедливости, пользовался у врачей большим моральным авторитетом.

— Здесь мы имеем дело не с тамильской, а с человеческой проблемой.

В свои тридцать семь он был седым. Выпив, он демонстрировал сложную конфигурацию фантазий, как будто прокладывал курс по хорошо изученной карте:

— Если я выпиваю больше семидесяти двух миллиметров, страдает моя печень. Если выпиваю меньше, страдает моя душа.

Лакдаса питался в основном картофельными *роти.*[21] Курил сигареты «Золотой лист» в своем джипе, где к приборной панели был приклеен крутящийся вентилятор. Держал в бардачке саронг и спал где придется — в офисе какой-нибудь организации, в гостиной у друга на диване. Иногда он вдруг худел на десять фунтов. Он был одержим своим кровяным давлением, ежедневно его измерял и после любого совещания в больнице взвешивался и проверял сахар в крови. Он принимал полученные результаты к сведению и как ни в чем не бывало носился по джунглям и территории, занятой войсками, навещая своих пациентов. Независимо от состояния, в каком находился, если понимал, в каком состоянии находится.

В субботу утром Гамини и Лакдаса возвращались на машине в Полоннаруву, слушая трансляцию матча по крикету. Их ждал долгий день в больнице. Время от времени вдоль дороги попадались десятиметровые полосы зерна, которое сушили на шоссе. Такие узкие, что над ними могла пройти машина, не задев колесами сохнувших зерен. Рядом стоял человек с метлой и

---

[21] Примечания: 21
Лепешками.

делал знаки проезжавшим машинам, чтобы они ехали осторожнее, а если они все же задевали зерно, сгребал его поближе к середине.

В кафетерии базовой больницы — полчаса на перерыв — к Гамини подсела женщина, она пила чай и ела печенье вместе с ним. Было около четырех утра, и он не был с ней знаком. Он просто ей кивнул: он устал и не испытывал потребности в общении.

— Как-то раз я помогала вам на операции, несколько месяцев назад. В ночь, когда напали на деревню.

Гамини мысленно вернулся на сто лет назад:

— Я думал, вас перевели.

— Да, это правда, но теперь я вернулась.

Он совсем ее не узнавал. В те решающие часы, которые он провел вместе с ней, оперируя мальчика, она была в маске. Накануне операции, когда она была без маски, он, вероятно, взглянул на нее только мельком. Их сотрудничество было почти анонимным.

— У вас здесь работает муж, верно?

Она кивнула. На запястье у нее был шрам. Он появился недавно, иначе он его заметил бы во время операции.

Он быстро посмотрел ей в лицо:

— Рад вас видеть.

— Да. Я тоже, — сказала она.

— Куда вы уезжали?

— Он… — она запнулась, — он работал в Курунегале.

Гамини продолжал смотреть на нее, на то, как осторожно она выбирает слова. Ее лицо было юным, худым и смуглым, глаза блестели, как днем.

— На самом деле я много раз проходила мимо вас в отделении!

— Простите меня.

— Не за что. Я знаю, вы меня не узнали. Да вы и не должны. — Она замолчала. Провела рукой по волосам и замерла.

— Я видела этого мальчика.

— Этого мальчика?

Опустив глаза, она тихо улыбнулась:

— Мальчика, которого мы оперировали. Я к нему ходила… Ему дали… новое имя, Гамини. Его родители. В вашу честь. Им это стоило больших хлопот. Преодолеть всю эту волокиту.

— Прекрасно. Значит, у меня есть наследник.

— Да… Я теперь дополнительно учусь, в детском отделении. — Она хотела продолжать, но остановилась.

Он кивнул, внезапно на него навалилась усталость. То, к чему он стремился в жизни, теперь представлялось ему чем-то огромным. То, чего он хотел, затрагивало жизни многих людей, требовало долгих лет усилий. Хаос. Несправедливость. Ложь.

Она посмотрела на свой чай и допила его.

Приятно было с вами встретиться.

— Мне тоже.

Гамини редко смотрел на себя чужими глазами. Хотя его знали почти все, он чувствовал себя невидимым для окружающих. Эта женщина тихо прошла рядом с ним, и ее шаги гулко отдались в пустом доме его души. Как и во время операции, она сопровождала его мысли и действия. Когда он поворачивал руку пациента, то вспоминал о шраме у нее на запястье, о том, как ее пальцы скользнули по волосам, о том, что он хотел бы ей открыть. Но его душа не могла войти в этот мир.

*

Утром, перед шестичасовым обходом, бывает небольшой перерыв. Гамини берет с полки журнал наблюдений. С тех пор как они наняли писцов, его внешний вид значительно улучшился: безупречный мелкий почерк, названия месяцев и воскресенья подчеркнуты зелеными

чернилами. Не помня даты, он ищет лавину поступлений, которая должна совпасть со временем резни. Потом смотрит список интернов и медсестер.

Претико
Свела
Радука
Буддхика
Каашдия

Он ведет пальцем по странице, проверяя назначения, пока не находит ее имя.

Он проходит почти милю до сельской гостиницы в своем единственном приличном пиджаке. Там, в застекленной столовой, висящей над водой, как всегда, предлагают плохую еду. Дети ждут с незажженными бенгальскими огнями, в восторге от предстоящего праздника. Кусок пирога в одной руке, бенгальский огонь в другой. Лакдаса, организатор фейерверка, устанавливает на плоту «огненные колеса» и заливает огнем классные комнаты. Издалека Гамини ловит ее взгляд. Он не видел ее две недели, с тех пор как они пили чай.

Когда она оказывается поблизости, он замечает на смуглой коже маленькие красные сережки. Они принадлежали ее бабушке и хорошо видны

благодаря ее короткой стрижке под мальчика: красный камешек на каждой мочке, крохотный, как божья коровка.

— Я прячу их, когда не ношу, — говорит она.

Они бредут к развалинам, прочь от гостиницы. Объявление гласит: «ПОЖАЛУЙСТА, НЕ ВХОДИТЕ, НЕ НАСТУПАЙТЕ НА ИЗОБРАЖЕНИЕ И НЕ ФОТОГРАФИРУЙТЕ».

У нее за спиной древние фрагменты живописи, красно-белые границы покрытого краской камня, которые он может различить даже при лунном свете. С мыса они наблюдают начало фейерверка. Экзотические вспышки быстро гаснут, падая в воду, или же прыгают, как горящие камешки, в опасной близости от гостиницы.

Он поворачивается к ней. Она в его пиджаке поверх блузки с оборками.

Она чувствует эмоциональную серьезность этого сдержанного человека. Ей нужно выбраться из лабиринта, в котором они случайно оказались. Ему нравится быть рядом с ней, нравится красивое ухо с сережкой, да и другое ухо оказывается не хуже; ему нравится, что луна стоит над ними и одновременно плавает в воде, нравятся белые лилии на воде и их отражение. Его окружают истинные и ложные альтернативы.

Она берет его руку и подносит к своему лбу:

— Ты чувствуешь?

— Да.

— Это мой мозг. Я не такая пьяная, как ты, значит, я умнее тебя. И даже если бы ты не был пьяным, я разбираюсь в этом лучше тебя. Чуть-чуть. — Потом улыбка, из-за которой он прощает ей ее слова.

Она говорит с ним увереннее, чем можно было бы судить по шраму на ее запястье, ее блузка распахнута у шеи.

— Иногда ты напоминаешь мне жену моего брата, — смеется он.

— Тогда ты будешь братом моего мужа. Вот как я буду к тебе относиться. Это тоже любовь.

Он опирается спиной о павильон из камня, который кому-то другому казался огромной горой, она делает несколько шагов вперед, он думает, к нему, но она просто отдает его черный пиджак.

Он помнит, как потом они плавали, войдя обнаженными в темную воду и выбравшись на покинутый плот, с которого пускали фейерверк. Он замечает несколько силуэтов в застекленной комнате над водой. Много лет назад эту гостиницу посетила английская королева, когда была молодой. Он сидит там, пытаясь понять, как ей

удалось самым учтивым образом исчезнуть в толпе. Как…

Годом позже он вернется в Коломбо и встретит свою будущую жену. «Гамини?» — спросит женщина по имени Чрисанти, подходя к нему. «Чрисанти». Он учился в школе с ее братом. Еще один костюмированный вечер. Они без маскарадных костюмов, но оба скрыты под маской прошлого.

Некоторые пассажиры сидели в проходе вагона на корточках, с узлами или птицами в клетках.

Она должна была любить меня, сказал Гамини.

Сидевшая рядом Анил решила, что за этим последует признание. Доктор с меркуриальным характером готов излить душу. Один из видов обольщения. Но за все оставшееся время поездки — он предложил показать ей аюрведическую больницу — он не сказал и не сделал ничего такого, что могло бы сойти за обольщение. Только несколько протяжных слов, когда поезд бесстрашно нырнул в темноту туннеля и Гамини перевел взгляд со своих рук на свое отражение в стекле. Вот как он сказал ей это: опустив глаза или глядя в сторону, — а она видела лишь его раскачивающееся отражение в окне, которое

исчезло, едва они выехали на свет.

Я часто с ней виделся. Чаще, чем думали. С ее работой на радио и моими неурочными дежурствами это было легко. И мы были родственниками… Это не было ухаживанием. Оно предполагает двух танцующих людей. Что ж, наверное, мы танцевали один раз — у меня на свадьбе. «The Air that I Breathe».[22] *Помните эту песню? Романтический момент. Это как-никак была свадьба, и все могли обниматься. Я только что женился. Она уже была замужем. Но она должна была любить меня. Тогда я уже сидел на наркотиках, когда с ней встретился.*

Я никогда не сплю. Я знаю свое дело. Поэтому, когда ее привезли в больницу на Дин-стрит, я был на месте. Она выпила щелок. Самоубийцы выбирают этот способ, потому что он самый болезненный и у них есть шанс одуматься. Сначала они сжигают себе глотку, потом внутренности. Она была без сознания и, даже когда очнулась, не понимала, где она. Я повез ее в отделение скорой помощи вместе с двумя сестрами.

Одной рукой я давал ей болеутоляющие, а дру-

---

[22] Примечания: 22

«Воздух, которым я дышу» (англ.). Баллада Альберта Хаммонда и Майка Хейзлвуда, спета Альбертом Хаммондом на его альбоме «It Never Rains in Southern California» (1972).

гой подносил к носу нашатырный спирт, чтобы привести в чувство. Мне нужно было пробиться к ней. Я не хотел, чтобы она чувствовала себя одинокой перед смертью. Я вел себя как эгоист. Мне нужно было просто отключить ее сознание, дать ей уйти. Но я хотел утешить ее своим присутствием. Показать, что рядом с ней я, а не он, ее муж.

Я держал ее веки пальцами. Тряс ее, пока она не увидела меня. Ей было все равно. Я здесь. Я люблю тебя, сказал я. Она закрыла глаза, мне показалось, с отвращением. Потом ее снова начала терзать боль.

Больше я не могу тебе дать, сказал я. Тогда я окончательно тебя потеряю. Она провела себе рукой поперек горла.

Поезд засосало в туннель, и они ехали внутри, содрогаясь в темноте.

О ком вы говорите, Гамини? Она не могла его видеть. Дотронувшись до его плеча, она почувствовала, что он обернулся. Приблизил к ней лицо. Она по-прежнему ничего не видела, несмотря на редкие вспышки тусклого света.

Зачем вам ее имя? Но он не спрашивал, он просто выкрикнул эти слова.

На несколько секунд поезд вынырнул на свет,

затем скользнул в темноту другого туннеля.

В ту ночь все отделения были переполнены. Ранения и другие травмы, которые надо было оперировать. Во время войны всегда бывает много самоубийств. На первых порах это кажется странным, но постепенно начинаешь понимать. По-моему, от не смогла это вынести. Медсестры оставили меня с ней, а потом меня вызвали на сортировку раненых. Морфин подействовал, и она спала. Я нашел какого-то мальчишку в холле и оставил его за ней следить. Если она проснется, он должен найти меня в крыле «D». Было три ночи. Боясь, что он уснет, я дал ему половинку бензедрина. Позже он нашел меня и сообщил, что она проснулась. Но я не смог ее спасти.

Окно в поезде было открыто, грохотали колеса. Она чувствовала порывы ветра.

Зачем вам ее имя? Чтобы сказать моему брату?

Кто-то пнул ее по лодыжке, она вздрогнула.

Покинув Аризону, Лиф больше полугода не давала о себе знать. Хотя, когда они прощались, ежесекундно обещала писать. Лиф, ее ближайшая подруга. Однажды от нее пришла открытка с изображением мачты из нержавеющей стали. На почтовом штемпеле неясно читалось: «Кема-

до, штат Нью-Мексико», но обратного адреса не было. Анил подумала, что Лиф покинула ее для новой жизни, новых друзей. *Поосторожней с броненосцами, сеньорита!* И все же Анил не убрала с холодильника фотографию, где они танцуют вдвоем на какой-то вечеринке; эта женщина была ее эхом, смотрела с ней кино на заднем дворе. Они качались в гамаке, ели ревеневый пирог, просыпались в три ночи в объятиях друг друга, а после Анил ехала домой по пустынным улицам.

На следующей открытке была параболическая антенна. И снова ни текста, ни адреса. Анил, рассердившись, ее выбросила. Через несколько месяцев, когда она работала в Европе, Лиф ей позвонила. Непонятно, как она ее нашла.

— Это нелегальный звонок, не называй меня по имени. Я подсоединилась к чужой линии.

(В юности Лиф звонила по межгороду, пользуясь украденным номером Сэмми Дэвиса-младшего.)

— Ах, Энджи, куда ты пропала? Ты же обещала писать.

— Прости. Когда у тебя отпуск?

— В январе. Месяца два. Потом я, может быть, отправлюсь на Шри-Ланку.

— Если я пришлю тебе билет, приедешь со мной повидаться? Я в Нью-Мексико.

— Да, конечно.

Так Анил вернулась в Америку. Она сидела с Лиф в кафе в Сокорро, штат Нью-Мексико, в полумиле от Сверхбольшого Массива Радиотелескопов, ежеминутно получавших информацию из космоса. Информацию о том, что происходило десять миллиардов лет назад на расстоянии десяти миллиардов миль. Здесь, в этом месте, они узнали правду друг о друге.

Сначала Лиф сказала, что у нее тяжелая астма и поэтому она уехала в пустыню на год, исчезнув из жизни Анил. Она связалась с представителями ленд-арта и теперь жила в Поле Молний, близ Корралеса. В 1977 году художник Уолтер де Мария установил в пустыне, на ровной площадке длиной в милю, четыреста столбов из нержавеющей стали. Лиф стала работать смотрительницей лоджа. Из пустыни дули могучие ветры, вокруг бушевали грозы, потому что летом столбы притягивали на площадку молнии. Она стояла среди них, среди электрических разрядов и одновременных раскатов грома. Она всего лишь хотела стать ковбоем. Она любила Юго-Запад.

Лиф встретила Анил около Сверхбольшого Массива Радиотелескопов, собиравших информацию о Вселенной над пустыней. Она жила

рядом с этими гигантскими радиоприемниками, ловившими гигантскую историю неба. Есть там кто-нибудь? Откуда идет сигнал? Кто умирает, снявшись с якоря?

Что ж, оказалось, что это Лиф.

Каждый день они сидели лицом к лицу за совместной трапезой в «Пекоде». Анил чувствовала, что гигантские телескопы в пустыне принадлежат к тому же жанру, что и любимые кинотеатры Лиф под открытым небом. Они говорили и слушали друг друга. Лиф любила Анил.

И знала, что Анил ее любит. Сестра и сестра. Но Лиф была больна. И ей, очевидно, становилось хуже.

— Что ты имеешь в виду?

— Я все время… забываю всякие вещи. Видишь ли, я могу сама поставить себе диагноз. У меня альцгеймер. Я знаю, что слишком молода для этого, но я болела энцефалитом в детстве.

Когда они работали в Аризоне, никто не замечал ее болезни. Сестра и сестра. Она уехала, не сказав Анил, почему уезжает. С энергией одиночки она сумела перебраться на восток, в пустыню Нью-Мексико. Астма, сказала Лиф. Борясь за свою жизнь, она начала терять память.

Они сидели в «Пекоде» в Сокорро, шепча в по-

слеполуденный воздух:

— Лиф, слушай. Ты помнишь, кто убил Черри Баланса?

Что?

Анил медленно повторила вопрос.

— Черри Баланса, — повторила Лиф. — Я…

— Его застрелил Джон Уэйн. Помнишь?

— Я это знала?

— Ты помнишь Джона Уэйна?

— Нет, моя милая.

Моя милая!

— Ты думаешь, они нас слышат? — спросила Лиф. — Эти гигантские металлические уши в пустыне. Они нас тоже засекают? Я всего лишь мелкая деталь в побочной линии сюжета.

Затем, после проблеска памяти, она прибавила, к ужасу Анил:

— Что ж, ты всегда считала, что Черри Баланс должен умереть.

— А она? — спросил Сарат, когда Анил рассказала ему о своей подруге Лиф.

— Она жива. Она позвонила мне, когда у меня был жар, там, на юге. Мы всегда звонили друг другу и говорили, пока не уснем, смеясь и плача, делясь новостями. Нет, она жива. Ее сестра присматривает за ней неподалеку от этих телескопов

в Нью-Мексико.

Дорогой Джон Бурман, у меня нет Вашего адреса, но мистер Уолтер Донохью из «Фабер и Фабер» предложил передать Вам письмо. Я пишу от своего лица и от лица моей коллеги Лиф Нидекер по поводу одной сцены в вашем раннем фильме «В упор». В начале фильма — точнее сказать, в прологе — в Ли Марвина стреляют с расстояния примерно в полтора метра. Он падает обратно в тюремную камеру, и мы думаем, что он мертв. Затем он приходит в себя, покидает Алькатрас и плывет через пролив в Сан-Франциско.

Мы, судебные эксперты, поспорили о том, в какую часть тела мистера Марвина попала пуля. Моя подруга думает, что пуля, скользнув, сломала ребро, но рана была незначительной. Мне кажется, что рана была более серьезной. Я понимаю, что прошло много лет, но, может быть, вы попытаетесь вспомнить и сообщить нам место входа и выхода пули и то, какие указания вы давали мистеру Марвину относительно того, как ему реагировать на выстрел и как двигаться впоследствии, когда герой фильма выздоровел.

Искренне Ваша, Анил Тиссера

Разговор в *валавве* в дождливый вечер.

— Вам нравится сохранять некоторую неопре-

деленность, не правда ли, Сарат, даже по отношению к самому себе.

— Не думаю, что ясность неразрывно связана с истиной. Это всего лишь простота, не так ли?

— Мне нужно знать, что вы думаете. Отделить одно от другого, чтобы узнать, из чего вы исходите. Это вовсе не исключает сложности. На открытом воздухе тайны оказываются бессильными.

— В любом случае политические тайны не бессильны.

— Но можно уничтожить напряженность и угрозу, которые их окружают. Вы археолог. Истина в конечном счете обнаруживается. Она в костях и остаточной породе.

— Она в характере, нюансах и настроении.

— Они-то и управляют нашей жизнью, а не истина.

— Жизнью управляет истина, — тихо произнес он.

— Почему вы стали этим заниматься?

— Я люблю историю, мне нравится проникать вглубь этих ландшафтов. Словно проникаешь вглубь сна. Кто — то невзначай отодвигает камень, и рождается история.

— Тайна.

— Да, тайна… Меня послали учиться в Китай. Я пробыл там год. И видел в Китае всего лишь одно место величиной с пастбище. Я больше никуда не ездил. Там я жил и работал. Крестьяне расчищали холм и наткнулись на землю другого цвета. Простая вещь, но туда пришли археологи. Под серой землей другого цвета нашли каменные плиты, а под ними деревянные балки, обтесанные, подогнанные и скрепленные так, как будто на лугу уложили пол. Только это был не пол, а *потолок*… Как я уже сказал, это походило на сон, в который ты погружаешься все глубже. Чтобы поднять эти балки, туда пригнали краны, и под ними оказалась вода — водяная могила. Три огромных пруда, по которым плавал лакированный гроб древнего правителя. Там также находились гробы с телами двадцати женщин с музыкальными инструментами. Понимаете, они должны были его сопровождать. С цитрами, флейтами, свирелями, барабанами и металлическими колокольчиками. Препроводить его к предкам. Когда скелеты вынули из гробов, то повреждений, говорящих о том, каким образом музыкантши были убиты, не обнаружили: все кости были целы.

— Значит, их задушили, — предположила Анил.

— Да. Так нам и сказали.

— Или отравили. Исследование костей поможет установить истину. Не знаю, существовала ли тогда в Китае традиция отравления. Когда это было?

— В пятом веке до нашей эры.

— Да, они разбирались в ядах.

— Мы пропитали лакированные гробы полимером, чтобы они не разрушились. Лак был сделан из сока сумаха, смешанного с разноцветными красителями. Сотни слоев лака. Потом нашли музыкальные инструменты. Барабаны. Свирели из бутылочных тыкв. Китайские цитры. Но больше всего — колокольчиков… К тому времени прибыли историки. Специалисты по конфуцианству и даосизму, по колокольному звону. Мы вытащили из воды шестьдесят четыре колокольчика. До сих пор не было найдено ни одного инструмента той эпохи, хотя известно, что музыка была самой важной деятельностью и *идеей* этой цивилизации. Поэтому вельможу полагалось хоронить не вместе с его сокровищами, а в сопровождении музыки. Оказалось, что большие колокола, которые мы вытащили из воды, были сделаны с применением сложнейших технологий. Похоже, в каждом регионе имелся свой способ изготовле-

ния колоколов. Между ними буквально велись музыкальные войны… Не существовало ничего важнее музыки. Она служила не для развлечения, а для связи с предками, благодаря которым мы оказались здесь, она была моралью и духовной силой. Опыт прорыва сквозь барьеры серого сланца, древесины и воды, чтобы обнаружить там захоронение женского оркестра, подчинялся той же мистической логике, вы понимаете? Вы должны понять, почему они согласились принять подобную смерть. Точно так же террористов в наше время можно убедить, что они обретут бессмертие, если умрут за дело своего вождя… Перед моим отъездом был устроен концерт. Все работавшие на раскопках могли услышать звон колоколов. Мой год в Китае подходил к концу. Концерт состоялся вечером, и, слушая колокола, мы физически ощущали, как их звуки взмывают в темноту. У каждого колокола было два тона, символизирующие две стороны души, которая заключает в себе гармонию противоборствующих сил. Возможно, эти колокола и сделали меня археологом.

— Двадцать убитых женщин.

— Передо мной предстал другой мир со своей собственной системой ценностей.

— Любишь меня — люби мой оркестр. Это может увлечь! Подобный вид безумия лежит в структуре всех цивилизаций, не только древних. Вы, мужчины, сентиментальны. Смерть и слава. Один парень влюбился в меня из-за моего смеха. Он даже меня не видел, не находился со мной в одной комнате, он слышал запись моего смеха.

— И?..

— Он, женатый человек, потерял голову, заставил меня в него влюбиться. Знакомая история. Как умные женщины, забыв обо всем, становятся идиотками. В конечном счете я стала смеяться гораздо реже. И смех мой уже не звучал как колокольчик.

— Как по-вашему, он был влюблен в вас еще до того, как с вами встретился?

— Что ж, это интересный подход. Возможно, дело в тембре моего голоса. Он, кажется, прослушал эту запись два-три раза. Он был писателем. Писателем. Им хватает времени искать неприятностей на свою голову. Меня попросили председательствовать на лекции моего учителя Ларри Энджела. Он обворожительный, забавный человек. Так что я действительно много смеялась над его образом мыслей, над тем, как он связывает различные явления с помощью своего нелиней-

ного мышления. Мы сидели за столом на сцене, я его представила; наверно, мой микрофон не был выключен, и во время лекции я смеялась. Мы со стариной Ларри всегда хорошо понимали друг друга. Наши отношения напоминали отношения племянницы с любимым дядюшкой, слегка окрашенные сексом, но неизменно платонические… Наверное, у писателя, который в итоге стал моим любовником, тоже был нелинейный склад ума: он хорошо понимал шутки. Он заказал эту пленку, потому что интересовался исследованиями в области погребальных холмов или чем-то в этом роде, довольно серьезным предметом, и хотел получить информацию, выяснить кое-какие детали. Так мы встретились. Заочно. В масштабе Вселенной не слишком важное событие… Три года наших отношений были очень напряженными.

*

Первое совместное приключение: Анил направлялась на своей немытой белой, пропахшей плесенью машине в шри-ланкийский ресторан. Это случилось всего через несколько месяцев после того, как Каллис услышал запись ее смеха. Они двигались в вечернем потоке машин.

— Итак. Ты знаменит?

— Нет, — засмеялся он.

— Ну хоть немного?

— Скажем так, мое имя знакомо семи десяткам человек, не считая родственников и друзей.

— Даже здесь?

— Я в этом сомневаюсь. Хотя кто знает? Что это, Масуэлл-Хилл?

— Арчуэй.

Открыв окно, она крикнула:

— Эй, слушайте все… со мной сидит писатель Каллис Райт! Да, это он! Сегодня он со мной!

— Спасибо.

Она подняла стекло.

— Завтра мы посмотрим в светской хронике, не устроят ли тебе выволочку.

Она опустила стекло и на этот раз принялась сигналить, чтобы привлечь внимание. Как бы то ни было, они застряли в пробке. Со стороны могло показаться, что они ссорятся. Рассерженная женщина наполовину высунулась из машины, указывая на кого-то внутри, пытаясь привлечь на свою сторону пассажиров других машин.

Он устроился на пассажирском сиденье, наблюдая за ее неуемной энергией, непринужденностью, с какой она, вздернув юбку к коленям и с ворчанием рванув на себя ручной тормоз, выскочила из машины. Теперь она, размахивая

руками, стучала по грязной крыше машины.

Позже он вспомнит и другие эпизоды — когда она пыталась прогнать его осторожность, смягчить встревоженный взгляд. Заставив его танцевать на темной европейской улочке под маленький кассетник, который она прижимала к его уху. «Бразилия». *Запомни эту песню.*

Он пел вместе с ней на той парижской улице, а их ноги выделывали па на нарисованном очертании собаки.

Он сидел, вжав спину в сиденье, в окружении автомобилей и смотрел сквозь дверцу машины на ее торс, пока она кричала и колотила по крыше. Ему казалось, что он заключен в лед или металл, а она колотит по поверхности, чтобы добраться до него и вызволить. Энергия ее взметнувшейся одежды, ее дикая улыбка, когда она снова забралась в машину и поцеловала его, — эта женщина могла бы его освободить. Но он был женат и уже отдал свое сердце в залог.

В конце концов она покинула его в мотеле «Пальма» в Боррего-Спрингс. Не оставив ему ничего. Только кровь, черную, как ее волосы, и комнату, темную, как ее кожа.

Он лежал в темноте, глядя, как подергивание мышцы на плече приводит в движение нож. Его

медленно уносило в забытье — как лодку без весел. Всю ночь он слышал еле слышное тиканье гостиничных часов. Он боялся, что биение его крови вдруг остановится, что стук по крыше машины, когда она рвалась к нему, прекратится. Время от времени мимо проносился грузовик, свет фар скользил по стенам. Каллис боролся со сном. Обычно он не любил сдерживать себя. Когда он писал, то погружался в текст, как в воду, и давал себе волю. Писатель превращался в акробата. (Запомнит ли он это?) А если не в акробата, то в жестянщика, несущего сто кастрюль и сковородок, куски линолеума и проводов, и колпачок на сокола, и карандаши и… ты таскаешь их годами и постепенно вводишь в скромную маленькую книжку. Искусство упаковки. А потом он снова будет расчищать болота. Вот так пишутся книги, Анил. Ты спросила меня: «Как?» — спросила: «Что для тебя самое важное?» Анил, я расскажу тебе…

Но она сидела в ночном автобусе, выезжавшем из долины, закутанная в серую накидку — что-то среднее между плащом и пончо. Ее глаза в нескольких дюймах от окна вбирают очертания деревьев. О, он знал этот взгляд, означавший перегруппировку сил перед боем. Но это произойдет в последний раз. Второго раза не будет. Она

это знала, знал и он. Их жизнь, полная любовных стычек, попытки расстаться, худшие и лучшие моменты — все воспоминания рассмотрены, как на ярко освещенном лабораторном столе в Оклахоме; автобус в тумане карабкается в гору, минуя маленькие городки.

Когда похолодало, Анил съежилась, но глаза смотрели не мигая, она не собиралась упустить ни одной подробности их последней ночи. Она предпочла сосредоточиться на их взаимных прегрешениях, их ошибках. Она хотела убедиться только в этом, хотя понимала, что впоследствии появятся другие версии их рокового романа.

Не спали только она и водитель. Она видела зайца. Слышала глухой стук столкновения ночной птицы с автобусом. В салоне было темно. Пять дней она будет разбираться в своем письменном столе, а потом улетит на Шри-Ланку. Где-то в сумке у нее валялся список всех телефонов и факсов, по которым с ней можно будет связаться на острове в следующие два месяца. Она собиралась дать его Каллису. Она обозрела всю его гребаную жизнь, засевший в нем страх, любовь и утешение, которые он боялся от нее получить. И все же он был для нее волшебным замком, полным великолепных помещений, неисчерпаемых

возможностей, необычайно воодушевляющим.

Автобус поднялся над долиной. Она не могла уснуть, как и он. Она хотела продолжать войну, как и он. Как мог он спать в ту ночь, когда ее имя стояло между ним и его женой? Она, словно тень, присутствовала даже в нежнейших отношениях этой пары. С нее довольно. Быть пылинкой или отзвуком, быть компасом, которым он пользуется лишь тогда, когда необходимо выяснить ее местонахождение.

И с кем он будет разговаривать в полночь через семь часовых поясов? Как с камнем в храме, который священники используют для исповеди. Что ж, теперь у них обоих нет будущего. Им остается только избегать прошлого.

Анил не умела петь, но знала слова и чувствовала ритм.

Oh, the trees grow high in New York State,
They shine like gold in autumn —

Never had the blues whence I came,
But in New York State I caught'em.[23]

Она произносила строки шепотом, склонив

---

[23] Примечания: 23

Из песни «Talk to Me of Mendocino» канадского фолк-дуэта сестер Кейт и Анны Макгарригл с их дебютного альбома, вышедшего в 1975 г.

голову к груди. Autumn. Caught'em. Одна рифма так и льнет к другой.

КОЛЕСО ЖИЗНИ

Анил с Саратом выяснили, кем был Моряк, на третьей графитовой шахте. Его звали Руван Кумара, он был сборщиком пальмового сока. После того как он, сорвавшись вниз, сломал ногу, он стал работать на местной шахте, и жители деревни помнили, когда его схватили чужаки. Они спустились в штольню, где работали двенадцать человек. Они привели с собой *виллу* — кого-то из местных жителей с джутовым мешком на голове, в котором имелись отверстия для глаз, — чтобы, оставшись неузнанным, он мог указать на тех, кто сочувствовал мятежникам. *Виллой* называли чудовище, привидение, которым пугали детей. Он указал на Рувана Кумару, и того увели.

Теперь у них имелась точная дата похищения. Вернувшись в *валавву,* они начали планировать следующий шаг. Сарат полагал, что они по-прежнему должны соблюдать осторожность и собрать больше улик, иначе их работу могут отвергнуть. Он вызвался съездить в Коломбо и поискать Рувата Кумару в списке неблагонадежных, утверждая, что сможет его достать. На это потребуется

два дня, а затем он вернется. Он оставит ей свой сотовый телефон, хотя она вряд ли сможет с ним связаться. Он позвонит ей сам.

Но прошло пять дней, и он не вернулся.

Все ее страхи относительно Сарата ожили, она вспомнила о его родственнике-министре, о его взглядах на опасность истины. Она в ярости бродила одна по *валавве.* Настал шестой день. Она включила телефон Сарата и позвонила в ратнапурскую больницу, но, как выяснилось, Ананды там не было, он ушел домой. Поговорить было не с кем. Она осталась наедине с Моряком.

Взяв телефон, Анил отправилась на дальний конец рисового поля.

— Кто говорит?

— Анил Тиссера, сэр.

— А, та, пропавшая.

— Да, сэр, пловчиха.

— Вы так ко мне и не пришли.

— Мне нужно поговорить с вами, сэр.

— О чем?

— Я должна составить отчет и нуждаюсь в помощи.

— Почему вы обратились ко мне?

— Вы знали моего отца. Работали вместе с ним. Мне нужен человек, которому можно доверять.

Возможно, это политическое убийство.

— Вы говорите по сотовому телефону. Не называйте меня по имени.

— Я нахожусь в затруднительном положении. Мне нужно попасть в Коломбо. Вы можете помочь?

— Попробую. Где вы находитесь?

Этот вопрос он уже задавал. Она заколебалась:

— В Экнелигоде, сэр. В *валавве.*

— Я знаю это место.

Он повесил трубку.

Днем позже Анил была в Коломбо, в Аудитории Арсенала, располагавшейся в здании антитеррористического центра на Грегориз-роуд. Скелета Моряка с ней больше не было. В *валавву* за ней заехала машина, но без доктора Переры. Когда она приехала в больницу в Коломбо, он встретил ее и обнял за плечи. Потом они поели в кафетерии, и она рассказала ему о своей работе. Он посоветовал ей остановиться. Он высоко оценил ее работу, но посчитал ее опасной.

— Вы делали доклад о политической ответственности, — сказала она. — Тогда вы высказали противоположное мнение.

— То был доклад, — ответил он.

Когда они вернулись в лабораторию, возникло

некоторое замешательство: скелет исчез неизвестно куда.

Теперь, стоя в маленькой аудитории, наполовину заполненной официальными лицами, среди которых были военные и полицейские, обученные методам борьбы с мятежниками, она поняла, что оказалась в сложном положении. Ей предстояло делать сообщение, не располагая вещественными доказательствами. Это могло поставить под сомнение все исследование. Анил подошла к столу, на котором лежал древний скелет, принадлежавший, вероятно, Жестянщику, и начала описывать различные методы анализа костей и идентификации скелета по профессиональным признакам и месту, где он был обнаружен, хотя ей был нужен совсем другой скелет.

Сидевший в последнем ряду невидимый ею Сарат слушал ее невозмутимые объяснения, в которых чувствовалась уверенность, абсолютное спокойствие и твердое намерение не проявлять волнения или гнева. Это было выступление юриста и, что более важно, свидетельство гражданина; она уже не была просто иностранным специалистом. Затем он услышал ее слова:

— Я полагаю, вы убивали нас сотнями.

Нас, повторил про себя Сарат. Пятнадцать лет отсутствия, и наконец она стала одной из *нас.*

Теперь они оказались в опасности. Он ощутил враждебность зала. Он один не был против нее. Придется как-то защищаться.

Между Анил и скелетом стоял благоразумно спрятанный магнитофон, записывавший каждое слово, каждое мнение или вопрос со стороны официальных лиц, на которые она до сих пор отвечала учтиво, но нелицеприятно. Однако он мог видеть то, чего не видела Анил: затуманенные взгляды в жарком помещении (должно быть, полчаса назад отключили кондиционер, испытанное средство рассеять внимание). Он отделился от стены и двинулся вперед:

— Простите…

Все повернулись к нему. Она подняла глаза, на ее лице было написано удивление по поводу его присутствия и его реплики.

— Этот скелет был тоже найден на раскопках в Бандаравеле?

— Да, — ответила она.

— На какой глубине?

— Приблизительно метр.

— Вы можете назвать более точную цифру?

— Нет, не могу. Я не понимаю, почему это важ-

но.

— Потому что участки холма около пещеры, где был найден этот скелет, вытаптывались скотом, размывались дождями, подвергались воздействию человека… Я не прав? Да включите же этот чертов кондиционер, в этой духоте невозможно четко рассуждать. Разве неверно, что старые захоронения девятнадцатого века, кладбища или места казней, часто — а практически всегда — располагаются на глубине менее шестидесяти сантиметров?

Она начала волноваться и решила промолчать. Сарат почувствовал, что привлек внимание сидящих в зале, они повернулись к нему.

Он направился к передним рядам, и ему позволили к ней подойти. Он посмотрел на Анил через стол, наклонился и щипцами вытащил из грудной клетки маленький камень.

— Этот камень был найден в ребрах скелета?

— Да, это так.

— Скажите нам, что происходит с древними захоронениями… Подумайте как следует, мисс Тиссера, не просто теоретизируйте.

Последовала пауза.

Пожалуйста, оставьте этот покровительственный тон.

— Объясните нам, что с ними происходит.

— Обычно над погребенными телами кладут на землю камень. Он служит чем-то вроде указателя — когда плоть разрушается, он падает вниз.

— Разрушается? Каким образом?

— Одну минуту!

— Сколько лет на это требуется?

Молчание.

— Я слушаю.

Молчание.

Теперь он говорил очень медленно:

— Как правило, не меньше девяти лет, верно? Прежде, чем камень упадет в грудную клетку. Я прав?

— Да, но…

— Прав?

— Да. Но это не относится к сожженным телам.

— Но мы не можем быть уверены даже в этом, потому что большинство скелетов из исторических захоронений было сожжено в прошлом веке. Как вам известно, в тысяча восемьсот пятьдесят шестом году была эпидемия чумы. Еще одна в тысяча восемьсот девяностом году. Многие трупы были сожжены. Скелету, который лежит перед вами, скорее всего, лет сто — несмотря на ваше великолепное исследование его карьеры,

привычек и диеты…

— Скелет, с помощью которого я *могла бы* что-то доказать, конфискован.

— Кажется, у нас тут слишком много тел. Разве конфискованный скелет важнее этого?

— Конечно нет. Но конфискованному скелету меньше пяти лет.

— Конфискованному. Конфискованному… Кто его конфисковал? — спросил Сарат.

— Его забрали, пока я встречалась с доктором Перерой в больнице на Кинси-роуд. Он там исчез.

— Значит, вы его потеряли. Он не был конфискован.

— Я его не теряла. Его забрали из лаборатории, пока я говорила с доктором Перерой в кафетерии.

— Значит, вы его оставили в неподходящем месте. По-вашему, доктор Перера имеет к этому отношение?

— Не знаю. Вероятно. С тех пор я его не видела.

— И вы хотите доказать, что человек, которому принадлежит скелет, был убит недавно? Даже теперь, когда у нас нет улик?

— Мистер Диясена, я хотела бы напомнить вам, что приехала сюда как член группы по защите

прав человека. Как судмедэксперт. Я не работаю на вас, вы меня не нанимали. Я работаю на международную организацию.

Он повернулся и обратился к аудитории:

— Ваша «международная организация» была приглашена сюда правительством, не так ли? Я не прав?

— Мы — независимая организация. Мы представляем независимые отчеты.

— *Нам.* Правительству, находящемуся *здесь*. Это означает, что вы работаете на наше правительство.

— Я хочу официально заявить, что некоторые правительственные силы убивают невинных людей. Именно это я вам говорю. Вы, как археолог, должны верить в историческую правду.

Я верю в общество, в котором царит мир, мисс Тиссера. То, что вы предлагаете, может вылиться в хаос. Почему вы не расследуете убийства правительственных служащих? Да включите же наконец кондиционер!

Раздались жидкие аплодисменты.

— Исчезнувший скелет был доказательством особых преступлений. Здесь важно именно это. «*Одна деревня может говорить от лица многих деревень. Одна жертва может говорить от лица*

многих жертв». Помните? Я думала, вы представляете не только интересы правительства.

— Мисс Тиссера…

— Доктор…

— Хорошо, доктор. Я доставил сюда другой скелет из другого захоронения, относящегося к более раннему времени. Я бы попросил вас провести судебно-медицинское исследование этого скелета, чтобы установить, чем они отличаются друг от друга.

— Это смешно.

— Нет, это не смешно. Я бы хотел убедиться в существовании различий между двумя скелетами. Сомасена!

Он сделал знак кому-то в холле. В зал вкатили скелет, завернутый в полиэтиленовую пленку.

— Этому скелету двести лет, — громко объявил он. — Во всяком случае, так мы, археологи, предполагаем. Возможно, вам удастся нас разубедить.

Он издевательски постукивал по столу карандашом.

— Мне потребуется время.

— Мы даем вам сорок восемь часов. Оставьте скелет, о котором вы говорили, и пройдите с мистером Сомасеной в вестибюль, он вас проводит. Должен вас предупредить: прежде чем вы уедете,

вам придется снова подписать все документы, относящиеся к исследованию. Через двадцать минут скелет будет ждать вас у входа.

Она отвернулась и стала собирать бумаги.

— Оставьте здесь бумаги и магнитофон, пожалуйста.

Некоторое время она стояла неподвижно, потом вынула магнитофон из кармана, куда только что его сунула, и поставила на стол.

— Не забудьте, это моя собственность, — тихо произнесла она.

— Мы вам его вернем.

Она направилась по лестнице к выходу. Официальные лица почти не смотрели на нее.

— Доктор Тиссера!

В конце лестницы она повернулась и увидела его — наверняка в последний раз.

— Не пытайтесь вернуться за этими вещами. Просто покиньте здание. Если будет нужно, мы вам позвоним.

Она вышла из зала. Дверь захлопнулась за ней с пневматическим щелчком.

Сарат остался там и спокойно обратился к сидевшим в зале.

Вместе с Гунесеной они вывезли через боковую дверь два скелета. Дверь выходила в темный

коридор, ведущий к парковке. Некоторое время они стояли на месте. Гунесена молчал. Что бы ни случилось, Сарат не хотел возвращаться в аудиторию. Он нашарил выключатель. Раздалось потрескивание неона, свет замигал, как всегда бывает в подобных помещениях.

Ряд красных указателей со стрелками освещал уходящий вверх коридор. Они толкали в полумраке каталку с двумя скелетами; каждый раз, когда они проходили мимо указателя, их руки становились темно-красными. Он представил себе, как Анил сердито шагает двумя этажами выше, хлопая каждой дверью, сквозь которую проходит. Сарат знал, что на каждом этаже ее будут останавливать, вновь и вновь проверять документы, чтобы позлить и унизить ее. Он знал, что ее будут обыскивать, что из ее портфеля и карманов заберут все пробирки и слайды, что ее заставят раздеться и одеться снова. Чтобы пройти через все эти издевательства и покинуть здание, ей понадобится не меньше сорока минут, и он знал, что в конце пути у нее не останется ничего — ни капли информации, ни одной личной фотографии, которую она этим утром могла по глупости принести с собой в здание Арсенала. Но она отсюда выйдет, и это было все, чего он хотел.

После смерти жены Сарат никогда не возвращался в прежний мир. Он порвал со всеми ее родственниками. В ее кабинете лежали нераспечатанные письма с соболезнованиями. Они в каком-то смысле были адресованы ей. Он вернулся к археологии и спрятал свою жизнь в работе. Он организовал раскопки в Чилау. Молодые мужчины и женщины, которых он учил, почти ничего не знали о его прошлой жизни, и с ними ему было спокойнее. Он показывал им, как накладывать полоски мокрого пластыря на кость, как собирать и обрабатывать слюду, когда перевозить объекты, а когда оставлять их на месте. Он ел вместе с ними и был открыт для любого вопроса о работе. Он делился всеми своими знаниями и догадками в области археологии. Никто из работавших вместе с ним не пытался прорваться за крепостные рвы одиночества, которыми он окружил себя. В конце дня он возвращался усталый после раскопок на побережье. Ему было около сорока пяти, хотя ученикам он казался старше. Он ждал наступления вечера, пока другие кончат купаться, и заходил в море, исчезая в темной воде. В эти сумеречные часы, на глубине вдали от берега, иногда возникают течения, не дающие пловцу вернуться к берегу, уносящие его в море. Один

в волнах он давал себе волю, его тело свободно двигалось в воде, словно в танце, лишь его голова над водой трезво оценивала происходящее, мерцающий блеск огромных волн, под которые он устремлялся, пока они вздымались над ним.

Он вырос с любовью к морю. Когда он учился в колледже Святого Фомы, море начиналось сразу за железнодорожными путями. И на каком бы побережье он ни оказывался — в Хамбантоте, Чилау, Тринкомали, — он наблюдал, как рыбаки на катамаранах уходят во мрак, пока совсем не исчезнут в ночи. Разлука, смерть или пропажа как бы приравнивались к исчезновению из поля зрения наблюдателя.

Его всегда окружала смерть. Он чувствовал, что он, как археолог, служит неким связующим звеном между смертью плоти и бессмертием образа на скале или даже — что еще более удивительно — бессмертием как результатом веры или идеи. Поэтому исчезновение мудрой головы шестого века, утрата каменных рук в результате усталости веков сопутствовали человеческой судьбе. Он держал в руках скульптуры, которым было две тысячи лет. Или клал ладонь на теплую скалу, на которой была вырезана человеческая фигура. Ему приятно было видеть свою смуглую плоть на

ее поверхности. Он находил в этом удовольствие. Не в беседах, не в преподавании, не во власти, но просто в том, чтобы положить руку на *галл вихару,* живой камень, температура которого менялась в зависимости от часа дня, а пористость — в зависимости от дождя или быстротечных сумерек.

Эта каменная рука могла бы быть рукой его жены. Ее отличали тот же цвет и возраст, та же знакомая мягкость. Он с легкостью мог бы воссоздать ее жизнь, их совместные годы на фоне сохранившихся фрагментов ее комнаты. Двух карандашей и шали было достаточно, чтобы обозначить и воскресить ее жизнь. Но *их* жизнь была предана забвению. Сарат не пытался разобраться, почему она его оставила, какие его пороки и несовершенства послужили причиной ее ухода. Он мог, шагая по полю, представить себе стоявший здесь зал заседаний, сожженный дотла шестьсот лет назад; оказавшись там, мог по пятнам копоти, по отпечатку пальца воссоздать свет и позы тех, кто сидел здесь во время вечерней церемонии. Но он не извлек на поверхность ничего, что было связано с Равиной. Не потому, что сердился на нее, — просто не мог вернуться к травме, в то место, где он говорил в темноте, притворяясь,

что там светло. Но теперь, сегодня, он вернулся к сложностям людского мира с его множеством истин. Он действовал с полным осознанием того, что делает. И знал, что этого ему не простят.

Они с Гунесеной толкали каталку вверх. В тунеле было невыносимо душно. Сарат поставил каталку на тормоз:

— Принеси воды, Гунесена.

Гунесена кивнул. В его сдержанном жесте чувствовалось раздражение. Он ушел, оставив Сарата в полумраке, и пять минут спустя вернулся со стаканом воды.

— Она кипяченая?

И снова Гунесена кивнул. Выпив воды, Сарат встал с пола, на котором сидел:

— Прости. Мне стало плохо.

— Да, сэр. Я тоже выпил стакан.

— Хорошо.

Он вспомнил, как Гунесена выпил остатки настойки, которая была в бутылке у Анил, в ту ночь, когда они подобрали его на дороге в Канди.

Они прошли еще немного вперед. Толкнули двойные вращающиеся двери и вышли на солнечный свет.

Шум и солнце едва не заставили его отступить назад. Они вышли на служебную парковку. В тени

дерева стояли несколько водителей. Остальные сидели в своих машинах с включенным кондиционером. Сарат бросил взгляд на главный вход, но Анил там не было. Теперь он уже не был уверен в том, что ее выпустят. К ним подъехал фургон, на котором должны были перевезти предназначенный Анил скелет, и Сарат стал наблюдать за погрузкой. Молодым солдатам хотелось знать все. Не из-за подозрительности, а из простого любопытства. Сарат мечтал о передышке и покое, но понимал, что их не получит. Вопросы были личного свойства. Откуда он? Сколько времени он?.. Отделаться от них можно было, только отвечая. Когда они начали спрашивать его о том, что лежит на каталке, он, замахав перед лицом руками, оставил с ними Гунесену.

Анил до сих пор не вышла из здания. Он знал: что бы с ней ни случилось, он не может пойти ее искать. Она должна пройти сквозь оскорбления, унижения и стыд сама. С тех пор как он ее видел, прошел почти час.

Надо было чем-то заняться. За оградой продавали нарезанный ломтиками ананас, Сарат купил немного сквозь колючую проволоку и посыпал смесью соли с перцем. Два куска за рупию. Он мог бы уйти от солнца в вестибюль, но не знал, сумеет

ли она не потерять самообладания, подвергнув себя тем самым еще большей опасности.

Прошло полтора часа. Оглянувшись в четвертый раз, он увидел ее у дверей. Она стояла там не двигаясь, не понимая, где она и что ей делать.

Он приблизился к ней, сжав кулаки, потерявшись в водовороте мыслей:

— Как вы?

Она отвела взгляд в сторону.

— Анил…

Она выдернула руку. Он заметил, что она без портфеля. Без документов. Без инструментов. Он положил руку ей на грудь, проверяя, на месте ли маленькие пробирки во внутреннем кармане жакета, но их там не было. Она никак не отреагировала. Даже в ее состоянии она по меньшей мере понимала смысл его действий.

— Я же сказал, что вернусь в *валавву*.

— Но не вернулись.

— Мы здесь постоянно на виду. Мой брат говорил вам об этом. Люди знают, что ты приехал в Коломбо, как только ты здесь оказался.

— Идите к черту!

— Вам нужно сейчас же уехать.

— Нет уж, спасибо. Я больше не нуждаюсь в вашей помощи.

— Возьмите скелет, который я вам дал, и садитесь в фургон. Возвращайтесь на корабль с Гунесеной.

— В этом здании остались все мои бумаги. Я должна получить их назад.

— Вы никогда их не получите. Понятно? Забудьте о них. Вы должны их воссоздать. Вы можете купить в Европе новое оборудование. Можете восстановить почти все. Сохранить необходимо только вас.

— Благодарю за помощь. Оставьте себе свой поганый скелет.

— Гунесена, подавай фургон.

— Послушайте… — Она подняла на него глаза. — Попросите его отвезти меня домой. Вряд ли я дойду туда пешком. Мне в самом деле не нужна ваша чертова помощь. У меня ноги не идут. Меня… там…

— Отправляйтесь в лабораторию.

— Господи, да перестаньте вы…

Он сильно ударил ее по лицу. Он слышал ее вздох, видел стоявших в стороне людей, было видно, что ей трудно сдержаться.

— Берите скелет и приступайте к работе. У вас мало времени. Не звоните мне. Сделайте все за ночь. Отчет нужно сдать через два дня. Но сде-

лайте все сегодня ночью.

Ее настолько поразило его поведение, что она медленно забралась в стоявший рядом фургон. Сарат наблюдал за ней. Протягивая Гунесене пропуск в окошко машины, он увидел ее опущенное горящее лицо. Фургон повернул и исчез из виду.

Для него машины не было. Миновав часовых у ворот, он вышел на улицу, сделал знак «баджаджу» и дал водителю свой рабочий адрес. В «баджадже» невозможно откинуться на спинку кресла и расслабиться. Потеряв бдительность, рискуешь выпасть. Наклонившись вперед и обхватив голову руками, Сарат попытался отключиться от окружающего мира, пока трехколесная машинка лавировала в густом потоке машин.

Поднявшись по трапу, Анил прошла вдоль верхней палубы. Порт в разгар дня. Издалека до нее доносились свистки и гудки пароходов. Ей хотелось воздуха и открытого пространства, не хотелось спускаться в темноту трюма. Внизу на причале стоял человек с фотоаппаратом. Анил отступила назад, чтобы он исчез из поля зрения.

Она знала, что не задержится здесь надолго, желание остаться исчезло. Повсюду кровь. Постоянное ощущение бойни. Она вспомнила, что сказала ей женщина в надесанском центре дви-

жения «За права человека»: «Я ухожу отсюда в том числе и потому, что уже не могу вспомнить, где и когда происходили массовые убийства…»

Было около пяти вечера. Анил нашла бутылку, налила себе стакан арака и спустилась по узким ступеням в трюм.

— Все в порядке, мисс?

— Спасибо, Гунесена. Можешь идти.

— Хорошо, мисс.

Но она знала, что он останется с ней где-нибудь на корабле.

Она включила лампу. На столе лежал другой набор инструментов, принадлежавший Сарату. Она слышала, как у нее за спиной захлопнулась дверь.

Она выпила еще арака и стала громко разговаривать с собой, чтобы услышать эхо в тусклом свете, не чувствовать себя наедине с этим древним скелетом, который ей вручили. Она разрезала пластиковую пленку скальпелем «X-Acto» и размотала ее. Она мгновенно узнала его. Но для верности провела правой рукой по пятке и ощутила впадину в том месте, откуда она несколько недель назад вырезала кусочек кости.

Сарат нашел Моряка. Она медленно направила на него другую лампу. Ребра как шпангоут лод-

ки. Скользнув рукой меж выгнутых костей, она наткнулась на лежащий внутри магнитофон, еще не веря себе, еще не веря, пока не нажала клавишу и трюм не наполнился голосами. У нее была информация на пленке. Их вопросы. И Моряк. Она снова просунула руку сквозь ребра, чтобы остановить магнитофон, но в это время раздался голос, очень отчетливый, очень сосредоточенный. Должно быть, он шептал, поднеся магнитофон ко рту.

«Я в туннеле под Арсеналом. У меня очень мало времени. Как вы видите, это не просто чей-то скелет, а Моряк. Улика двадцатого века, останки человека, погибшего пять лет назад. Сотрите эту запись. Сотрите мои слова. Закончите отчет и готовьтесь покинуть корабль в пять утра. Самолет вылетает в семь. Вас отвезут в аэропорт. Я хотел бы сделать это сам, но, вероятно, это будет Гунесена. Не покидайте лабораторию и не звоните мне».

Анил отмотала пленку назад. Она отошла от скелета и начала прохаживаться взад и вперед по трюму, слушая его голос.

Слушая все сначала.

В Галле-Фейс-Грин братья свободно разговаривали друг с другом только благодаря ее

присутствию. Так ей тогда показалось. Гораздо позже она поняла, что на самом деле они разговаривали только друг с другом и получали от этого удовольствие. В каждом из них жила потребность соединиться, Анил была только предлогом. Это был *их* разговор о войне, идущей в их стране, о том, что каждый из них делал в это время и чего делать не хотел. Позже оказалось, что они были ближе друг к другу, чем думали.

Если теперь она вступит в другую жизнь, вернется в страну, которую предпочла, насколько важной частью ее жизни станут Гамини и память о Сарате? Расскажет ли она своим друзьям о двух братьях из Коломбо? Пожалуй, ей нравилось быть их сестрой, удерживать от резких слов в адрес друг друга. Где бы она ни оказалась, будет ли она их вспоминать? Думать об этой необычной паре представителей среднего класса, родившихся в одном мире и в середине жизни по пояс погрузившихся в другой?

Той ночью она вспомнила их разговор о любви к своей стране. Несмотря ни на что. Западному человеку никогда не понять такой любви.

— Я никогда не смогу уехать отсюда, — тихо сказал Гамини.

— Американские фильмы, английские книж-

ки… помните, как они кончаются? — спросил Гамини той ночью. — Американец или англичанин садится в самолет и улетает. Вот так. Вместе с камерой. Он глядит в окно на Момбасу, или Вьетнам, или Джакарту, теперь он может смотреть на них сквозь облака. Усталый герой. Пара слов сидящей сзади девушке. Он возвращается домой. В сущности, война закончена. Для Запада этого достаточно. В политической литературе Запада эта история повторяется последние двести лет. Вернуться домой. Написать книгу. Замкнуть круг.

Сотрудник организации по защите прав человека вошел с пятничными отчетами о жертвах — свежими, почти влажными черно-белыми фотографиями; на этой неделе их было семь. Лица закрыты. Он оставил отчеты для Гамини на столе у окна. Тот подошел к ним, когда менялась смена. Включил магнитофон и начал описывать раны и возможные способы их нанесения. На третьей фотографии раны были нетяжелые. Оставив отчеты, он спустился на один этаж и побежал по коридору в палату. Она была открыта. Он начал сдергивать простыни с тел, пока не увидел то, что ожидал. После того как он взял в руки третью фотографию, он слышал только биение своего сердца.

Гамини не знал, как долго он здесь простоял. В комнате лежало семь тел. Он мог что-нибудь сделать. Но не знал что. Возможно, он мог бы что-то сделать. Он видел ожоги от кислоты, вывернутую ногу. Он отпер шкаф с бинтами, лонгетами, дезинфицирующими средствами. Начал обмывать шампунем темно-коричневые отметины на теле. Он мог бы вылечить своего брата, вправить левую ногу, обработать каждую рану, словно тот был жив, словно, вылечив сотню мелких травм, он мог вернуть его к жизни.

Глубокий шрам на локте сбоку ты получил, упав с велосипеда на Канди-хилл. А этот шрам остался после того, как я ударил тебя крикетным столбиком. В конце концов мы, братья, перестали уступать друг другу. Ты слишком хорошо играл роль старшего брата, Сарат.

И все же, будь я тогда врачом, я наложил бы тебе швы лучше доктора Пьяшо. С тех пор прошло тридцать лет, Сарат. День на исходе, все ушли домой, кроме меня, твоего наименее любимого родственника. Того, с кем ты никогда не мог расслабиться, не чувствовал себя уверенно. С твоей бедной тенью.

Он склонился над телом, перевязывая раны, и горизонтальные предвечерние лучи освещали

их, ведущих долгий разговор.

Есть разные виды любви-сострадания. Гамини вспоминает чувственную любовь, свидетелем которой однажды стал. Мужчина и женщина, мужчина кончал, а женщина гладила его по спине, и на ее лице отражалось признание его телесного преображения. То были Сарат и жена Сарата. Она подняла на него глаза, в его исступлении, а ее рука продолжала поглаживать лежавшее в ее объятиях тело.

Есть и другие примеры такой любви. Такова история Савитри,[24] вырвавшей мужа из рук Смерти. На удивительных иллюстрациях к этому мифу мы видим, как она заключает его в объятия, — ее лицо излучает радость, тогда как *его* запрокинутое лицо отражает пугающий процесс преображения, возвращения к любви и жизни. В этот миг он тоже пребывает в сфере действия такой любви.

Он расстегнул рубашку на брате так, что обнажилась грудь. Мягкая грудь. Не жесткая, звериная, как у него. Щедрая грудь Ганеши. Азиатский жи-

---

[24] Примечания: 24

Героиня эпизода из Махабхараты; вышла замуж за Сатьявана, несмотря на предсказание, что ей суждено жить с ним всего один год. В роковой день тот умер, и бог смерти Яма пришел за его душой, которую понес в царство теней. Савитри неотступно следовала за ним, так что в конце концов ему пришлось вернуть Сатьявану жизнь.

вот. Грудь человека, разгуливающего в саронге по саду или по веранде с газетой и чашкой чая в руках. Сарат всегда чуждался насилия, как будто в его душе никогда не бушевали войны. Это выводило из себя окружавших его людей. Если Гамини был Мышонком, то его брат — Медведем.

Гамини прижал свою теплую руку к его застывшему лицу. Он никогда не тревожился о судьбе своего единственного брата, всегда полагая, что роковая развязка грозит, скорее, ему. Возможно, каждый из них думал, что в одиночестве сгинет в темноте, которую они создали вокруг себя. Их женитьба, их карьера на границе гражданской войны, между правительством, террористами и повстанцами. В их отношениях никогда не брезжил свет в конце туннеля. Вместо того они искали и находили свои суверенные владения. Сарат на залитых солнцем полях искал астрологические камни, Гамини пребывал в средневековом мире неотложной помощи. Каждый из них чувствовал себя легче, свободнее, когда не думал о другом. По существу, они были слишком похожи и не могли дать ничего один другому. Каждый не желал демонстрировать свою неуверенность и страх, с другими людьми они проявляли только силу и гнев. Женщина Анил сказала той ночью в

Галле-Фейс-Грин: «Я не могу судить о человеке по его силе. Она ничего не проявляет. Я могу судить о человеке по его слабости».

Грудь Сарата сказала обо всем. Именно против этого восставал Гамини. Но сейчас на каталке лежало беззащитное тело. Без прикрас. Без контраргументов, без мнений, с которыми Гамини не желал считаться. На его груди была отметина вроде раны от копья. Маленькое, неглубокое отверстие в груди. Гамини промыл ее и перебинтовал.

Он видел погибших с вырванными зубами, отрезанными носами, выжженными кислотой глазами, проткнутыми ушами. Когда он бежал по больничному коридору, он больше всего боялся увидеть лицо своего брата. В некоторых случаях их привлекало именно лицо. В своем омерзительном ремесле они научились интуитивно распознавать тщеславие. Но лицо Сарата осталось нетронутым.

Рукава рубашки, которую надели на Сарата, были непомерно длинны. Гамини знал почему. Он разрезал их от плеча до запястья. Руки в нескольких местах ниже локтя были сломаны.

Стемнело. Казалось, комнату заполнила серая вода. Он подошел к дверям, коснулся выключа-

теля, и загорелись семь центральных ламп. Он вернулся назад и сел рядом с братом.

Он неподвижно просидел там еще час, пока в больницу не стали поступать жертвы взрыва, случившегося где-то в городе.

Президент Катугала, в белом хлопковом костюме, казался старым, совсем не таким, как на развешенных по городу гигантских плакатах, прославлявших и восхвалявших его много лет. При взгляде на этого живого человека, на худое лицо под редеющими седыми волосами, вы начинали испытывать к нему сочувствие, независимо от того, что он сделал. Он казался слабым и испуганным. В последние дни им овладело беспокойство, как будто его посещали дурные предчувствия, как будто был запущен некий механизм, над которым он был не властен. Но сегодня отмечался Национальный день героев. И каждый год в Национальный день героев Серебряный президент выходил к народу. Пропустить политический митинг он не мог.

Неделей раньше он получил предупреждение от полицейских и армейских сил особого назначения: не выходить к толпе. И он на самом деле обещал не делать этого. Но около половины четвертого поступило известие о том, что президент

неожиданно вышел пообщаться с народом. Глава особого подразделения и еще несколько человек, запрыгнув в джип, помчались за ним. Они отыскали его довольно быстро на запруженных народом улицах Коломбо, но только они к нему подъехали и остановились рядом, как раздался взрыв.

Катугала был в свободной куртке с длинными рукавами, саронге и сандалиях. На левом запястье часы. Остановившись на Липтон-серкус, он произнес со своего пуленепробиваемого автомобиля короткую речь.

Р. был в джинсовых шортах и свободной рубашке. Под ними был спрятан пояс со взрывчаткой, две батарейки «Дюрасел» и два синих выключателя — один для левой руки, другой для правой, — соединенные проводами со взрывчаткой. Первый выключатель приводил устройство в боевую готовность. Он мог оставаться включенным столько времени, сколько хотелось террористу. Второй выключатель приводил бомбу в действие. Для взрыва требовались оба выключателя. Можно было в любой момент повернуть второй выключатель. Или вернуть в первоначальное положение первый. Этим снаряжение Р. не ограничивалось. Выше джинсовых шорт распо-

лагался пакет с динамитом, крепившийся к телу четырьмя лентами липучки; помимо динамита, Р. нес на себе тяжелый груз тысяч металлических шариков.

Закончив выступление на Липтон-серкус, Катугала направился в своем пуленепробиваемом «рейнджровере» на многолюдный митинг в Галле-Фейс-Грин. Год назад предсказатель сказал: *«Он кончит свои дни, как тарелка, упавшая на пол».* Теперь Катугала ехал по дороге с двусторонним движением. Но он продолжал выходить из машины и приветствовать толпу. Р. пробрался сквозь беспорядочное скопление людей на велосипеде — или, возможно, шел пешком, толкая велосипед перед собой. Так или иначе, теперь Катугала был в гуще народа, он вновь остановился, потому что заметил процессию своих сторонников, которые, размахивая плакатами, выходили на трассу с боковой улицы. И он решил направить их в нужную сторону. А собиравшийся убить его Р., которому удалось проникнуть в дальний круг приближенных президента, так что те хорошо его знали, — Р. медленно приближался к нему, то ли верхом на велосипеде, то ли катя его перед собой.

В закрытом армейском архиве есть несколько

фотографий, снятых в последние полчаса его жизни. Два — три снимка были сделаны полицией с крыши высокого здания, остальные, сделанные журналистами, были конфискованы и никогда не публиковались в газетах. На них президент в своей белой одежде кажется слабым и встревоженным. И главным образом старым. В газетах очень давно не появлялись его неотретушированные снимки. Поэтому на этих фотографиях прежде всего бросается в глаза его возраст — и это впечатление усиливает гигантская картонная фигура у него за спиной, его идеализированное изображение, где он полон сил, с пышной седой шевелюрой. Рядом стоит бронированный автомобиль, который он покинул в последний раз.

План Катугалы в эти последние минуты состоял в том, чтобы побудить процессию сторонников из его избирательного округа присоединиться к толпе в Галле-Фейс-Грин. Он уже шел к своему автомобилю, но передумал и вернулся, чтобы направить шествие, — и вместе со своими телохранителями оказался между двумя совершенно разными процессиями: своими сторонниками и обычными людьми, празднующими Национальный день героев. Если бы кто-то сказал стоящим в толпе, что среди них находится президент,

многих бы это удивило. *Где президент?* Для толпившихся на улице людей единственной формой президентского присутствия была гигантская бутафорская фигура, нырявшая вверх и вниз, пока ее несли его сторонники.

Никто по-настоящему не знает, пришел ли Р. с этой новой процессией, что представляется более вероятным, или же он был там, где эта группа встретилась с огромной толпой. Или же он ждал его у автомобиля. Так или иначе, он уже давно ждал дня, когда сумеет оказаться рядом с Катугалой на улице. В любом другом месте у Р. не было ни малейших шансов приблизиться к президенту вместе с прикрепленной к телу взрывчаткой и металлическими шариками. Телохранители были суровы.

Проверялась каждая ручка в каждом кармане. Исключений не делали ни для кого. Поэтому Р. оставалось приблизиться к нему в людном месте со всеми прикрепленными к его телу средствами уничтожения. Он был не только орудием, но и наводчиком. Бомба должна была уничтожить любого, к кому он приблизится. Оптическим прицелом станут его глаза. Он подошел к Катугале, уже включив одну из двух батареек. Глубоко в его одежде вспыхнула синяя лампочка. Оказавшись

в пяти шагах от Катугалы, он нажал на другой выключатель.

В четыре часа дня на Национальном дне героев в одну секунду были убиты пятьдесят человек, включая президента. Бомба разорвала президента на мелкие куски. Главным вопросом сразу после взрыва стал вопрос о том, не был ли президент похищен, а если да, то кем — полицией, армией или террористами? Потому что останков президента обнаружить не удалось.

Куда девался президент?

Начальник подразделения по охране президента, узнавший полчаса назад, что Катугала вышел к толпе, впрыгнул в джип, помчался к Серебряному президенту и, догнав его, стал настаивать, чтобы тот вернулся в бронированный автомобиль и отправился к себе в резиденцию. При взрыве бомбы он чудом остался жив. Поток металлических шариков, проникнув в тело Катугалы, остался там или, пройдя насквозь, застучал по асфальту в нескольких шагах от него. Но грохот взрыва заглушил этот стук. Этот чудовищный звук запомнило большинство людей — из тех, кто выжил.

Итак, он был единственным человеком, стоявшим в тишине, вместившей в себя последние

отзвуки взрыва. На расстоянии двадцати шагов от него не было никого, не считая гулливероподобной копии Катугалы, изрешеченной металлическими шариками, сквозь которую пробивались лучи солнца.

Вокруг лежали тела убитых. Политические сторонники, астролог, трое полицейских. Всего в нескольких шагах стоял невредимый бронированный «рейнджровер». На неразбитых окнах была кровь. Сидевший внутри водитель не пострадал, если не считать того, что ему заложило уши.

На стене здания по другую сторону улицы были обнаружены остатки плоти, возможно принадлежавшей террористу. Правая рука Катугалы лежала на животе у мертвого полицейского. Тротуар был усыпан осколками глиняных горшков из-под простокваши. Четыре часа дня.

К половине пятого все врачи Коломбо, с которыми удалось связаться, были вызваны в больницы скорой помощи. На периферии взрыва более ста человек получили ранения. Вскоре по всем отделениям поползли слухи, что во время взрыва Катугала находился в толпе. И все больницы готовились принять его израненное тело. Но не дождались. Его тело, или то, что от него осталось,

долго не могли найти.

Поначалу люди узнавали о гибели президента из телефонных звонков, поступавших из Англии и Австралии; знакомые говорили им, что слышали, что Катугала убит. И тогда всего за час правда распространилась по городу.

ДИСТАНЦИЯ

На протяжении жизни нескольких поколений в поле близ Будурувагалы возвышалась сорокаметровая статуя. В полумиле от нее находились более известные изваяния бодхисатв, высеченные в скале. В полуденную жару ты шел босиком и смотрел на каменные фигуры. В этом регионе безнадежного земледелия до ближайшей деревни было четыре мили. Так что каменные тела бодхисатв, поднимавшиеся из земли, и их лица высоко в небе часто оставались единственным напоминанием о людях, которое крестьянин наблюдал в течение дня в своем ландшафте. Они смотрели на неподвижный пейзаж, на цикад, стрекочущих в выжженной траве. Они вносили постоянство в быстротечность жизни.

После долгого ночного мрака солнце, поднимаясь, сначала золотило головы бодхисатв и одинокого Будды, потом спускалось по их каменным одеждам и наконец, выйдя из-за леса, обрушивалось на песок и выжженную траву, на камни и фигуры людей, идущих босиком, с горящими ногами, к священным статуям.

Три человека всю ночь шли по полям, неся с собой тонкую бамбуковую лестницу. Приглушенный разговор, страх, что их увидят. Они изготовили эту лестницу вчера днем и теперь приставили ее к статуе Будды. Один из них закурил *биди* и, зажав ее зубами, начал взбираться по лестнице. Он сунул в складки каменной одежды Будды сверток динамита и зажег сигаретой фитиль. Затем спрыгнул вниз, и все трое бросились бежать, а потом, повернувшись на шум и взявшись за руки, пригнулись, когда статуя закачалась, ее туловище скакнуло вниз и огромное выразительное лицо Будды с грохотом упало на землю.

Воры вскрыли живот статуи металлическими прутьями, но, не найдя сокровищ, ушли. И все же они взорвали камень, а не человека. В коитo веки это не было политическим актом или актом религиозной мести. Эти люди пытались избавиться от голода, изменить свою распадавшуюся жизнь. А «безучастные» «невинные» поля вокруг статуи и высеченные в скале фигуры бодхисатв стали свидетелями пыток и погребений. Поскольку края эти были почти необитаемы, не считая горстки крестьян и паломников, сюда приезжали грузовики — сжигать и прятать тела

похищенных людей. На этих полях буддизм и его ценности столкнулись с политическими событиями двадцатого века.

Мастер, привезенный в Будурувагалу, чтобы попытаться восстановить статую Будды, был южанином. Родившись в деревне резчиков по камню, он стал художником, который рисовал глаза. По сведениям министерства археологии, осуществлявшего надзор за проектом, он был пьяницей, однако с утра никогда не пил. Затем работа и выпивка отчасти совпадали, но невменяемым он становился только к вечеру. Несколько лет назад он потерял жену. Она была одной из тысяч исчезнувших.

Ананда Удугама прибыл на рассвете, разложил на земле чертежи и распределил обязанности между семерыми помощниками, приехавшими вместе с ним. Рабочие раскопали фундамент, на котором стояли ноги статуи. Они уцелели. Их вытащили из земли и положили в поле, где летали пчелы, дожидаться восстановления верхней части статуи. В четверти мили отсюда одновременно с реконструкцией огромного взорванного Будды создавалась другая статуя — чтобы заменить разрушенного бога.

Предполагалось, что Ананда будет работать

под руководством и надзором иностранных специалистов, но в итоге знаменитости так и не приехали. Политическая обстановка оставалась слишком ненадежной, в стране было небезопасно. В соседних полях ежедневно находили трупы, даже не зарытые в землю. Убитых далеко отсюда, в Катугале, везли в эти края, подальше от семьи. Казалось, Ананду это не волновало. Он поручил двум своим помощникам заняться трупами — повесить бирки, связаться с организациями по защите прав человека. К началу сезона дождей убийцы поутихли, или, по крайней мере, эта территория больше не использовалась в качестве бойни или кладбища.

Вскоре выяснилось, что труд Ананды сложен и изобретателен. В жаркое время года, в период дождей и гроз, он наблюдал за работой из вырытой в земле траншеи, напоминавшей тридцатиметровый гроб. Туда складывали найденные фрагменты статуи. Внутри траншеи была установлена решетка, разделенная на тридцатисантиметровые квадраты, и если человек, стоявший на сортировке, относил какой-либо из найденных Камней к определенной части тела статуи, он помещал его в соответствующий отсек. Все это было предварительно, неточно. Одни

обломки камня были величиной с булыжник, другие — с костяшку пальца. Их сортировка велась в разгар сезона дождей, и камни падали в наполненные водой отсеки.

Ананда привлек к работе десять местных крестьян. Участие в этом проекте сулило относительную безопасность, иначе их могли забрать в армию или увести куда-то в качестве подозреваемых. Он набрал еще людей, мужчин и женщин. Если они просили, он брал их на работу. Они приходили к пяти утра и заканчивали в два, потому что у Ананды Удугамы были собственные планы на день.

Женщины сортировали мокрые камни и бросали их в отсеки решетки. Дождь шел уже больше месяца. Когда дождь прекращался, от травы поднимался пар, наконец-то можно было разговаривать и слышать друг друга, и одежда высыхала за пятнадцать минут. Потом дождь начинался снова, они вновь погружались в его шум, молчаливые, одинокие в поле, заполненном людьми, и порывы ветра сотрясали рифленую крышу хижины, пытаясь ее сорвать. На сортировку камней ушло несколько недель, и, когда наступил сухой сезон, конечности статуи в основном были собраны. Пятнадцатиметровая рука, ухо. Уцелевшие

ноги лежали в поле, полном пчел. В траве, где стрекотали цикады, люди начали придвигать отсеки друг к другу. Пришли инженеры и шестиметровым сверлом сделали в подошвах ног глубокие отверстия для металлических костей, которые вскоре зальют внутрь, соединяя бедра с торсом, плечи и шею с головой.

Монтаж шел несколько месяцев, большую часть из которых Ананда провел на голове у статуи. Он с двумя помощниками соединяли разрозненные фрагменты камня. Вблизи лицо походило на лоскутное одеяло. Сначала они хотели выровнять камень, чтобы лицо стало гладким, но после Ананда решил оставить все как есть. И стал работать над тем, чтобы придать чертам безмятежность.

Пока реконструкция Ананды шла у песчаной тропы, на горизонте постепенно вырастала новая статуя Будды. Тропа шла под уклон, и голова оставалась нижней частью тела — главной для окончательной стадии сборки.

Пять котлов кипящего железа шипели под редким дождем. Люди принесли с собой заготовленные гофрированные желоба, стали лить в них железо и смотреть, как оно исчезает в отверстиях ног, красный металл заливал пустоты,

просверленные в теле, — гигантские красные вены протянулись на тридцать метров. Затвердев, они накрепко соединили все конечности. Потом вновь зарядил дождь, на этот раз на два дня, и рабочих из деревни отослали домой. Около статуи никого не осталось.

Ананда сидел на стуле рядом с головой. Он смотрел в небо, на источник грозы. На трехметровой высоте был устроен помост из бамбука. И этот сорокапятилетний мужчина встал и забрался на помост, чтобы сверху взглянуть на лицо и торс, в котором остывало красное железо.

Наутро он вновь сюда пришел. По-прежнему шел дождь, потом внезапно прекратился, и от земли и статуи стал подниматься пар. Ананда то и дело снимал и протирал свои скрепленные проволокой очки. Теперь большую часть дня он проводил на помосте в одной из хлопковых индийских рубашек, несколько лет назад подаренных ему Саратом. Его саронг стал темным и тяжелым от дождя.

Он стоял над тем, что удалось воссоздать от лица. С тех пор как он поверил в самобытность художников, прошло много лет. Некоторых из них он знал в молодости. Ты лег в древнюю постель искусства, в которой они спали. Там уютно.

Ты видел дни их славы и дни изгнания. Художников и их искусство он всегда любил сильнее в годы их изгнания. Сам он больше не создавал и не придумывал лица. Выдумка — это такая малость. Однако вся предварительная работа по воссозданию статуи была ради него. Ради лица. Сотня кусочков и осколков камня, составленных вместе, тень бамбука на щеке. До этого статуя никогда не ощущала на себе человеческой тени. Она смотрела вдаль через знойные поля на зеленые террасы далекого севера. Она видела войны и навязанный мир или насмешку над теми, кто умирал у ее подножия. Теперь солнечные лучи высвечивали швы на ее лице, как будто его наскоро сметали из разных лоскутов. Ему не хотелось их прятать. Он видел серые, с тяжелыми веками глаза, вырезанные в камне кем-то в другом веке, этот все приемлющий взгляд, от которого щемило сердце. Теперь он стоял как раз напротив этих глаз, на расстоянии вытянутой руки, как животное в каменном саду или старый человек в грядущем. Скоро это лицо вознесется в небо, оно не будет больше лежать внизу, пока он ходит по помосту, а его тень перемещается по этому лицу, во впадинах которого скопился дождь, так что он может, наклонившись, испить из них

изобилие. Он смотрел на глаза, принадлежавшие когда-то божеству. Он это чувствовал. Будучи художником, он не размышлял о величии веры. Но знал, что если он перестанет быть художником, то станет демоном. Войне, которая шла вокруг него, требовались демоны, предвозвестники воздаяния.

Был вечер накануне церемонии Нетра Мангала, и жители окрестных деревень принесли подношения. Новая статуя Будды стояла вертикально, высоко над кострами, словно раздвигая темноту. К трем ночи песнопения сменились декламацией *елок* под тихую барабанную дробь. До Ананды доносилось чтение *Косалабимба-варнанава,* стрекотание ночных насекомых в поле рядом с полосами света; они расходились в стороны от статуи, подобно спицам колеса, и вели к кострам, где матери и дети спали или сидели в ожидании утра. В стылой темноте возвращались после выступления покрытые испариной барабанщики; пока они шли вдоль проходов, керосиновые лампы высвечивали их ноги.

Работа над статуями завершилась с разрывом в несколько дней, так что внезапно получилось, что статуй две — одна из покрытого рубцами серого камня, другая из белого гипса; теперь

они стояли в открытом поле в полумиле друг от друга.

Ананда сидел на тиковом стуле, одетый и загримированный. Ему предстояло нарисовать новой статуе глаза. В окружавшей его темноте исчезли прошедшие века. Во времена древних властителей, таких как Паракрама Баху, когда церемонию проводили только короли, храмовые танцовщицы танцевали и пели священные мелодии, как будто действие происходило на небе.

Около половины пятого мужчины принесли с темных полей длинные бамбуковые лестницы и прислонили к статуе, стоявшей в кольце костров. С восходом солнца станет видно, что они опираются на плечи гигантского изваяния. Ананда Удугама и его племянник уже поднимались в ночь вверх по лестницам. Оба в пышных одеяниях, на голове Ананды тюрбан из тонкого шелка. У обоих ранцы.

В холоде вселенной, на середине лестницы казалось, что лишь горящие внизу костры связывают его с землей. Потом, вглядевшись в темноту, он увидел встающий над горизонтом, появившийся над лесом рассвет. Солнце осветило зеленую бамбуковую лестницу. Ананда чувствовал его первое тепло у себя на руках, видел, как оно осветило

парчовый наряд, надетый поверх хлопковой рубашки Сарата — той самой, которую он обещал себе надеть на эту утреннюю церемонию. Дух Сарата Диясены всегда будет рядом с ним и женщиной Анил.

Он достиг головы за несколько минут до точного часа церемонии. Племянник его дожидался. Ананда уже поднимался по этой лестнице днем раньше и знал, что ему удобнее всего работать на третьей ступеньке сверху.

Он привязал себя к лестнице кушаком, и племянник передал ему резец и кисти. Внизу смолк стук барабанов. Мальчик держал металлическое зеркало так, чтобы в нем отражался пустой взгляд статуи. Несотворенные, незрячие глаза. А без глаз — которые рисуют или высекают из камня последними — скульптура не является Буддой.

Ананда начал работать резцом, сметая шелухой кокоса осколки гипса с вырезанной им широкой впадины, — стоящим внизу она покажется тонкой линией. Они с мальчиком молчали. Время от времени он, наклонившись вперед, опускал руки на лестницу, чтобы в них вернулась кровь. Оба работали быстро: вскоре солнечный свет станет слишком резким.

Он трудился над вторым глазом, потея под

парчовым костюмом, хотя дневной зной еще не наступил. Кушак не давал ему сорваться с лестницы. Гипсовая пыль покрыла все: щеки и плечи статуи, мальчика, одежду Ананды. Вскоре настанет решающий момент, когда отраженные зеркалом глаза увидят его, остановятся на нем. Первый и последний взгляд с близкого расстояния. Впредь статуя будет взирать на фигурки людей и животных только издали.

Мальчик смотрел на него. Ананда кивнул, давая знать, что с ним все в порядке. Они по-прежнему молчали. Ему, вероятно, осталось работать около часа.

Звук молотка умолк, вокруг был только ветер, его дыхание, порывы и свист. Он протянул инструменты племяннику. Потом достал из ранца краски. Из-за вертикальной линии щеки бросил взгляд на ландшафт. Светлая зелень, темная зелень, движения птиц и издаваемые ими звуки. Эту картину мира статуя будет видеть всегда, в свете дождя, в свете солнца — мир погоды легко воспламеняем даже без человеческого присутствия.

Глаза скульптуры, как и его сейчас, будут всегда устремлены на север. Как и гигантское, в шрамах лицо в полумиле отсюда, которое он помог

собрать из битого камня, эта статуя больше не была богом, она больше не имела безупречных черт, только чистый печальный взгляд, который нашел Ананда.

И теперь человеческим зрением он видел вокруг себя все фибры естественной истории. Был очевидцем малейшего движения птицы, каждого взмаха ее крыльев, или приближения далекой, за сотню миль отсюда, грозы, спускавшейся с гор близ Гонаголы на равнину. Он ощущал потоки ветра, зеленые сквозные тени облаков. По лесу шла девушка. Издалека, подобно облаку синей пыли, приближался дождь. Горела трава, бамбук, до него доносился запах бензина и гранат. Когда от нестерпимого жара с его руки отслоился камень, раздался громкий треск. Лицо с широко раскрытыми глазами в бушующих майских и июньских грозах. Погода, зародившаяся в умеренных лесах и на море, в колючих зарослях юго — востока и на лесистых холмах и устремившаяся к горящей саванне близ Бадуллы, а после к побережью с мангровыми деревьями, лагунами и дельтами рек. Великий круговорот погоды над землей.

Ананда на миг увидел мир таким. И испытал соблазн. Он посмотрел на мир глазами статуи,

которые он вырезал и сфокусировал с помощью отцовского резца. Птицы ныряли в просветы в листве деревьев! Летели сквозь шельфы тепловых потоков. Их крохотные усталые сердца часто бились. Так умерла Сирисса в той истории, которую он придумал в пустоте ее исчезновения. Маленькое храброе сердце. Она любила в небесных высях и пугалась в темноте.

Мальчик озабоченно коснулся его руки. Сладостное прикосновение этого мира.

БЛАГОДАРНОСТИ

Я хотел бы выразить свою признательность врачам и сестрам, археологам и судебным антропологам, а также работникам организаций по защите прав человека и гражданских прав, с которыми я встречался на Шри-Ланке и в других местах. Этот роман не мог бы быть написан без знания и опыта, которыми они щедро делились со мной на археологических раскопках, в больницах, где царили хаос и самоотдача, в архивах, хранящих необыкновенно печальные документы. Книга посвящена этим людям и организациям. И в первую очередь — Анджалендрану, Сенаке и Иэну Гунетилеке.

*

Благодарю за помощь тех, кто помогал мне во время подготовки материала, а также в процессе написания книги, это: Джиллиан и Алвин Ратнаяке, К. Х. Р. Карунаратне, Н. П. Самаравеера, Манел Фонсека, Сурия Викремасинге, Клайд Сноу, Виктория Санфорд, К. А. Р. Кеннеди, Гамини Гунетилеке, Анджалендран К., Сенаке Бандаранаяке, Радхика Кумарасвани, Тисса Абейсекара, Жан

Перера, Нейл Фонсека, Л. К. Карунаратне, Р. Л. Тамбугале, Дехан Гунасекера, Равиндра Фернандо, Ролан Силва, Ананда Самарасинга, Депика Удугама, Гунасири Хевепатура, Видьяпати Сомабанду, Джанака Веератунга, Дилуни Веерасена, Д. С. Лиянараччи, Джанака Кандамби, Доменик Сансони, Кэтрин Никерсон, Доня Петрофф, А. Руссо, Сара Хауэс, Мило Бич, Дэвид Янг и Луиза Дэннис.

А также: Кинси-роуд хоспитал, базовая больница в Полоннаруве, больница в Карапитии, Центр по защите прав человека в Надесане, Движение по защите гражданских прав на Шри-Ланке, «Амнести Интернешнл» и Конференция по правам человека, организованная Медицинским факультетом Коломбо и Университетским центром по изучению прав человека в мае 1996 года.

*

Неоценимую помощь при написании романа мне оказали следующие работы: Национальный атлас Шри-Ланки (1988); Кулавамса «Азиатское искусство в Рейксмюзеум, Амстердам» под редакцией Паулин Шерлеер (1985); «Колокола бронзового века», документальный фильм, снятый по заказу журнала «Archaeological Magazine»; «Средневековое искусство» Ананды Кумарасвами (1956), особенно его описание «ритуала глаз»; «Ре-

конструкция человека по скелету» под редакцией М. Я. Ишкана и К. А. Р. Кеннеди (1989), особенно статья Кеннеди о признаках воздействия профессии; Кеннеди, Деранлиагала, Рентген, Чимент и Дисотелл «Ископаемые гоминиды периода верхнего плейстоцена на Шри-Ланке» в «American Journal of Physical Anthropology» (1987); Лоренс Х. Роббинс «Камни, кости и стоянки древнего человека» (1990); учебники по военной хирургии, особенно Г. Гунетилеке «Ранения от противопехотных мин на Шри-Ланке»; Ананда В. П. Гурудже «Сенарат Паранавитана — автор исторических книг на санскрите» в «Vidyodaya Journal of Social Sciences»; К. Джойс и Э. Стовер «Свидетели из могилы: истории, рассказанные костями» (1991); «Заметки о древних больницах на Шри-Ланке»; Р. Силва, Г. Виджейсурия и М. Уайз «Реставрация варварски уничтоженной статуи бодхисатвы в Дамбогоде» (1990); воспоминания доктора П. Р. С. Петерсона о годах, проведенных на Шри-Ланке, «1918, чудесные деньки! Мемуары государственного медицинского чиновника», подготовленные и опубликованные М. Фонсекой; отчеты Амнести Интернешнл, Эйша Уотч и Комиссии по правам человека.

Эпиграф книги состоит из двух стихотворений,

приведенных в статье Р. А. Касинандера «Песни шри-ланкийских шахтеров», «Etnologiska Studier» (1981).

Список исчезнувших людей взят из отчетов «Амнести Интернешнл».

Строка Роберта Дункана взята из «HD-Book», глава 6 «Ритуалы участия» (1967).

На с. 60 приведены строки из «Отверженных» В. Гюго и «Железной маски» А. Дюма.

Выделенные курсивом фразы на с. 62 цитируются по книге Г. Циммера «Царь и мертвец» (1956).

Выделенное курсивом предложение на с. 48 взято из «Великих книг» Д. Денби (1996).

Строки о Юнге на с. 240 приведены в интервью с Леонорой Каррингтон, проведенном Розмари Салливан.

Спасибо Дэвиду Томсону за сведения о родословной героев американских вестернов.

Особая благодарность Манелу Фонсеке.

Обширная судебно-медицинская информация была почерпнута из интервью с Клайдом Сноу в Оклахоме и Гватемале; с Гамини Гунетилеке на Шри-Ланке и К. А. П. Кеннеди в Итаке, штат Нью-Йорк, а также со многими вышеперечисленными людьми.

*

Спасибо Джет Фьюэл, Рику Симону, Даррену Вершлеру-Хенри и Стэну Бевингтону из «Коач хаус пресс». Кэтрин Хуриган, Анне Жарден, Деборе Хелфанд и Лейле Акер. А также Эллен Левин, Гретхен Маллин и Тулин Валери.

И наконец, спасибо Эллен Селигман, Сонни Мете, Лиз Калтер. И Линде, Гриффину и Эсте.